

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

7-9

1 9 5 2

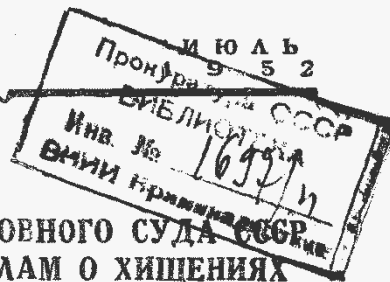
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ СССР,
ПРОКУРАТУРЫ СССР И ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

29-й ГОД
ИЗДАНИЯ

№ 7

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР О СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ ПО ДЕЛАМ О ХИЩЕНИЯХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Одним из основных условий успешной борьбы с расхитителями социалистической собственности является правильное применение судами указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», и поэтому 6 мая с. г. Пленум Верховного суда СССР принял принципиальное решение по этому вопросу.

Это постановление имеет исключительно важное значение для улучшения работы судов в борьбе с хищениями социалистической собственности. На основе систематического изучения и обобщения судебной практики Пленум Верховного суда СССР дает в этом постановлении руководящие указания по важнейшим, принципиальным вопросам, которые возникли в судебной практике по применению указа от 4 июня 1947 г. Оно ориентирует все судебные органы на правильное и неуклонное применение этого указа, являющегося важнейшим политическим актом, могучим орудием Советского государства в охране социалистической собственности. Строжайшее проведение указа в жизнь составляет и впредь важнейшую задачу судов.

Хищение социалистической собственности всегда являлось исключительно опасным преступлением, и поэтому охрана ее на протяжении всей истории существования Советского государства была одной из важнейших задач советского правосудия.

Ленин требовал беспощадной борьбы с расхитителями народного добра, требовал сурового наказания тех, кто проявляет в этом деле колебание, мягкодушие. Твердости и быстроте репрессии Ленин придавал большое воспитательное значение в отношении колеблющихся элементов из среды трудящихся.

Товарищ Сталин учит, что «...борьба за охрану общественной собственности, борьба всеми мерами и всеми средствами, предоставляемыми в наше распоряжение законами Советской власти,— является одной из основных задач партии» (Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 394).

В условиях постепенного перехода от социализма к коммунизму охрана социалистической собственности продолжает оставаться одной из важнейших задач в успешном строительстве коммунистического об-

щества. На XVIII съезде партии товарищ Сталин, говоря об изменении функций социалистического государства во второй главной фазе его развития, указал: «Вместо функции подавления появилась у государства функция охраны социалистической собственности от воров и расхитителей народного добра» (Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 606).

Социалистическая собственность является источником благосостояния и могущества нашей Родины, источником зажиточной и культурной жизни всех трудящихся.

У нас непрерывно разворачивается мирное строительство, сооружаются великие стройки коммунизма, осуществляется величественный сталинский план преобразования природы.

Сталинская Конституция (ст. 131) обязывает каждого гражданина СССР «беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества Родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся. Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа».

Все трудящиеся нашей страны кровно заинтересованы в охране социалистической собственности. Советское государство проводит разнообразные организационно-хозяйственные и культурно-воспитательные мероприятия, направленные на внедрение навыков бережного, заботливого отношения к народному добру. На страже социалистической собственности стоят и советские законы.

Необходимостью усиления борьбы с расхитителями общественного имущества было вызвано издание 7 августа 1932 г. исторического закона «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». Этот закон явился мощным оружием в руках Советского государства в борьбе за охрану экономической основы советского строя, он сыграл огромную роль в охране и укреплении социалистической собственности.

Изданный 4 июня 1947 г. указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» знаменует новый этап в борьбе с хищениями социалистической собственности. Указ от 4 июня 1947 г. направлен на более решительную борьбу с лицами, посягающими на народное достояние, он призван сослужить важную активную роль в дальнейшем укреплении социалистической собственности, в устранении пережитков капитализма в сознании наших людей.

Пережитки капитализма являются большим препятствием на пути нашего движения к коммунизму. Борьба с ними ведется главным образом при помощи коммунистического воспитания, при помощи убеждения. Но когда пережитки капитализма проявляются в нарушении советских законов, то необходимо в этих случаях применять к нарушителям меры принуждения.

«Коммунизм,— говорит Н. А. Булганин,— не может быть построен без полного преодоления пережитков капитализма в сознании наших людей. Вот почему должна быть усилена борьба с различными проявлениями некоммунистического отношения к труду и социалистической собственности» (Н. А. Булганин, 33-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, Госполитиздат, 1950, стр. 20).

Непрерывный рост политического и экономического могущества Советского государства во второй главной фазе его развития в условиях постепенного перехода от социализма к коммунизму повышает значение социалистической собственности как основы советского строя.

Рост политической сознательности и материального благосостояния советского народа сказался на успешности борьбы с преступностью, на снижении преступности, в частности, на уменьшении хищений социалистической собственности. Но мы допустили бы большую политическую ошибку, если бы ослабили эту борьбу, полагаясь на то, что успехи нашего государства все равно приведут к снижению преступности в нашей стране. Наоборот, успешность нашей борьбы с преступностью, и в первую очередь с хищениями социалистической собственности, настойчиво требует усиления этой борьбы.

В новых, социалистических условиях случаи хищения социалистической собственности отдельными лицами, предпочитающими вести паразитический образ жизни, приобретают особую, повышенную общественную опасность. Борьба с этими преступниками должна быть усилена. В этих условиях хищения социалистического имущества становятся еще более нетерпимыми.

Особенно возросло значение охраны социалистической собственности от воров и расхитителей народного добра после того, как советский народ, одержав великую победу над фашистской Германией и империалистической Японией, приступил к заживлению раны, нанесенной войной, приступил к восстановлению и дальнейшему развитию народного хозяйства, к осуществлению сталинской программы коммунистического строительства, борясь за новый мощный подъем экономики и культуры.

Таким образом, огромное политическое значение указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» состоит в том, что он направлен на всемерную охрану социалистической собственности, что он является новым могучим оружием в руках социалистического правосудия против расхитителей, что он призван содействовать успехам борьбы за осуществление постепенного перехода от социализма к коммунизму.

В самом указе от 4 июня 1947 г. сказано, что он издан в целях установления единства законодательства об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества и усиления борьбы с этими преступлениями. Указ от 4 июня 1947 г. устанавливает уголовную ответственность за кражу, присвоение, растрату или иное хищение государственного, колхозного, кооперативного или иного общественного имущества. От правильного применения судами указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» во многом зависит успех борьбы с расхитителями этого имущества.

В целях единообразного понимания судами указа от 4 июня 1947 г. Пленум Верховного суда СССР издал руководящие указания: от 22 августа 1947 г., от 17 февраля и 19 марта 1948 г. Эти постановления касались лишь некоторых вопросов, возникших в судебной практике в первый год его применения.

Постановление Пленума Верховного суда СССР от 6 мая 1952 г. принято уже на основе накопившегося значительного опыта борьбы судебных органов с хищениями государственного и общественного имущества, на основе систематического изучения и широкого обобщения судебной практики. В этом постановлении, имеющем очень важное значение для нашей борьбы с ворами и расхитителями народного добра, сформулированы и разрешены принципиальные вопросы, имеющие не только большое значение в практической деятельности судебных органов, но и представляющие значительный теоретический интерес. Постановление Пленума Верховного суда СССР затрагивает значительный

круг вопросов, касающихся судебной практики по применению указа от 4 июня 1947 г., оно вносит большую ясность по вопросам, которые не всегда одинаково разрешались судами, оно ориентирует суды на правильное применение этого указа, помогает судам устранить недостатки в их работе и поднимает работу судов на более высокую ступень.

Пленум Верховного суда СССР в постановлении отмечает, «что суды, в основном правильно применяя указ, значительно усилили борьбу за охрану социалистической собственности». Несмотря на эти успехи, борьба с хищениями попрежнему является важнейшей задачей судебных и прокурорско-следственных органов, и поэтому Пленум Верховного суда СССР указал судам на необходимость неуклонного применения указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» ко всем расхитителям социалистической собственности, имея в виду, что защита социалистической собственности от всяких посягательств является одной из основных и важнейших задач советского суда.

Одновременно постановление Пленума Верховного суда СССР указывает на наличие в судебной практике по применению указа от 4 июня 1947 г. серьезных недостатков и ошибок, которые свидетельствуют о недооценке некоторыми судами общественной опасности хищений социалистической собственности. Имеются еще случаи ослабления борьбы с расхитителями социалистической собственности.

Иногда суды по этой важнейшей категории дел допускают необоснованное применение мягких мер наказания или даже необоснованное оправдание, не учитывают квалифицирующих признаков, когда хищение государственного и общественного имущества совершено при отягчающих обстоятельствах, допускают неправильную квалификацию преступления по статьям о должностных преступлениях Уголовного кодекса вместо квалификации по указу за хищение, не применяют конфискации имущества в тех случаях, когда она по закону является обязательной (ст.ст. 2 и 4 указа), и вследствие этих обстоятельств ослабляется установленная законом ответственность преступников, что, несомненно, наносит ущерб делу правосудия.

Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 6 мая с. г. указал, что всякое присвоение государственного и общественного имущества, независимо от форм и способов его совершения, должно рассматриваться как хищение. Одним из существенных недостатков в судебной практике является то, что в некоторых случаях действия должностного лица, выразившиеся в присвоении государственного или общественного имущества путем злоупотребления своим служебным положением, суды неправильно квалифицируют по ст. 109 УК РСФСР и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик, а не по указу от 4 июня 1947 г.

Неправильно иногда суды квалифицируют как злоупотребление служебным положением действия должностных лиц, которые без законных оснований, исходя из корыстных соображений или по другим личным мотивам, передают вверенное им государственное или общественное имущество другим лицам для использования в личных целях. Все эти ошибки в квалификации преступлений приводят к необоснованному смягчению ответственности расхитителей социалистической собственности, к неправильной политической оценке совершенного преступления.

Решительная, непримиримая борьба за сохранность материальных ценностей Советского государства должна вестись не только с теми, кто посягает на государственное и общественное имущество в наиболее откровенной форме, в форме присвоения. Также подлежат ответственно-

сти по указу от 4 июня 1947 г. и те, кто, желая «порадеть родному человечку», незаконно передают ему по мотивам корыстной или личной заинтересованности вверенное им государственное или общественное имущество.

Не было единства в судебной практике в квалификации случаев представления поддельных документов с целью получения пенсий, пособий, надбавок за выслугу лет и т. п. Пленум Верховного суда СССР разъяснил, что заведомо незаконное получение тех или иных выплат от государственных или общественных организаций (пенсий, пособий и т. п.) путем представления для этой цели поддельных документов должно квалифицироваться как хищение и подделку по совокупности.

Так же следует квалифицировать и незаконное получение надбавок к заработной плате или незаконное получение премий, если по делу будет установлено, что надбавка или премия получены путем обмана при помощи фиктивных документов, представленных с прямым умыслом на незаконное получение указанных средств.

Суды в случае незаконного обращения расхитителями в свою собственность государственных или общественных средств путем служебного подлога, как правило, квалифицировали эти действия по указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», но без применения статьи Уголовного кодекса, предусматривающей подлог в корыстных целях, т. е. в таких случаях служебный подлог рассматривался как способ присвоения государственных или общественных средств и преступные действия охватывались только одним указом от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Пленум Верховного суда СССР разъяснил по этому вопросу, что хищение государственного или общественного имущества при посредстве служебного подлога должно квалифицироваться по совокупности, т. е. по указу от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и ст. 120, ч. 1, УК РСФСР (и соответствующим статьям УК других союзных республик).

В судебной практике нередко допускались ошибки в квалификации действий должностного лица, заключающиеся в так называемом «временном позаймствовании» им государственных или общественных средств. Пленум Верховного суда СССР указал по этому вопросу, что неправильно поступают суды, когда такие действия квалифицируют как злоупотребление служебным положением, а не по указу от 4 июня 1947 г. Эти действия представляют по существу завуалированную растрату, и так называемым «временным позаймствованием» часто лишь прикрывается действительный умысел виновного, направленный на хищение.

В судебной практике не совсем был ясен вопрос, как надлежит квалифицировать посягательство на социалистическую собственность, совершенное путем разбойного нападения на лиц, в ведении которых находится это имущество, или лиц, его охраняющих. Если эти действия квалифицировать по ст. 1 или ст. 3 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного или общественного имущества», т. е. отнести такое посягательство на социалистическую собственность к иным хищениям социалистического имущества, тем самым была бы дана неправильная оценка общественной опасности хищения социалистического имущества, совершенного в такой форме. В то же время возникает вопрос, можно ли такое действие отнести к квалифицированным видам хищения, поскольку обстоятельства, отягчающие

хищение социалистического имущества, точно перечислены в ст.ст. 2 и 4 указа от 4 июня 1947 г.

Пленум Верховного суда СССР указал по этому вопросу судам, что хищение государственного и общественного имущества, совершенное путем разбойного нападения на лиц, в ведении которых находится это имущество, или на лиц, охраняющих это имущество, должно рассматриваться как хищение, совершенное при отягчающих обстоятельствах, и квалифицироваться соответственно по ст.ст. 2 и 4 указа от 4 июня 1947 г. Если при этом разбойное нападение, совершенное группой, было сопряжено с убийством, то такие действия должны квалифицироваться по совокупности как бандитизм и хищение.

Судебная практика показывает, что суды нередко допускают ошибки при квалификации преступлений, предусмотренных указом от 4 июня 1947 г., вследствие неправильного и неединообразного понимания таких отягчающих обстоятельств (квалифицированных признаков), указанных в ст.ст. 2 и 4 указа от 4 июня 1947 г., как повторное хищение и хищение, совершенное организованной группой (шайкой). По всем этим вопросам Пленумом Верховного суда СССР также даны указания.

Прежде всего остановимся на понимании вопроса о повторности. В постановлении Пленума Верховного суда СССР от 19 марта 1948 г. не были разрешены все вопросы, возникающие в судебной практике в связи с пониманием повторности хищения. Было лишь указано, что для квалификации хищения социалистического имущества по ст.ст. 2 и 4 указа от 4 июня 1947 г. по признаку повторности не имеет значения, был ли виновный осужден за совершенное им ранее хищение или не был осужден. Но не были разрешены вопросы, как квалифицировать хищение государственного или общественного имущества, если раньше виновный совершил кражу личной собственности, и, наоборот, как квалифицировать кражу личной собственности граждан, если этому предшествует хищение государственного и общественного имущества. Не был разрешен также вопрос о том, как квалифицировать хищение государственного имущества, если раньше было совершено хищение общественного имущества, и наоборот.

Все эти вопросы, возникшие в судебной практике в связи с пониманием повторности хищения, нередко решались по-разному. Были по этому поводу высказаны различные точки зрения и среди теоретических работников.

Пленум Верховного суда СССР разрешил и эти вопросы, указав в постановлении, что суды при решении вопроса о повторности хищения должны учитывать, что «последующее хищение государственного или общественного имущества должно квалифицироваться как повторное, независимо от того, предшествовало ли ему хищение государственного, общественного или личного имущества. Равным образом и последующая кража личного имущества должна квалифицироваться как повторная, независимо от того, предшествовала ли ей кража личного имущества или кража социалистической собственности». Пленум Верховного суда СССР, кроме того, указал, что в тех случаях, когда еще не было вынесено приговора за предшествующее хищение и суд рассматривает дело в отношении обоих хищений, последующее хищение квалифицируется как повторное, а наказание за оба хищения определяется по совокупности согласно ст. 49 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

Таким образом, все вопросы, возникшие в судебной практике в связи с пониманием повторности хищения, нашли свое разрешение в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 6 мая 1952 г.

Имеет также важное значение указание Пленума Верховного суда СССР о понимании хищения, совершенного организованной группой. Нередко суды неправильно толкуют понятие организованной группы и поэтому расширительно применяют ст.ст. 2 и 4 указа от 4 июня 1947 г., квалифицируя как хищение организованной группой (шайкой) всякое совместное хищение двумя или более лицами, хотя совместное участие в хищении носило случайный характер. Такое неправильное понимание организованной группы (шайки) приводит на практике к необоснованному осуждению по ст. ст. 2 и 4 указа.

Пленум Верховного суда СССР от 19 марта 1948 г. дал руководящее указание по вопросу о понятии организованной группы. Под организованной группой, или шайкой, как было указано в постановлении, следует понимать группу из двух или более лиц, предварительно организовавшихся для совершения одного или нескольких хищений.

Судебная практика показала, что предварительную организованность она понимает как предварительный сговор, предварительную договоренность между участниками хищения. Поэтому не всякое групповое хищение обязательно должно влечь за собой уголовную ответственность по ст.ст. 2 или 4 указа от 4 июня 1947 г.

Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 6 мая с. г. разъясняет судам, что не всякое хищение, совершенное совместно двумя или более лицами, может рассматриваться как хищение, совершенное организованной группой (шайкой), и что ст. ст. 2 или 4 указа от 4 июня 1947 г. по этому признаку должны применяться лишь в тех случаях, когда по обстоятельствам дела устанавливается, что хищение совершено по предварительному сговору организовавшейся для этой цели группой лиц.

Успешность борьбы с хищениями государственного и общественного имущества зависит от качества расследования. Поэтому Пленум Верховного суда СССР отмечает, что нередки случаи, когда по делам, связанным с недостатками у должностных лиц вверенного им государственного или общественного имущества, не исследуются как в стадии предварительного следствия, так и на суде причины, которые повлекли недостачу, и с должной полнотой не выясняется, явилась ли недостача результатом хищения или она возникла по другим причинам, а это приводит к тому, что расхитители признаются виновными в халатности и не несут наказания по указу от 4 июня 1947 г.

Считая неременным условием строжайшего соблюдения социалистической законности правильность квалификаций действий, совершенных обвиняемыми, Пленум Верховного суда СССР в то же время обращает внимание судов на недопустимость осуждения по указу от 4 июня 1947 г. за недостачу вверенного государственного или общественного имущества, если не доказано его присвоение. Поэтому суды должны с особенной тщательностью исследовать все обстоятельства по такого рода делам.

Как показывает судебная практика, суды по-разному квалифицируют самовольное сенокошение на землях, находящихся в пользовании государственных организаций или колхозов. Постановление Пленума Верховного суда СССР от 9 апреля 1940 г. «О квалификации самовольного использования в личных целях земель, принадлежащих колхозам и совхозам», устанавливает, что самовольное снятие урожая для личных нужд с земли, принадлежащей колхозу или совхозу, необходимо квалифицировать как хищение социалистической собственности, но оно не разрешает вопроса об ответственности за самовольное сенокошение.

Пленум Верховного суда СССР в своем постановлении от 6 мая с. г. разъяснил по этому вопросу, что самовольное кошение сена частными лицами на землях, находящихся в пользовании государственных организаций или колхозов, должно квалифицироваться по ст. 90 УК РСФСР (и соответствующим статьям УК других союзных республик), но в тех случаях, когда этими действиями был причинен крупный ущерб или когда самовольное сенокосение было совершено с целью последующего сбыта, такие действия необходимо квалифицировать по указу от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Очень важное для судебной практики принято Пленумом Верховного суда СССР решение и по следующему вопросу. Пленумом дано судам указание: «в частичное изменение постановления Пленума Верховного суда СССР от 22 августа 1947 г... в тех случаях, когда мошенничество, причинившее ущерб государственному или общественному учреждению (предприятию) не соединено с присвоением государственного или общественного имущества (например: предъявление фиктивных квитанций с целью освобождения от внесения налога, использование шофером вверенной ему автомашины в корыстных целях и др.), такие действия подлежат квалификации по ч. 2 ст. 169 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик, которые для этих случаев мошенничества не должны считаться утратившими силу». В связи с этим признано, что постановление Пленума Верховного суда СССР от 8 февраля 1951 г. «Об усилении ответственности шоферов за незаконное использование в корыстных целях вверенных им по службе автомашин» утратило силу.

Пленумом Верховного суда СССР даны указания и по другим вопросам, по которым у судов нет единства и достаточной четкости в применении указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Успех борьбы с хищениями социалистической собственности зависит также и от того, насколько возмещен ущерб, причиненный государству и общественным организациям. Поэтому Пленум Верховного суда СССР считает, что одной из важных задач в борьбе с хищениями социалистической собственности является обязательное взыскание с осужденных сумм на возмещение причиненного ими ущерба в пользу государства или общественной организации. Поэтому работа судов по возмещению материального ущерба, причиненного расхитителями как государству, так и общественным организациям, должна быть решительно улучшена, а кассационные и надзорные инстанции при рассмотрении дела по жалобам и протестам должны строго следить за выполнением этого указания.

В борьбе с хищениями социалистической собственности важное значение имеет установление причин преступности, выявление условий, способствующих расхищению социалистического имущества. Поэтому Пленум Верховного суда СССР обязал суды на основе тщательного проведения судебного следствия выносить частные определения, которые сигнализировали бы соответствующим органам о выявленных в судах причинах, условиях, способствующих хищению (плохая постановка учета и охраны имущества и т. п.), и помогали бы устранению отмеченных судом недостатков.

Задача охраны социалистической собственности возлагает на суд обязанность не только покарать расхитителей, но и всей своей деятельностью содействовать предупреждению совершения новых хищений. С этой очень важной задачей многие суды еще не справляются, ограни-

чивая свою деятельность лишь наказанием виновного. В связи с принятием этого очень важного решения Пленума Верховного суда СССР необходимо еще раз обратить внимание на повышение воспитательной роли суда по этой категории дел, на серьезное воспитательное и предупредительное значение судебных процессов по делам о хищениях социалистической собственности. Судебный процесс должен быть организован и проведен так, чтобы «...все присутствующие на суде разобрались бы в этом деле и поняли бы правильность вынесенного судом решения» (М. И. Калинин).

Судьи обязаны особенно тщательно составлять приговоры по этим делам, чтобы они были хорошо мотивированы и обоснованы и поэтому были бы убедительными и способными оказать необходимое идейно-политическое и воспитательное воздействие. Но было бы неправильно, если бы суд ограничил свою воспитательную роль в борьбе за укрепление социалистической собственности рассмотрением конкретного дела и вынесением приговора. Поэтому судам, в целях предупредительного воспитательного воздействия, необходимо практиковать рассмотрение этих дел в выездных сессиях, освещать процессы в местной печати, делать доклады перед избирателями и в местных организациях о судебной практике по делам о хищениях социалистической собственности.

Все эти мероприятия, несомненно, имеют большое значение в доведении до сознания широких трудящихся масс политического значения указа от 4 июня 1947 г., и они будут способствовать преодолению особо опасного пережитка капитализма в сознании людей, каким является преступное отношение к социалистической собственности. Эти мероприятия имеют огромное значение для коммунистического воспитания трудящихся, особенно в условиях постепенного перехода от социализма к коммунизму.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» сыграл за эти годы огромную роль в борьбе за укрепление социалистической собственности, он явился новой вехой на пути развития советского права и знаменует собой новый, решающий этап в борьбе за полное искоренение воровства социалистического имущества. Постановление Пленума Верховного суда СССР от 6 мая с. г., направленное на неуклонное и правильное применение указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», несомненно, улучшит борьбу судебных и прокурорских органов с ворами и расхитителями народного добра.

Каждый судебный и прокурорский работник должен всегда помнить, что проведение в жизнь указа от 4 июня 1947 г. является его важнейшей политической задачей, ибо речь идет о полном искоренении хищений социалистической собственности.

ЗА УСТАНОВЛЕНИЕ ЕДИНСТВА В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ ПО ДЕЛАМ О ХИЩЕНИЯХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ¹

А. Ренев, А. Зверев

В борьбе с хищениями государственного и общественного имущества правильное толкование и применение на практике указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» имеет исключительно важное значение.

Несмотря на ясную направленность указа на решительную борьбу со всеми видами хищений социалистической собственности, за последнее время в толковании понятия хищения и в судебной практике по этим делам выявились разногласия, свидетельствующие об отклонении от буквального смысла указа.

Начало разногласиям положил год тому назад проф. Пионтковский, своеобразно истолковавший в своей статье «Основные вопросы практики применения указа 4 июня 1947 года» (журнал «Социалистическая законность» № 1 за 1951 г.) постановление Пленума Верховного суда СССР за 1948 год по делу Касперовича. Касперович, исполняя обязанности кассира парохода, в июне 1947 года во время рейса взял из кассы 2000 руб. и израсходовал для закупки разных товаров. По возвращении из рейса, он отправился с закупленными товарами домой, но был задержан органами милиции и привлечен к ответственности по указу от 4 июня 1947 г. Касперович, спустя несколько дней, внес в кассу 2000 руб. и объяснил, что деньги он не хотел похитить, а лишь временно их позаимствовал. В связи с этим Пленум Верховного суда СССР переквалифицировал его преступление на ст. 109 УК РСФСР.

Возможно, что это дело, исключительное по своей фабуле, осталось бы отдельным эпизодом в судебной практике. Однако проф. Пионтковский в подтверждение положения о том, что для признания наличия хищения необходимо установить в действиях виновного цель обращения имущества в свою собственность, цель присвоения, привел отдельные выдержки из постановления Пленума Верховного суда СССР по этому делу и, опираясь на них, безоговорочно, в качестве общего руководящего принципа объявил в своей статье, что хищение предполагает незаконное обращение чужого имущества в свою собственность без намерения его возвратить законному владельцу и что незаконное временное позаимствование из вверенных государственных сумм для личных надобностей представляет собой злоупотребление служебным положением.

В связи с таким ошибочным теоретическим освещением формулировки постановления Пленума Верховного суда СССР отдельные судебные работники в ряде случаев неправильно и незаконно ограничили применение указа от 4 июня 1947 г. по делам о растратах государственного и общественного имущества, в особенности при относительно

¹ Статья А. Ренева и А. Зверева поступила в редакцию до принятия Пленумом Верховного суда СССР постановления 6 мая 1952 г. о судебной практике по делам о хищениях социалистической собственности. — Редакция.

небольших размерах хищения и в случаях, когда уличенный в растрате возместит причиненный материальный ущерб государству.

Даже в небольшой практике работы линейных судов водного транспорта есть дела, которые могут иллюстрировать шаткость судебной практики по этим делам и опасность применения понятия «временного позаймствования».

Чтобы не быть голословными, приведем несколько примеров.

Линейный суд Днепровского бассейна в феврале 1951 г. признал виновным бухгалтера Брестских мастерских Потапова в том, что он, исполняя обязанности кассира и получая деньги от клиентуры, не приходил их по кассе, а брал себе и пропивал. Таким образом в течение 1950 года он присвоил 726 руб. Кроме того, он систематически брал авансы в счет заработной платы, не погашал их, брал новые и все эти деньги тоже пропивал, растратив еще 1625 руб. Поскольку Потапов все свое имущество пропил, материальный ущерб государству остался невозмещенным. Только на том основании, что этот пьяница записывал большинство растрченных денег в свою личную карточку, которая находилась в его распоряжении и могла быть в любое время уничтожена, суд усмотрел, что Потапов «имел намерение в последующем погасить долг» и потому квалифицировал его преступление не как растрату государственных средств, а как злоупотребление служебным положением.

У заведующего остановочным пунктом «Ирта» Северного пароходства Колебякина четыре раза в 1949 году производились ревизии кассы, и каждый раз обнаруживалась растрата государственных средств в небольших суммах в пределах до 200 руб. Деньги эти Колебякин пропивал, а после ревизий и установления растраты вносил в кассу. В результате пятой ревизии 26 октября 1951 г. была вскрыта новая растрата уже в сумме 831 руб., после чего он был предан суду по указу от 4 июня 1947 г. Однако суд квалифицировал его деяния по ст. 109 УК РСФСР по тем мотивам, что Колебякин, расходуя государственные средства на пьянство, якобы «нарушал финансовую дисциплину».

У другого заведующего остановочным пунктом того же Северного пароходства Дудникова трижды в течение года производились ревизии кассы, в результате которых выявлялись недостачи денег, примерно по 300 руб. в каждом случае. Кроме того, сектором контроля доходов Котласского порта было вскрыто, что он в 1950 году не сдал 360 руб., а в 1951 году — 552 руб. Все эти деньги в общей сложности 1834 руб. Дудников растрчивал, но, как только ревизия устанавливала недостачу, он вносил их в кассу порта. Суд признал, что Дудников израсходовал деньги на личные нужды, ибо питал слабость к спиртным напиткам, но..., поскольку он якобы не имел цели их присвоить, так как действия не скрывал, квалифицировал преступление по ст. 109 УК РСФСР.

У кладовщика столовой Борского орсa Рябова в течение семи месяцев его работы четыре раза производились ревизии, и в каждом случае выявлялась недостача продуктов, причем последняя недостача превысила 2500 руб. Лишь после выявления недостач Рябов частично уплачивал деньги. В результате из общей суммы недостачи, достигшей 4086 руб., он погасил 2561 руб. и не смог погасить 1525 руб. Следствием было установлено, что он систематически брал себе муку, сахар, вино, папиросы, печенье, конфеты и другие продукты, хотел, по его заявлению, уплатить деньги в буфет столовой, выписав буфетнице бестоварную накладную, но со дня на день оттягивал эту операцию до новой ревизии. Рябов «припомнил», что он якобы взял продуктов на 684 руб. Долг столовой в сумме 1525 руб. остался невозмещенным. Суд признал, что Рябов «кредитовал себя, имея намерение впоследствии внести столовой

стоимость взятых продуктов», и поэтому осудил его не за присвоение государственного имущества, а за злоупотребление служебным положением.

4 января 1952 г. линейный суд железнодорожного и водного транспорта Сахалина, рассмотрев дело в подготовительном заседании, признал, что кассир-инкассатор Корсаковского торгового порта Жужгина за время с июня 1950 года по ноябрь 1951 года, неоднократно беря деньги из кассы, в конечном итоге допустила недостачу 5597 руб., причинив на эту сумму ущерб государству. По собственному признанию Жужгиной и констатации суда обвиняемая из этих денег присвоила и растратила 3000 руб., в частности снабдив деньгами своего сожителя, уезжавшего на материк. Тем не менее суд предложил квалифицировать преступные деяния Жужгиной по ст. 109 УК, ибо она и ранее брала из кассы 2000 руб. для уплаты долга частным лицам, но потом снова вкладывала деньги в кассу. Видимо, суд и в этом случае расценил действия Жужгиной как «временное незаконное позаимствование» государственных средств с намерением когда-либо возместить государству растратенные средства.

Мы хотим показать, как иногда преломляется это понятие временного позаимствования на практике, какие вопросы она ставит, каких конкретных дел касается, к какой путанице она ведет.

Из приведенных примеров видно, что иногда в понятие незаконного позаимствования включается самовольное изъятие кассиром государственных средств из кассы для личных нужд, нередко на пьянство, что в это понятие также включается открытое растаскивание продуктов кладовщиками; что длительность временного позаимствования исчисляется годами и очень часто прямо зависит от того, как скоро будет произведена ревизия; что намерение «возвратить позаимствованное» государственное имущество законному владельцу может таить в себе любой растратчик и не реализовать это намерение или не иметь возможности это сделать, а иногда это намерение возникает у растратчика после присвоения и, как правило, после обнаружения растраты; что растратчик не всегда обращает похищенное имущество в свою личную собственность, но иногда распоряжается им как своим собственным имуществом и отдает его другим лицам (дело Жужгиной).

Проф. Пионтковский совершенно прав, требуя установления в действиях виновного в хищении признаков субъективной стороны состава преступления, т. е. умысла на присвоение.

Но формулировка тов. Пионтковского, требующего установить в действиях виновного «цель обращения имущества в свою собственность», слишком узка. Она незаконно ограничивает понятие хищения и применение указа от 4 июня 1947 г. на практике, так как исключает из этого понятия случаи хищений, совершенных не в личных корыстных целях, а в других преступных целях, в частности, для других лиц и т. д.

Поэтому, полностью соглашаясь с проф. Пионтковским, что с субъективной стороны хищение государственного или общественного имущества, в какой бы форме оно ни совершалось, является преступлением умышленным и что умысел в данном случае может быть только прямым и должен быть доказан, мы считаем, что для признания этого умысла необходимо установить: а) наличие сознания, что имущество, которым незаконно завладевает лицо, является государственной или общественной собственностью, и б) желание обратить это имущество в свою собственность или распорядиться как своим собственным имуществом.

Теперь о так называемом «незаконном временном позаимствовании»

государственных средств для личных надобностей, совершенном якобы с намерением когда-то возратить их государству.

Прежде всего нельзя не отметить вольности такой юридической терминологии. Заем, несомненно, предполагает действие, совершенное с согласия владельца. Следовательно, пользоваться такой терминологией, как заем, позаймствование, неуместно, причем даже в сочетании со словом «незаконное». Когда говорится о незаконном позаймствовании государственных средств, имеется в виду незаконное, но все же полученное на это согласие уполномоченного их распорядителя либо какое-то оформление этого незаконного акта, но не самовольное тайное изъятие денег из кассы или продуктов из кладовой, без какого-либо оформления. Так разве можно при данных условиях серьезно говорить о каком-то незаконном позаймствовании государственных средств не как о разновидности хищения, а как о злоупотреблении?

Однако проф. Пионтковский говорит о временном характере пользования, а временное пользование государственным имуществом, хотя бы и незаконное, является не хищением, а злоупотреблением служебным положением. С этим можно согласиться, но при условии, когда временный характер пользования государственным имуществом определен заранее до получения имущества в пользование либо в крайнем случае убедительно объективно доказан лицом, которое противоправно завладело государственным имуществом.

Ссылаться же голословно на временный характер «позаймствования», исходя из крайне непостоянного намерения со временем возратить государству присвоенное или растраченное имущество, либо тогда, когда преступление уже вскрыто, как это чаще всего случается, поздно.

Кроме того, такое намерение в своем развитии крайне непостоянно. Оно может возникать и исчезать в различных стадиях выполнения преступного замысла и даже после совершения преступления под влиянием различных привходящих обстоятельств, в частности советов других лиц, раскаяния, боязни ответственности, удачных действий по сокрытию следов преступления и т. д.

Когда преступление вскрыто и преступник голословно заявил о наличии у него намерения возратить со временем присвоенное или растраченное, то убедительно доказать наличие или отсутствие такого намерения и его характер практически невозможно.

Разумеется, мы далеки от мысли о том, что кассир, взявший из кассы деньги на обед, должен быть привлечен к ответственности по указу от 4 июня 1947 г., не говорим мы и о других случаях неправильного пользования государственным имуществом, которые нельзя квалифицировать как хищение, но объявлять общим руководящим принципом квалификацию по ст. 109 УК РСФСР всех случаев так называемого «временного незаконного позаймствования» государственных средств, как это сделал проф. Пионтковский в своей статье, совершенно неправильно.

Рассуждение проф. Пионтковского дает расхитителям возможность избежать ответственности за хищение, создает подчас непреодолимые трудности следственным и судебным органам в их борьбе с хищениями и незаконно ограничивает применение закона к преступникам, ослабляет работу по воспитанию членов социалистического общества в духе безусловного подчинения законам социалистического общежития и уважения к социалистической собственности как к священной и неприкосновенной.

Нельзя ни на минуту забывать, что социалистическая собственность священна и неприкосновенна и что Ленин и Сталин учат нас относиться к ворам и расхитителям народного добра как к врагам социализма.

ПРОТИВ ОЦЕНОЧНОЙ КОНЦЕПЦИИ ВИНЫ ПРОФ. УТЕВСКОГО

Д. Орлов

Выдвигая свою концепцию вины как общего основания уголовной ответственности, проф. Утевский в предисловии к своей книге «Вина в советском уголовном праве» рекламирует эту концепцию как «попытку разрешения задачи об особой природе вины в советском уголовном праве»; он утверждает: а) что в советском социалистическом уголовном праве проблема и понятие вины не исчерпывается значением вины как субъективной стороны состава преступления в формах умысла или неосторожности, но включают в себя «и многое другое» (стр. 9); б) что «задача советского суда при разрешении вопроса о виновности подсудимого отнюдь не исчерпывается, поэтому, установлением наличия или отсутствия у подсудимого умысла или неосторожности...»; в) что «суд по каждому конкретному делу не только устанавливает наличие умысла или неосторожности у подсудимого, но и дает его действиям и ему самому морально-политическую оценку, решает вопрос о его виновности» (стр. 9—10).

Свою книгу проф. Утевский смело предназначает не только «для научных работников, аспирантов и студентов», но «также и для практических работников органов юстиции, интересующихся вопросами теории уголовного права» (стр. 4).

В связи с этим я попытаюсь разобраться в концепции проф. Утевского прежде всего путем анализа того определения вины как общего основания уголовной ответственности, какое дано проф. Утевским в его книге «Вина в советском уголовном праве».

Это определение гласит: «Вина как общее основание уголовной ответственности — это совокупность обстоятельств, заслуживающих, по убеждению советского суда, отрицательной общественной (морально-политической) оценки от имени социалистического государства и требующих уголовной ответственности подсудимого» (стр. 103).

Этому определению проф. Утевский предпосылает расчлененное указание трех категорий существенных признаков понятия вины как общего основания уголовной ответственности. Такими признаками являются: «1) наличие совокупности субъективных и объективных обстоятельств, характеризующих подсудимого, совершенное им преступление, последствия, условия и мотивы совершения им преступления; 2) отрицательная общественная (морально-политическая) оценка от имени социалистического государства всех этих обстоятельств; 3) убеждение советского суда, что действия подсудимого на основании этой оценки должны повлечь за собою уголовную, а не какую-либо иную (административную, дисциплинарную, гражданскую) его ответственность» (стр. 103).

Первый вопрос, возникающий из этого нагромождения разнородных по своему содержанию и своей относимости признаков вины как общего основания уголовной ответственности, — это вопрос о том, какой же из этих разнородных признаков является решающим признаком.

Из приведенной формулировки определения, объединяющего все эти признаки, ясно, что таким признаком служит отрицательная общественная (морально-политическая) оценка конкретных обстоятельств дела от имени социалистического государства, ибо по прямому смыслу этого

определения можно делать вывод только при условии, если обстоятельства дела заслуживают отрицательной общественной оценки от имени социалистического государства. Отсюда, конечно, происходит и терминологическое обозначение всей этой концепции вины как «оценочной» теории вины.

Естественно, возникает второй вопрос: от кого же исходит в каждом конкретном случае эта отрицательная общественная оценка, кем она дается.

Не имеет ли в виду автор под этой формулировкой конкретные действия подсудимого, запрещенные действующим уголовным законом, так как, казалось бы, в этой именно форме получает свое объективное выражение отрицательная общественная оценка соответствующих действий от имени социалистического государства? Однако текст и смысл даваемого проф. Утевским определения вины как общего основания уголовной ответственности исключают возможность такого понимания «отрицательной общественной оценки» обстоятельств дела, ибо по тексту этого определения вопрос о том, заслуживают или не заслуживают установленные судом обстоятельства дела отрицательной общественной (морально-политической) оценки от имени социалистического государства, решается убеждением суда, и проф. Утевский не упоминает об уголовном законе как объективном выразителе этой оценки.

Выделяя «отрицательную общественную оценку от имени социалистического государства всех обстоятельств дела» в особую вторую категорию существенных признаков, проф. Утевский тем самым обособляет и отрывает ее как от признаков конкретного состава преступления, включенных в первую категорию признаков («обстоятельства, характеризующие преступление...»), так и от «убеждения суда», о чем идет речь в третьей категории признаков. Отсюда необходимо сделать вывод, что проф. Утевский, указывая в ряду существенных признаков понятия вины как общего основания уголовной ответственности отрицательную общественную оценку обстоятельств дела от имени социалистического государства, имеет в виду эту оценку только как общее абстрактное понятие, которое при рассмотрении каждого отдельного уголовного дела должно получать свою конкретную реальность и определенность в зависимости от признания судом, по сложившемуся у него убеждению, что совокупность обстоятельств данного дела заслуживает такой именно оценки их от имени социалистического государства. Отсюда ясно, что отрицательная общественная оценка обстоятельств дела от имени социалистического государства, являющаяся в оценочной концепции вины проф. Утевского решающим признаком вины как общего основания уголовной ответственности, дается конкретным обстоятельствам дела согласно этой концепции не законом, а судом.

Естественно, возникает третий вопрос: связан ли в какой-либо мере суд в своей оценочной функции требованиями действующего уголовного закона? В тексте определения проф. Утевским вины как общего основания уголовной ответственности нет ни малейшего намека на подзаконность этой оценочной деятельности суда. Наоборот, по Утевскому получается, что отрицательная общественная оценка обстоятельств дела зависит от «убеждения суда» и только.

Так как в этом определении ничего не сказано о соотношении убеждения суда и уголовного закона, возникает новый вопрос: может ли убеждение суда в той или иной, положительной или отрицательной оценке им от имени социалистического государства конкретных обстоятельств дела, конкретных действий подсудимого расходиться с действующим уголовным законом Советского социалистического государства? Иначе го-

вора, вправе ли суд, при полной доказанности установленных законом объективных и субъективных элементов (признаков) состава преступления признать обстоятельства дела и действия подсудимого не заслуживающими отрицательной общественной оценки и оправдать подсудимого? И может ли суд, наоборот, несмотря на несоответствие обстоятельств дела установленным в законе обязательным элементам (признакам) состава преступления, несмотря на недоказанность наличия всех или части этих элементов (признаков), признать обстоятельства дела и действия подсудимого заслуживающими отрицательной общественной оценки и вынести подсудимому обвинительный приговор? Поскольку оценочная концепция вины проф. Утевского и даваемое им определение понятия вины как общего основания уголовной ответственности ставят оценку судом обстоятельств дела исключительно в зависимости от убеждения суда, ни в какой мере не связывая этой оценки действующим уголовным законом, ответ на эти вопросы может быть только положительный. Да, оценка судом обстоятельств дела и действий подсудимого может расходиться с уголовным законом; да, суд может и при наличии полной доказанности всех установленных в законе объективных и субъективных элементов (признаков) состава преступления оправдать подсудимого и, наоборот, при недоказанности всех или части требуемых законом элементов (признаков) состава преступления вынести подсудимому обвинительный приговор.

Если вывод из концепции проф. Утевского о возможности расхождения суда с законом в оценке обстоятельств дела и действий подсудимого не противоречит существу этой концепции и не является принципиально неправильным, то тот факт, что практически такое расхождение может иметь место согласно предположению проф. Утевского только в исключительных случаях, ни в какой мере не колеблет и не устраняет того положения, что оценочная теория вины проф. Утевского принципиально допускает, предполагает возможным и признает правомерным такое расхождение суда с законом.

Больше того, это значит, что такое совпадение с законом оценки судом обстоятельств дела в том огромном подавляющем большинстве случаев, которое проф. Утевский голословно предполагает как и несовпадение с законом оценки судом обстоятельств дела, предположительно ограничиваемого проф. Утевским только исключительными случаями, целиком зависит в каждом отдельном случае от того, какое складывается у суда убеждение о том, заслуживают или не заслуживают обстоятельства дела отрицательной общественной оценки, то есть от ничем не связанной оценки судом обстоятельств дела.

Это значит, что суд и его оценка обстоятельств дела ставятся концепцией проф. Утевского не в подчинение закону, а над законом, выше закона по своей решающей силе и значению.

А разве так ставит вопрос Ленин в той цитате из его письма «О «двойном» подчинении и законности», на которую ссылается проф. Утевский? Вовсе не так.

Противопоставляя в этом письме, с одной стороны, прокурора, который «... имеет право и обязан делать только одно: следить за установлением действительно единообразного понимания законности во всей республике, несмотря ни на какие местные различия и вопреки каким бы то ни было местным влияниям»¹, с другой, — местные органы власти, в том числе местные суды, Ленин указывает, что местная власть «... обязана, с одной стороны, абсолютно соблюдать единые, установлен-

¹ Ленин, Соч., т. 33, стр. 327

ные для всей федерации законы, а с другой стороны, обязана при определении меры наказания учитывать все местные обстоятельства, имеющая при этом право сказать, что хотя закон несомненно был нарушен в таком-то случае, но такие-то близко известные местным людям обстоятельства, выяснившиеся на местном суде, заставляют суд признать необходимым смягчить наказание по отношению к таким-то лицам, или даже признать таких-то лиц по суду оправданными»¹.

В этих словах Ленина нет и намека на возможность и допустимость признания советским судом не заслуживающими отрицательной общественной оценки от имени социалистического государства, иначе говоря, непроступными, таких действий, которые советский уголовный закон признает преступлениями. В этих словах нет ни слова о возможности и допустимости расхождения суда с законом в оценке обстоятельств дела с точки зрения наличия или отсутствия в действиях подсудимого состава преступления, если судом установлено наличие предусмотренного законом состава преступления.

Ленин прежде всего требует от местной власти, в том числе и от местного суда, абсолютного соблюдения единых, установленных для всей федерации законов, следовательно, абсолютного соответствия закону оценки судом обстоятельств дела и действий подсудимого, безоговорочного подчинения суда в этом вопросе действующему закону, и только наряду с этим предоставляет местному суду при определении меры наказания (вот в какой момент: при определении меры наказания)² право сказать, что хотя закон несомненно был нарушен, иначе говоря, хотя бесспорно, что действия подсудимого являются предусмотренными в действующем законе преступлением, однако выяснившиеся на местном суде смягчающие обстоятельства заставляют суд признать необходимость смягчить наказание или даже признать подсудимого по суду оправданным, причем слова «признать по суду оправданными» в контексте письма Ленина значат не что другое, как только право суда полностью освободить подсудимого от наказания, а никак не право суда признать действия подсудимого непроступными, несмотря на полную доказанность установленного в законе состава преступления.

Продолжая развивать основную мысль письма об установлении во всей республике действительно единообразного понимания законности и о необходимости поэтому абсолютного соблюдения всеми местными органами власти единых, установленных для всей федерации законов, Ленин дальше писал: «Если мы этого элементарнейшего условия для установления единой законности во всей федерации не будем проводить во что бы то ни стало, то ни о какой охране и ни о каком создании культуры не может быть и речи».

Проф. Утевский склонен толковать эти заключительные слова приведенной им цитаты из письма Ленина как особое подчеркивание важнейшего значения права советского суда признать подсудимого по суду оправданным при полной доказанности состава преступления.

И в этой части толкование проф. Утевским слов Ленина неправильное.

Приведенные заключительные слова Ленина, являясь, как это вполне ясно из контекста письма, продолжением доказывания необходимости установления единой законности на всей территории республики, указывают, что абсолютное соблюдение всеми местными органами власти единых, установленных для всей федерации законов является элементарней-

¹ Ленин, Соч., т. 33, стр. 327.

² См. там же.

шим условием для установления единой законности, без чего невозможны ни охрана завоеваний Октября, ни создание новой, социалистической культуры.

Как видим, цитата из письма Ленина говорит совсем не о том, что хотел бы подтвердить словами Ленина проф. Утевский. Ленин говорит вовсе не о праве суда решать вопрос о вине и преступности действий подсудимого независимо от закона и о расхождении с законом, а, наоборот, об обязанности всех местных органов власти, в том числе суда, абсолютно соблюдать законы республики, как об элементарнейшем условии установления единой законности, допуская и оговаривая лишь право суда при определении меры наказания при наличии смягчающих обстоятельств смягчить наказание подсудимого или даже вовсе освободить его от наказания.

Формулируя это право суда, Ленин говорит, что при установлении судом смягчающих обстоятельств суд вправе сказать, что, хотя закон был несомненно нарушен, но такие-то выяснившиеся на суде обстоятельства заставляют суд смягчить наказание и т. д. Разве не ясно, что слова «хотя закон был несомненно нарушен» предполагают, что вопрос о том, являются ли установленные судом действия подсудимого нарушением закона (преступлением), суд во всех случаях решает и обязан решать именно так и только так, как решает этот вопрос соответствующий уголовный закон, т. е. подчиняясь закону, а не независимо от закона и не в расхождении с законом.

Что касается права суда при наличии смягчающих обстоятельств смягчить меру наказания или вовсе освободить от наказания лицо, совершившее преступление, то ведь это право предусматривается и регулируется специальными указаниями. Это общие указания ст. ст. 48, 51, 53 общей части УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик, это и специальные указания в отношении отдельных преступлений в санкциях отдельных статей особенной части УК. Следовательно, применение судом этого права возможно также только в строгом соответствии с законом.

Одинаково подзаконны действия суда, отвергающего или прекращающего уголовное преследование в случаях, когда им устанавливается в обстоятельствах дела наличие оснований и условий, указанных в примечании к ст. 6 и в ст. 8 УК РСФСР.

Что же в конечном выводе мы имеем в определении проф. Утевским вины как общего основания уголовной ответственности в качестве основного элемента, необходимого для решения вопроса, имеется ли вина подсудимого, а тем самым и для решения вопроса о том, имеется ли основание для уголовной ответственности подсудимого.

Казалось бы ясно: это — убеждение суда в том, что установленные им обстоятельства дела заслуживают отрицательной общественной оценки от имени социалистического государства и поэтому требуют уголовной ответственности подсудимого, короче говоря, — оценка судом обстоятельств дела.

Это значит, что если у суда сложилось такое убеждение, если сложилась отрицательная оценка с общественной (морально-политической) точки зрения установленных им обстоятельств дела, то и преступление и вина подсудимого налицо, а если не сложилась, то нет ни преступления, ни вины.

Это значит также и то, что до тех пор, пока у суда не сложилось такого убеждения и такой оценки, до тех пор также нет еще ни преступления, ни вины, следовательно, нет и основания для уголовной ответственности. А это значит, что предварительное следствие, привлечение

того или иного лица к следствию в качестве обвиняемого, взятие его под стражу оказываются такими процессуальными действиями, которые совершаются еще до установления основания для уголовной ответственности привлекаемых к следствию лиц. Да нельзя еще говорить и о наличии преступления, а можно говорить только о фактах, обстоятельствах и действиях, которые могут получить, но могут и не получить от суда отрицательную оценку, т. е. могут быть признаны, но могут быть и не признаны судом преступлением.

Естественно, возникает вопрос: как же это так? Ведь советское социалистическое уголовное законодательство, являющееся, как и все советские законы, «выражением воли и разума советского народа»¹, устанавливая и давая перечень и конкретные составы действий, признаваемых Советским социалистическим государством общественно-опасными и поэтому влекущими за собой меры наказания, тем самым как раз и выражает отрицательную общественную оценку этих действий. И разве эта оценка советским законом конкретно определенных действий как действий общественно-опасных, как преступлений, не является сама по себе безусловным основанием для уголовной ответственности лиц, совершающих эти действия, точнее—для уголовной ответственности лиц, действиями которых выполняются все установленные законом субъективные и объективные элементы (признаки) состава тех или иных предусматриваемых законом преступлений?!

В каком же соотношении должна находиться по оценочной теории вины проф. Утевского оценка действий судом с оценкой тех же действий законом?

Как уже было отмечено, в определении проф. Утевским вины как основания уголовной ответственности ответа на этот вопрос нет.

Правда, в его книге на стр. 11 сказано: «В советском уголовном праве отрицательная оценка судом поведения подсудимого, признание в его действиях вины как основания уголовной ответственности предполагает как строго обязательное условие прежде всего точное соответствие действий подсудимого определенному составу преступления и тем самым наличие умысла или неосторожности, предполагает далее наличие ряда объективных и субъективных обстоятельств, требуемых социалистическим законом и социалистической моралью для признания подсудимого виновным».

Разберемся, однако, в этой цитате: выражает ли эта цитата приоритет закона над судом, обязательность для суда оценки действий законом? Нет, не выражает. Текст этой цитаты прежде всего подтверждается сделанный нами вывод, что решающим признаком вины как одного основания уголовной ответственности в концепции проф. Утевского является отрицательная оценка обстоятельств дела, в том числе действий подсудимого, именно судом, а не законом. Это следует из того, что по прямому смыслу этой цитаты автор здесь прямо отождествляет признание в действиях подсудимого вины с отрицательной оценкой судом поведения подсудимого.

Из этой цитаты следует, что одного точного соответствия действий подсудимого определенному составу преступления и тем самым наличия умысла или неосторожности недостаточно для признания в его действиях вины как основания уголовной ответственности. Для этого необходимо сверх того наличие ряда других объективных и субъективных обстоятельств, требуемых не только социалистическим законом, но и социали-

¹ А. Я. Вышинский, Теория судебных доказательств в советском праве, изд. 3-е, 1950, стр. 185.

стической моралью, — следовательно, эти требования надо искать в субъективном сознании судей.

Мало этого: из этой цитаты следует, что как точное соответствие действий подсудимого определенному составу преступления, включая умысел или неосторожность, так и наличие ряда других объективных и субъективных обстоятельств, требуемых социалистическим законом и социалистической моралью для признания подсудимого виновным, предполагаются только как обязательные условия возможности (а не обязательности) отрицательной оценки судом поведения подсудимого, а тем самым признания в его действиях вины как основания уголовной ответственности.

Таким образом, по прямому смыслу этой цитаты наличие в действиях подсудимого предусматриваемого законом состава преступления само по себе не обязывает дать отрицательную оценку поведения подсудимого, не обязывает суд признать в его действиях наличие вины как основания уголовной ответственности. Следовательно, оценка судом действий подсудимого не подчинена закону, а стоит над законом: она может совпадать, но может и не совпадать с законом, расходиться с ним.

Проф. Утевский сослался также на цитату из своей книги на стр. 75, где сказано: «Признание подсудимого виновным означает, что советский суд, обсудив обстоятельства дела, установленные на судебном следствии, и установив, что подсудимый своими действиями (или бездействием) выполнил состав инкриминируемого ему преступления, дал его действиям ту отрицательную морально-политическую оценку, которая служит основанием уголовной ответственности подсудимого».

Разберемся и в этой цитате. Согласно прямому ее смыслу процесс признания подсудимого виновным проходит три последовательные стадии: 1) обсуждение судом обстоятельств, установленных на судебном следствии, 2) установление судом того, что подсудимый своими действиями (или бездействием) выполнил состав инкриминируемого ему преступления, 3) дача судом тем же действиям отрицательной морально-политической оценки, которая и служит, как указывает автор, основанием уголовной ответственности подсудимого.

Разве отсюда не ясно, что установление судом того, что подсудимый своими действиями (или бездействием) полностью выполнил состав инкриминируемого ему преступления, само по себе недостаточно для признания подсудимого виновным; что выполнение подсудимым конкретно определенного законом состава преступления не адекватно его виновности; что установление этого судом не тождественно установлению судом виновности подсудимого. Разве отсюда не ясно, что для признания виновности подсудимого, согласно концепции проф. Утевского, необходима после установления судом наличия в действиях подсудимого состава преступления, сверх того, еще и отрицательная оценка судом тех самых действий подсудимого, которыми выполнен установленный законом состав преступления.

Только такой смысл имеет эта цитата, так как отрицательная оценка судом действий подсудимого отделяется и противопоставляется установлению судом в действиях подсудимого состава преступления как самостоятельный и решающий момент признания подсудимого виновным.

Значит, и эта цитата ни в какой мере не выражает приоритета закона над судом, подчиненности закону оценки судом действий подсудимого, а, наоборот, ставит оценку суда над оценкой закона.

Отсюда — вывод, что полное умолчание проф. Утевского в определении им вины как общего основания уголовной ответственности о соотношении оценки суда с законом — не случайная досадная неясность опре-

деления, а логически необходимое следствие развиваемой им концепции, ставящей вопрос о признании наличия в действиях подсудимого вины как основания для уголовной ответственности подсудимого в исключительную, решающую зависимость от оценки судом действий подсудимого независимо от того, что этими действиями выполнен установленный законом состав преступления.

Независимо от того, является ли эта концепция вины как общего основания уголовной ответственности неокантианством (как это указывают в своих статьях и выступлениях проф. Маньковский и проф. Пионтковский) или чем-либо иным, во всяком случае такая концепция очень удобна и выгодна для теоретического и практического оправдания как фактов необоснованного обстоятельствами дела и незаконного признания подсудимого невиновным, так и фактов необоснованного обстоятельствами дела и незаконного осуждения подсудимого, иначе говоря, для судебного произвола, поскольку эта концепция освобождает суд при разрешении им основных вопросов уголовного процесса (о преступности действий и вине подсудимого) от подчинения закону и ставит суд над законом.

В этом — суть концепции проф. Утевского о вине как основании уголовной ответственности. В этом ее принципиальное противоречие со ст. 112 Конституции СССР и другими советскими законами, определяющими порядок осуществления социалистического правосудия. В этом — ее неприемлемость как теоретического руководства для практической деятельности суда и прокуратуры.

Некоторые сторонники концепции проф. Утевского вуалируют проводимый в оценочной концепции «вины» или «невиновности» приоритет оценки судом действий подсудимого над оценкой тех же действий, данной в законе, указанием на то, что определения составов преступлений в уголовном законе — это ведь только обобщенные, абстрактные определения, применение которых к конкретным делам необходимо предполагает их конкретизацию и индивидуализацию в соответствии с конкретными обстоятельствами дела, и что поэтому суд, производя, по сложившемуся у него убеждению, оценку действий подсудимого, которыми выполнен установленный законом состав преступления, и, следовательно, переоценивая действия, которым отрицательная общественная оценка уже дана в уголовном законе, тем самым всего лишь только конкретизирует применение общего закона, как абстрактного определения того или иного преступления, к конкретному делу.

Конкретизация, конечно, необходима.

Однако, во-первых, никакая конкретизация не предполагает полной замены действия общего положения, общего определения и правила иным определением и правилом, не зависящим от первого, исключаящим его прямое и обязательное действие в данном случае, полной замены оценки действий подсудимого законом иной оценкой тех же самых действий судом.

Во-вторых, конкретизация дела, вины и приговора, как и все прочие действия суда по рассмотрению и разрешению уголовных дел, должна быть строго законной: вопросы состава преступления, «вины», наказания, пределы прав суда по осуществлению необходимой конкретизации дела, вины и приговора точно указаны в советском материальном и процессуальном законодательстве, причем эти указания закона настолько разносторонни, широки и сами по себе конкретны, что точное соблюдение и выполнение их судом полностью обеспечивает необходимую, требуемую советским социалистическим правосудием конкретизацию дела, вины и приговора.

Однако регулируемые законом требования и пределы конкретизации отнюдь не предполагают и не допускают возможности и права суда по одному лишь своему убеждению оценивать как действия, не заслуживающие отрицательной общественной оценки и, следовательно, не являющиеся преступлением, такие установленные судом действия, которыми подсудимый выполнил определенный законом состав инкриминируемого ему преступления (за исключением случаев и условий, указанных в примечании к ст. 6 и в ст. 8 УК РСФСР), и, наоборот, оценивать как преступление такие действия, в которых нет установленного законом состава преступления.

От такой «конкретизации» судом рассматриваемого дела, при которой установленные законом составы преступлений теряют свою обязательную силу, недалеко и до признания не необходимым определения законом составов конкретных преступлений и до признания вообще ненужной всей особенной части Уголовного кодекса.

Ведь общее определение преступлений, общие правила применения наказания, общие принципы карательной политики даны в общей части Уголовного кодекса, а преступность (социальная опасность) рассматриваемых судом конкретно совершенных подсудимым действий, согласно оценочной концепции вины проф. Утевского, независимо от того, что этими действиями выполнен состав преступления, предусматриваемый той или иной статьей особенной части УК, в каждом случае определяется переоценкой тех же действий судом с той точки зрения, заслуживают или не заслуживают они отрицательной оценки в рассматриваемом судом конкретном случае.

В общем итоге в такой постановке вопроса о вине или виновности подсудимого не только объективные обстоятельства и данные дела, устанавливающие выполнение подсудимым его действиями или бездействием всех субъективных и объективных элементов (признаков) состава преступления, но и сам уголовный закон, определяющий состав каждого конкретного преступления и устанавливающий уголовную ответственность за совершение соответствующих действий, а тем самым выражающий отрицательную общественную оценку этих действий, не имеют прямой, непосредственной и обязательной для суда силы. Вопрос же о наличии вины как основания уголовной ответственности подсудимого ставится под условие и в зависимости от того, признает ли или не признает суд, по своему убеждению, эти действия подсудимого заслуживающими отрицательной общественной оценки. Ясно, что в такой постановке вопроса о вине как основании уголовной ответственности подсудимого законные и объективные основания уголовной ответственности заменяются субъективной оценкой судом обстоятельств дела и действий подсудимого.

Вот к чему ведет оценочная концепция вины как основания уголовной ответственности, развиваемая проф. Утевским в его книге «Вина в советском уголовном праве».

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ О ЛЕСОНАРУШЕНИЯХ

А. Барышев

Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 20 октября 1948 г. «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР» имеет огромное народнохозяйственное значение.

Это постановление, как отметил Пленум Верховного суда СССР 20 января 1950 г., обязывает суды при рассмотрении дел о лесонарушениях использовать всю силу закона, направленного на борьбу за охрану лесов и защитных лесонасаждений.

подавляющее большинство судей и прокуроров правильно поняли эту задачу и обеспечивают правильное разрешение судами гражданских дел о лесонарушениях. Однако еще многие суды неправильно применяют законы, регулирующие штрафную и имущественную ответственность лесонарушителей, и к рассмотрению дел о лесонарушениях в ряде случаев относятся формально.

В нарушение ст. 2 постановления Пленума Верховного суда СССР от 20 января 1950 г. суды нередко не проверяют в порядке предварительной подготовки дела (ст. 80 ГПК РСФСР и соответствующие статьи гражданских процессуальных кодексов других союзных республик), соответствует ли акт о лесонарушении требованиям инструкции о порядке привлечения к ответственности лесонарушителей от 22 декабря 1939 г. и представлены ли истцом приложения к акту согласно п. 15 типовой формы акта о лесонарушении (например, показания свидетелей или понятых, протокол обыска, произведенного органами дознания, если обыск имел место, справка о таксовых ценах на древесину, отпускаемую на корню в данной местности) и как следствие этого существенного недостатка принимают к своему производству неоформленные дела, что в ряде случаев приводит к волоките и неправильному разрешению дела по существу.

Так, лесхоз Уралмашзавода Свердловской области в нарушение ст. 12 упомянутой инструкции и п. 15 типовой формы акта о лесонарушении в заявлении о взыскании с Теменцова ущерба, причиненного лесонарушением, и наложении за лесонарушение штрафа не указал, какая сумма должна быть взыскана в виде возмещения ущерба и на какую сумму должен быть наложен штраф; кроме того, не представил суду необходимых документов, в частности справки о таксовых ценах. Народный суд 3-го участка гор. Пыжма Свердловской области, не выполнив требований ст. 2 постановления Пленума Верховного суда СССР от 20 января 1950 г., принял это неоформленное дело к своему производству и вынес по нему неправильное решение, взыскав с лесонарушителя Теменцова в пользу лесхоза произвольную сумму в 452 руб. без разграничения сумм возмещения ущерба и штрафа.

Судьи нередко нарушают п. 12 инструкции от 22 декабря 1939 г.; дела о лесонарушениях рассматриваются без предварительного расследования в тех случаях, когда предварительное расследование требуется, в частности, когда лесоматериал доставлен к месту потребления или

израсходован. В этих случаях, согласно п. 4 постановления Пленума Верховного суда СССР от 20 января 1950 г., суды должны направлять поступившие к ним материалы в органы милиции для производства расследования, однако этого не делается. Например, народный суд 2-го участка Первореченского района Приморского края рассмотрел без предварительного расследования в гражданском порядке дело по заявлению Владивостокского лесхоза к Богуну о взыскании ущерба в сумме 1250 руб., тогда как согласно ст. 85 УК РСФСР лесонарушитель по этому делу Богун подлежал привлечению к уголовной ответственности.

Такая практика народных судов на деле приводит к тому, что значительная часть лесонарушителей освобождается от уголовной ответственности, предусмотренной ст. 85 УК РСФСР и соответствующими статьями уголовных кодексов других союзных республик.

Имеют место случаи, когда народные суды, рассматривая дела о лесонарушениях в уголовном порядке, оставляют неразрешенными вопросы, связанные с возмещением ущерба, причиненного лесонарушителями. Так, народный суд 2-го участка гор. Рославля, рассмотрев дело по обвинению Кушенкова в преступлении, предусмотренном ст. 85 УК РСФСР, не разрешил вопроса о возмещении ущерба, причиненного лесонарушителем по этому делу.

Согласно п. 5 постановления Пленума Верховного суда СССР от 20 января 1950 г. размер штрафа, налагаемого за лесонарушение, должен исчисляться судом по таксовым ценам, установленным законодательством соответствующей союзной республики для отпуска в данной местности леса населению с учетом группы леса, в котором совершено лесонарушение.

Это положение во многих случаях нарушается.

Например, народный суд Суксунского района Молотовской области в нарушение указанного правила наложил штраф на лесонарушителей Иванову, Янсарова, Митрофанову в десятикратном размере отпускных цен на корню, без учета группы леса, в котором совершено лесонарушение.

Некоторые народные суды Литовской ССР в нарушение постановления Совета Министров Литовской ССР от 21 мая 1947 г., согласно которому предусмотрен штраф за лесонарушение в размере до трехкратной отпускной стоимости леса в зависимости от группы леса, — допускали в отдельных случаях наложение штрафа за лесонарушение в десятикратном размере. Например, народный суд Скуодаского района наложил на лесонарушителя Романаса штраф в сумме 297 руб., — десятикратном размере к отпускной стоимости самовольно вырубленного леса. Аналогичное нарушение допущено народным судом 2-го участка Кретингского района по заявлению Мажейкайского лесхоза о взыскании с Буткусса ущерба, причиненного лесонарушением, и наложении штрафа.

Не редки случаи, когда народные суды незаконно налагают штраф за лесонарушение на организации. Так, народный суд 2-го участка Медвежьегорского района Карело-Финской ССР по иску Сележского лесхоза взыскал с Павенецкого технического участка ущерб, причиненный лесонарушением, в десятикратном размере таксовой стоимости древесины и, кроме того, наложил штраф на ответчика, тогда как штраф с организации за лесонарушение законом не предусмотрен.

В отдельных случаях нарушается ст. 7 инструкции НКЮ СССР № 7 от 1 февраля 1945 г., согласно которой нерассмотренные судами дела о взыскании административных штрафов с лиц, призванных в Советскую Армию, подлежат прекращению. Так, решением народного суда 2-го участка Звенигородского района Московской области взыскан с от-

ветчика Шевчука штраф в сумме 450 руб. за допущенное им лесонарушение. Дело рассмотрено народным судом в тот период, когда Шевчук по призыву уже находился в рядах Советской Армии, и в силу этого дело подлежало прекращению.

Согласно ст. 58 инструкции НКЮ СССР № 7 от 1 февраля 1945 г. суд, рассматривая дело о лесонарушении, при установлении факта лесонарушения должен одновременно взыскать ущерб и наложить штраф. Это требование не всегда выполняется. Так, по третьей части дел, изученных Прокуратурой Украинской ССР, взыскан только ущерб в пользу лесхоза, а штраф не взыскивался.

Некоторые суды делали наоборот. Народный суд 2-го участка Фастовского района Киевской области по заявлению лесхоза того же района наложил на Скузь штраф за лесонарушение в сумме 8 руб., а ущерб в сумме 2100 руб. не взыскал. Аналогичное нарушение допущено судом Сумского района Сумской области по делу Колесниковой, на которую за самовольную порубку леса наложен штраф в сумме 32 руб., а ущерб в сумме 2650 руб. не взыскан.

Народные суды при исчислении ущерба должны руководствоваться специальной таксой. Между тем некоторые из них неправильно исходят из отпускных цен на лес. Так, народный суд Заславского района Минской области, рассмотрев дело по заявлению Заславского лесничества о взыскании с Филипповича ущерба в сумме 500 руб., причиненного лесонарушением, вынес решение о взыскании с ответчика причиненного лесхозу ущерба по отпускным ценам в сумме 7 руб. Народный суд 2-го участка Наро-Фоминского района Московской области взыскал с лесонарушителя Каштановой ущерб, причиненный лесонарушением, в сумме 25 руб., тогда как следовало взыскать 250 руб. Народный суд 2-го участка Первоуреченского района Приморского края по всем делам о лесонарушениях сумму ущерба исчисляет по таксе на отпуск леса на корню для данной местности, а не по специальной таксе.

Согласно правилам об оплате леса, отпускаемого на корню, все суммы лесного дохода, в том числе и штрафы за лесонарушения по РСФСР, зачисляются в государственный бюджет. Однако народный суд Угличского района Ярославской области взыскал с лесонарушителя Короткина ущерб в сумме 2 тыс. руб. в пользу лесхоза, вместо того чтобы взыскать их в государственный бюджет. Народным судом Бисертского района Свердловской области ущерб в сумме 4040 руб., причиненный колхозом «Передовик», взыскан в пользу лесхоза, а не в государственный бюджет.

Если при рассмотрении дела, как указано в п. 8 постановления Пленума Верховного суда СССР от 20 января 1950 г., выяснится, что самовольная (безбилетная) рубка леса совершена лицом, которое действовало по распоряжению должностных лиц, организаций, предприятий или учреждений, суды должны привлекать таких должностных лиц к участию в деле в качестве соответчиков и независимо от взыскания ущерба с учреждения, предприятия или организации в десятикратном размере, при отсутствии оснований для уголовной ответственности, наложить штраф за лесонарушение персонально на должностное лицо или, в зависимости от обстоятельств дела, совместно с ним и на лицо, непосредственно совершившее лесонарушение.

В практике это правило судами нередко нарушается, и штраф на должностных лиц, по распоряжению которых совершена самовольная (безбилетная) рубка леса, не налагается.

Например, по распоряжению начальника строительства дома отдыха Министерства строительных материалов Назарова рабочими строи-

тельства было срублено без билета 45 деревьев. Народный суд 4-го участка Подольского района Московской области, рассмотрев это дело, ограничился только взысканием материального ущерба со строительства дома отдыха, а вопроса о наложении штрафа на начальника строительства Назарова, по распоряжению которого была произведена безбилетная рубка 45 деревьев, не обсудил.

Народный суд 2-го участка Истринского района Московской области, рассмотрев дело по заявлению Истринского лесхоза о взыскании с Дубкова ущерба, причиненного лесонарушением, установил, что Дубков рубил лес для нужд колхоза «Счастье», и постановил взыскать с колхоза ущерб в сумме 900 руб. без привлечения колхоза в порядке ст. 166 ГПК в качестве ответчика.

Нередки случаи, когда суды в ущерб интересам государства необоснованно отказывают лесхозам во взыскании ущерба, причиненного лесонарушением, и в наложении за лесонарушение штрафа.

Так, например, народный суд Бешенковичского района Витебской области прекратил дело по заявлению Витебского лесхоза о взыскании с Терешенки ущерба, причиненного лесонарушением, в сумме 2250 руб. и наложении штрафа по тем мотивам, что в судебное заседание не явился представитель лесхоза. В деле же нет данных о вручении лесхозу извещения о дне слушания дела в судебном заседании. При таком положении у суда не было оснований для прекращения дела.

Народный суд 1-го участка Слуцкого района Бобруйской области прекратил дело по заявлению Слуцкого лесхоза о взыскании с Рогаяля ущерба в сумме 650 руб. и наложении за лесонарушение штрафа на основании лишь голословного заявления представителя лесхоза (не имевшего доверенности) о прекращении дела.

Или вот еще один пример. 15 октября 1950 г. был составлен акт о том, что по следам, приведшим из леса и места самовольной порубки, во дворе Шоколько было обнаружено несколько свежесрубленных деревьев. В судебном заседании народного суда 1-го участка Пирятинского района Полтавской области ответчик Шоколько заявил, что обнаруженный у него лесоматериал дал ему колхоз. Суд, не проверив этого заявления ответчика, необоснованно отказал лесхозу во взыскании ущерба и наложении на лесонарушителя штрафа.

Согласно п. 9 постановления Пленума Верховного суда СССР от 20 января 1950 г. в тех случаях, когда лесонарушение произведено несовершеннолетними, достигшими 14-летнего возраста и действовавшими не по поручению своих родителей или опекунов, суды должны привлекать к участию в деле в качестве соответчиков родителей, опекунов или попечителей несовершеннолетнего и присуждать штраф в возмещение ущерба как с несовершеннолетнего, так наряду с ним и с его родителей, опекунов или попечителей, указав при этом в решении, что ответственность родителей, опекунов или попечителей является дополнительной и на имущество этих лиц взыскание может быть обращено лишь при отсутствии у несовершеннолетнего лично принадлежащего ему имущества, заработка или других источников дохода, достаточных для погашения штрафа и возмещения ущерба.

Этот пункт постановления Пленума Верховного суда СССР в ряде случаев судами нарушается. Так, например, Укмергский лесхоз Литовской ССР обратился в суд с заявлением о взыскании с лесонарушителей Вильчинскаса, Струмецкаса и других ущерба, причиненного самовольной порубкой леса. Из числа шести несовершеннолетних лесонарушителей четверо были в возрасте свыше 14 лет, которые, как это установлено материалами дела, действовали не по поручению своих родителей; тем

не менее народный суд 2-го участка Укмергского района взыскал ущерб только с родителей указанных четырех несовершеннолетних, освободив таким образом от ответственности самих лесонарушителей.

Лесхоз Наро-Фоминского района Московской области обратился в суд с заявлением о взыскании с Сучковой ущерба, причиненного лесонарушением. По делу установлено, что лесонарушение допущено несовершеннолетней дочерью ответчицы, достигшей 14-летнего возраста, действовавшей не по поручению матери. Однако, народный суд 2-го участка Наро-Фоминского района действительного лесонарушителя Сучкову в суд не вызвал, а взыскал ущерб полностью с ее матери.

По делам о лесонарушениях имеют место процессуальные нарушения. Часто нарушается судами п. 4 инструкции НКЮ СССР № 7 от 1 февраля 1945 г., поскольку в ряде случаев суды рассматривают гражданские дела о лесонарушениях в отсутствие ответчиков, а иногда и в отсутствие представителя лесхоза. Так, например, народный судья 2-го участка Балашихинского района Московской области рассмотрел в отсутствие ответчика дело по заявлению Подмосковного лесхоза Балашихинского района о взыскании с лесонарушителя Егорова ущерба и наложении за лесонарушение штрафа; каких-либо данных о вручении ответчику повестки о явке в суд в деле нет. Народный суд 3-го участка Сталинского района гор. Каунаса рассмотрел в отсутствие ответчика дело по заявлению Каунасского лесхоза о взыскании с лесонарушителя Бутылкина ущерба и наложении за лесонарушение штрафа; сведений о получении ответчиком повестки о явке в суд в деле нет.

В результате рассмотрения дел заочно иногда суды выносят неправильные решения. Например, народный суд Воткинского района Удмуртской АССР 29 сентября 1950 г. без вызова ответчиков Григорьева и Вахриной рассмотрел дело о лесонарушениях и оба дела прекратил за неизвестностью местонахождения ответчиков, в то время как в акте указано, что лесонарушители Григорьев и Вахрина проживают в колхозе им. Азина того же района.

Народный суд Харьковского района Вологодской области по иску лесхоза к Бахвалову за самовольное кошение в лесах государственного фонда рассмотрел дело без участия сторон и своим решением от 10 августа 1950 г. по непонятным причинам возложил материальную ответственность на Митинский леспромхоз того же района.

В нарушение ст. 58 инструкции НКЮ СССР № 7 от 1 февраля 1945 г. некоторые народные суды излагают резолютивную часть решения по делам о лесонарушениях неполно и небрежно. Так, в решении народного суда 2-го участка Звенигородского района Московской области по делу Звенигородского лесхоза к Шевчуку резолютивная часть решения изложена так: «Взыскать в пользу Звенигородского лесхоза с Шевчука за лесонарушение штраф в сумме 450 руб. Решение может быть обжаловано в Московский областной суд в десятидневный срок». В этом решении народного суда сумма материального ущерба, взысканная с ответчика, ошибочно названа штрафом, а по поводу взыскания штрафа суд никакого решения не принял. Суд не принял также решения: о немедленной описи имущества лесонарушителя для взыскания присужденной с него суммы; об изъятии описанного имущества лесонарушителя, если в течение десятидневного срока после объявления судебного решения ответчик не уплатит присужденной с него суммы; о взыскании судебных издержек от 3 до 10 руб.

Народный суд 2-го участка Каунасского уезда Литовской ССР по иску Каунасского лесхоза к Волкевичусу постановил: «при неуплате в течение десяти дней взыскание обратить на имущество ответчика».

Народный суд 1-го участка Ширвинтского района Литовской ССР по заявлению Неменчинского лесхоза к Сааснаускайте постановил: «Поручить судебному исполнителю описать имущество ответчицы в погашение убытков», а об изъятии описанного имущества в решении суда ничего не сказано. Народные суды нередко нарушают сроки, установленные для рассмотрения гражданских дел о лесонарушениях. Согласно инструкции НКЮ СССР № 7 от 1 февраля 1945 г. народные суды обязаны рассматривать дела о лесонарушениях в пятидневный срок. Это требование инструкции очень часто судами нарушается.

Так, народным судом 2-го участка Истринского района Московской области дело по заявлению Истринского лесхоза о взыскании с лесонарушителя Иванова ущерба и наложении за лесонарушение штрафа было рассмотрено лишь через четыре месяца с момента принятия дела к производству. Народным судом 4-го участка Наро-Фоминского района Московской области дело по иску Наро-Фоминского лесхоза к колхозу имени Кирова о лесонарушении рассмотрено через семь месяцев с момента принятия его к производству.

Перечисленные нарушения, допускаемые судами при разрешении гражданских дел о лесонарушениях, свидетельствуют о наличии серьезных недостатков в работе отдельных судов и о крайне недостаточном надзоре со стороны органов прокуратуры за соблюдением законности при разрешении дел этой категории.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПО РАЗРЕШЕНИЮ СПОРОВ, ВЫТЕКАЮЩИХ ИЗ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 413 ГК

Я. Яновский

Дела по искам о возмещении вреда рабочим и служащим на производстве имеют серьезное значение. С разрешением этих дел непосредственно связаны интересы государства и интересы личности. Законы социалистического государства гарантируют трудящимся в случае утраты трудоспособности право на пособия и пенсии. Наряду с этим закон при известных условиях (ст. 413 ГК) гарантирует за трудящимися, которым причинено увечье и не получившими за него в порядке социального страхования полного возмещения, право дополнительного требования к предприятию.

Иски о возмещении ущерба нередко связаны с соблюдением администрацией предприятий законодательства об охране труда и технике безопасности, с соблюдением дисциплины рабочими и служащими. Таким образом, в этих делах сосредоточен комплекс вопросов, непосредственно затрагивающих права трудящихся и интересы предприятий. Понятно, какое большое значение имеет правильное разрешение судами этих дел.

Из рассмотренных и изученных органами прокуратуры гражданских дел видно, что при разрешении этих дел суды и прокуроры в основном правильно применяли законы, регулирующие отношения, вытекающие из обязательства из причинения вреда. Однако по отдельным делам суды допускали грубые ошибки и выносили неправильные решения.

Иски, вытекающие из причинения вреда рабочим вследствие травматизма, являются одними из наиболее сложных и по фактическим обстоятельствам и по своему правовому обоснованию. Для того чтобы обеспечить скорейшее разрешение дела и вынесение обоснованных решений, п. 23 постановления Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1949 г. обязывает суд до слушания дела в судебном заседании потребовать от сторон доказательства, имеющие существенное значение для разрешения дела.

К этим делам должны быть приобщены: акт о несчастном случае, составленный администрацией предприятия в соответствии с положением о регистрации и учете несчастных случаев, связанных с производством (утверждено Президиумом ВЦСПС 8 сентября 1939 г.), органами соответствующего надзора (технической, строительной, санитарной инспекции и т. п.) или органами милиции; справка о размере заработка потерпевшего к моменту увечья, справка о размере назначенной потерпевшему пенсии или пособия по социальному страхованию и другие необходимые документы.

Изучение судебной практики показывает, что многие суды не проводят предварительной подготовки или проводят ее плохо, в результате чего назначенные к слушанию в судебном заседании дела приходится откладывать для истребования необходимых доказательств. В тех же случаях, когда суды при отсутствии этих необходимых доказательств разрешают спор по существу, многие решения отменяются в кассационном или даже надзорном порядке, а это создает большую волокиту.

Народный суд 2-го участка Орехово-Зуевского района Московской области 23 ноября 1950 г. вынес решение по иску Гусева к Дрезнен-

ской фабрике о возмещении вреда при отсутствии в деле справки о среднем заработке Гусева. Такое же нарушение допустил народный суд 4-го участка г. Орехово-Зуево по иску Курганова к механическому заводу им. Барышникова, народный суд 1-го участка г. Соликамска удовлетворил иск Шибановой к Калининскому комбинату о возмещении вреда и обязал комбинат выплачивать истце по 106 руб. ежемесячно, при отсутствии в деле акта о несчастном случае и заключения технической инспекции о причинах несчастного случая.

Во многих случаях суды удовлетворяют иски формально, не исследуют вопроса о вине должностных лиц предприятия и поэтому не отграничивают страховые случаи, при которых предприятие не должно нести ответственности по закону, от несчастных случаев, причиненных преступным действием или бездействием. Отсутствие указанных доказательств приводит также к тому, что суды редко применяют смешанную ответственность и, как правило, всегда возлагают ответственность только на предприятия.

Вместе с тем отдельные суды требуют от сторон представления документов, не предусмотренных законодательством, не имеющих значения для разрешения дел, что также приводит к волоките. Например, народный суд 1-го участка г. Семенова и народный суд 1-го участка Краснобаковского района Горьковской области предлагают истцам представлять решения РКК (дело по иску Житенко и Ермаковой к мельничному заводу, дело по иску Зайцевой, Осумшкова и других) и лишь после представления решения РКК принимают дела к своему производству. Такая практика является неправильной и должна быть изжита.

Вопрос об ответственности предприятия за увечье, причиненное работнику на производстве, не может решаться механически, исходя лишь из одного факта причинения ущерба. В основе ответственности предприятия лежит принцип, установленный ст. 413 ГК, что ответственность страхователя наступает лишь при наличии между сторонами трудовых отношений и при условии, что вред возник в результате преступного действия или бездействия страхователя, если притом страхователь не докажет, что он не мог предотвратить вреда.

В постановлении Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г. дано развернутое определение понятия преступного действия или бездействия. Под преступным действием или бездействием понимается установленное компетентными органами несоблюдение страхователем или лицами, осуществляющими технический надзор за работой, действующих правил по охране труда, технике безопасности и иных постановлений, регулирующих применение труда, имевшее своим последствием несчастный случай с потерпевшим.

Вследствие того, что суды по ряду дел не требуют от сторон представления актов о несчастных случаях и заключений технической инспекции о причинах несчастных случаев и нередко не устанавливают причинной связи между несчастным случаем и наступлением вреда, они не всегда выясняют один из основных вопросов по этой категории дел, является ли данный случай страховым. Народный суд Краснопресненского района г. Москвы при разрешении дела по иску Занца к артели «Моспогруз» удовлетворил иск, потому что истец получил инвалидность в связи с грыжей, хотя по делу не выяснено, чем была вызвана эта болезнь.

В 1941 году Шелестову, работавшему на железной дороге, отдавило два пальца на ноге. Спустя шесть лет он заболел тромбофлебитом этой ноги, и нога была ампутирована. Народный суд Таловского района Воронежской области удовлетворил иск Шелестова, не установив причин-

ной связи между несчастным случаем, имевшим место в 1941 г., и наступившим через шесть лет последствием, а равно не установил и вины ответчика. При вторичном рассмотрении дела после отмены решения суда в порядке надзора судебно-медицинская экспертиза признала, что ампутация ноги не связана с несчастным случаем, и в иске было отказано.

Многие народные суды в нарушение п. 24 постановления Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г. не указывают в решениях, при каких обстоятельствах был причинен вред, в чем конкретно выразилось нарушение охраны труда или техники безопасности, и не приводят расчета присужденных убытков.

Особенно много нарушений допускается судами по делам о возмещении ущерба в случае временной нетрудоспособности потерпевших. Известно, что при временной нетрудоспособности работнику выдается бюллетень на все время болезни до выздоровления или установления инвалидности. Размер выдачи пособия по временной нетрудоспособности зависит от стажа непрерывной работы на данном предприятии. Одни суды принимают такого рода исковые заявления, а другие отказывают в приеме. Между тем такой подход нельзя признать правильным. Народные суды вправе отказывать в приеме искового заявления о возмещении вреда по временной нетрудоспособности лишь тогда, когда нетрудоспособность вызвана заболеванием от общих причин. Когда же временная нетрудоспособность вызвана увечьем на производстве, суд не вправе отказывать в приеме искового заявления.

Например, народный суд 1-го участка г. Березники Ростовской области по иску Изюмского к заводу о взыскании ущерба за дни временной нетрудоспособности, вызванной несчастным случаем (увечьем) на предприятии, прекратил дело по неподведомственности спора судебным органам и предложил истцу обратиться в вышестоящую организацию.

В этом вопросе допускают путаницу даже некоторые верховные суды союзных республик.

Например, народный суд г. Фрунзе удовлетворил иск Попова, получившего травматическое повреждение во время испытания рентгеновской установки, в результате чего потерял трудоспособность на 53 дня. Бюллетень ему не был оплачен из-за отсутствия необходимого стажа. Народный суд удовлетворил этот иск, но по протесту председателя Верховного суда Киргизской ССР Верховный суд Киргизской ССР 7 июня 1951 г. отменил это решение и прекратил дело по мотиву, что вопрос о выдаче пособий по временной нетрудоспособности суду не подсуден, между тем в данном случае речь идет не об оплате бюллетеня по временной нетрудоспособности от общего заболевания, а о возмещении ущерба, причиненного увечьем на производстве. Такие иски отнесены к компетенции судебных органов.

Вопрос о размере возмещения, которое должно быть взыскано с лиц, причинивших вред, является одним из важных вопросов обязательств из причинения вреда и решается по-разному, в зависимости от характера иска. Судебная практика знает три вида исков, в которых различно решается вопрос о размере возмещения. Во-первых, возмещение ущерба, причиненного здоровью, повлекшего временную утрату трудоспособности; во-вторых, возмещение ущерба, повлекшего стойкую утрату трудоспособности, т. е. инвалидность; в-третьих, возмещение ущерба в случае смерти потерпевшего, являвшегося кормильцем семьи.

При временной утрате трудоспособности вопрос о возмещении ущерба особых затруднений не вызывает. Если установлено, что временная нетрудоспособность наступила в результате преступного действия или

бездействия страхователя, потерпевшему должна быть присуждена заработная плата, не полученная за время нетрудоспособности.

Для установления убытков берется средний заработок потерпевшего за два календарных месяца, предшествовавших несчастному случаю. При этом суд должен учесть назначенное потерпевшему пособие и на эту сумму уменьшить размер присужденного возмещения. Отдельные суды в этом вопросе допускают ошибки. Например, народный суд 2-го участка г. Выксы 29 сентября 1950 г. вынес решение о взыскании в пользу Полижановой полностью ее среднего заработка, тогда как она получила 50% по больничному листу.

При инвалидности размер убытков определяется в соответствии со степенью (процентом) утраченной потерпевшим трудоспособности и средним заработком потерпевшего за 12 календарных месяцев. Если в результате увечья потерпевший частично лишился профессиональной и общей трудоспособности, то размер возмещения определяется пропорционально степени (проценту) утраты потерпевшим профессиональной трудоспособности; при полной утрате профессиональной трудоспособности и сохранении частично общей трудоспособности причитающееся потерпевшему возмещение должно быть уменьшено на сумму, какая может быть заработана неквалифицированным рабочим или служащим при соответствующем проценте общей трудоспособности. При этом суд обязан принять во внимание назначенную потерпевшему пенсию по социальному страхованию и на эту сумму уменьшить размер присужденного возмещения.

Изучение судебных дел показывает, что некоторые народные суды устанавливают размер ущерба при отсутствии в деле данных о степени (проценте) утраты трудоспособности. Это приводит к тому, что суды присуждают возмещение ущерба в виде разницы между ранее получаемой заработной платой и назначенной истцу пенсией. Так, народный суд 1-го участка г. Черниковска удовлетворил иск Сыщикова, взыскав с завода 844 руб. ежемесячно. Заключение же врачебной комиссии о степени утраты потерпевшим трудоспособности в деле нет, тем самым решение вынесено без учета действительного ущерба потерпевшего.

Народный суд Знаменского района Омской области взыскал с льнозавода в пользу Лукашенко по 119 руб. ежемесячно пожизненно при отсутствии в деле заключения врачебной комиссии о степени утраты трудоспособности истца.

Народный суд 1-го участка Сталинского района г. Копейска Челябинской области удовлетворил иск Калининченко к заводу без истребования заключения врачебной комиссии о степени утраты потерпевшего трудоспособности.

Народный суд 1-го участка г. Половинка Молотовской области взыскал с шахты имени Урицкого треста «Сталинуголь» в пользу Голобородова по 404 руб. ежемесячно. Голобородов потерял профессиональную трудоспособность и 55% общей трудоспособности. Суд снизил размер взыскания на сумму, которую мог бы заработать квалифицированный рабочий при соответствующем проценте трудоспособности, тогда как в этом случае учитывается заработок неквалифицированного рабочего.

13 октября 1950 г. народный суд 1-го участка Кагановичского района г. Минска присудил с мельничного завода в пользу Дробита всю разницу между пенсией и заработком, не учитывая того, что у потерпевшего сохранилось 50% общей трудоспособности. Это обязывало суд уменьшить возмещение на сумму, какую мог бы заработать неквалифицированный рабочий, сохранивший 50% трудоспособности.

Имеют место неправильные решения о возмещении вреда в случае

смерти кормильца (ст. 409 ГК). Суды часто не учитывают, что присужденная сумма должна быть уменьшена в размере той части заработка умершего, которая приходилась на содержание самого кормильца.

Народным судом 1-го участка Молотовского района г. Уфы взыскана с ж. д. имени Куйбышева в пользу Стукиной на детей до их совершеннолетия, а истце пожизненно, разница между заработной платой умершего и назначенной семье пенсией в сумме 434 руб. ежемесячно. Народный суд не исключил из возмещения ту часть заработка, которая приходилась на погибшего.

Народные суды городов Александрова, Коврова, Муромы Владимирской области взыскивали возмещение на содержание детей до 18-летнего возраста, не учитывая, обучаются ли они в учебном заведении. Такие же ошибки допускал народный суд 3-го участка г. Рубцовска Алтайского края (дело по иску Загородней Ф. Ф., рассмотренное 17 марта 1951 г.). Народный суд 1-го участка Карпинска Свердловской области по иску Паниковской указал, что взыскание на детей следует производить до 18-летнего возраста, не оговорив, что такое взыскание производится, если дети будут учиться, так как в противном случае взыскание должно производиться до 16-летнего возраста детей.

В исках о возмещении вреда в связи с потерей кормильца возникают два вопроса: до какого возраста несовершеннолетние дети имеют право получать возмещение и в каких случаях имеет право на возмещение супруг погибшего?

Правила обеспечения в порядке социального страхования по инвалидности и по случаю потери кормильца, утвержденные Союзным советом социального страхования при НКТ СССР 4 июля 1928 г., устанавливают, что правом на обеспечение по случаю потери кормильца пользуются члены семьи: дети, не достигшие 16 лет; обучающиеся в учебных заведениях — 18 лет; супруг независимо от трудоспособности и возраста, если он занят уходом за детьми умершего кормильца, не достигшими 8 лет.

В судебной практике по этим вопросам нет достаточной ясности. Правда, Верховный суд РСФСР 23 июля 1929 г. разъяснил, что на детей вознаграждение взыскивается до достижения ими 16 лет, а если они обучаются в учебном заведении, то до 18 лет. Постановление Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г. этого вопроса не разрешает. Указанное разъяснение Верховного суда РСФСР действует лишь на территории РСФСР, а в других союзных республиках такого постановления нет. Поэтому Пленуму Верховного суда СССР надо было бы дать по этому вопросу руководящие указания судам. Что касается возмещения в пользу супруга в тех случаях, когда на его иждивении остались дети в возрасте до восьми лет, если он занят уходом за ними, то по этому вопросу вообще нет никаких руководящих указаний, и это создает неуверенность в работе судов.

Мы считаем, что Пленум Верховного суда СССР мог бы по аналогии с правилами Союзного совета социального страхования при НКТ СССР от 4 июля 1928 г. дать указание судам о том, что правом на обеспечение в случае потери кормильца пользуется также один из родителей, независимо от трудоспособности и возраста, если он занят уходом за детьми умершего кормильца, не достигшими восьми лет.

Когда по обстоятельствам дела устанавливается, что вред возник не только в результате неправильных действий, причинивших вред, но и вследствие грубой неосторожности или небрежности самого потерпевшего, суд может, исходя из принципа смешанной ответственности, возложить на причинившего вред обязанность частичного возмещения в со-

ответствии со степенью вины каждой из сторон (п. 12 постановления Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г.).

Это руководящее указание Пленума Верховного суда СССР суды редко выполняют и, как правило, возлагают ответственность на предприятия. Влияние вины потерпевшего на причины увечья судом не исследуется.

Народный суд 5-го участка Октябрьского района г. Барнаула 27 июля 1950 г. взыскал с завода 1451 руб. в пользу Подкорытова. Из дела видно, что увечье произошло не только по вине предприятия, но и по вине истца, и, следовательно, были основания для применения смешанной ответственности.

В судах нет единообразной практики по вопросу о возмещении вреда в тех случаях, когда судом восстанавливается срок исковой давности, пропущенный истцом. Одни суды присуждают ущерб со дня причинения его, другие — в пределах трехлетнего срока давности, в некоторых случаях ущерб присуждается со дня предъявления иска.

Например, Салтанова, работая на механическом заводе, получила увечье. В народный суд она обратилась с иском только через десять лет. Народный суд 2-го участка г. Подольска 7 октября 1950 г. отказал в иске Салтановой за пропуском срока исковой давности. Московский областной суд 30 октября 1950 г. отменил это решение и указал, что истица имеет право на возмещение со дня причинения вреда. При новом рассмотрении дела народный суд 3-го участка г. Подольска взыскал с завода в пользу Салтановой причиненный ей ущерб за десять лет.

Народный суд 1-го участка Орехово-Зуевского района 10 января 1950 г. отказал в иске Аникиной в возмещении ущерба, причиненного ей в 1940 г., за истечением срока исковой давности. Московский областной суд 9 июня 1950 г. отменил это решение и дал указание суду обсудить вопрос о восстановлении срока исковой давности в соответствии со ст. 49 ГК 13 июля 1950 г. Суд восстановил срок исковой давности и взыскал в пользу истицы ежемесячно по 152 руб. 72 коп., начиная с 24 марта 1940 г., т. е. более чем за десять лет.

Народный суд 3-го участка Ворошиловского района г. Шахты Ростовской области 7 ноября 1950 г., рассмотрев дело по иску Балатовой к тресту «Ростовшахтуголь» за причинение вреда в 1943 году, восстановил ей срок исковой давности и взыскал с ответчика 41 505 руб. за прошлое время и ежемесячно по 510 руб. Ростовский областной суд изменил это решение, определив взыскание за прошлое время с 12 октября 1948 г. Однако по протесту Председателя Верховного суда РСФСР Верховный суд РСФСР это определение отменил и оставил в силе решение народного суда.

Для того чтобы внести ясность в судебную практику, надо было бы Пленуму Верховного суда СССР дать руководящие указания судам.

С нашей точки зрения, в случае восстановления срока давности, пропущенного стороной, возмещение должно присуждаться лишь с момента предъявления иска. За прошлое время, погашенное давностью, возмещение присуждаться не должно.

В судебной практике нет единства в вопросе о зачете заработка потерпевшего в тех случаях, когда он продолжает работать на той же или другой работе и получаемый им заработок вместе с получаемой пенсией не ниже заработка потерпевшего до увечья, а иногда даже выше.

Анисимов С. В. работал на заводе в должности бригадира-штукатура. 19 марта 1950 г. с ним произошел несчастный случай, в результате которого он утратил 20% профессиональной трудоспособности и 15% общей. Средний заработок его был 864 руб. 45 коп. После выздоровления

Анисимов приступил к работе в этой же должности и заработок его не уменьшился. Народный суд 3-го участка г. Орехово-Зуево взыскал в пользу Анисимова по 172 руб. 89 коп. ежемесячно с 20 апреля 1950 г. по 20 апреля 1951 г., не указав в решении о праве администрации произвести зачет полученного потерпевшим вознаграждения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР ориентирует суды на ограничение зачета заработка, ссылаясь при этом на постановление Президиума Верховного суда РСФСР от 28 июня 1926 г. В этом постановлении указывается, что, если потерпевший после увечья продолжает работать на той же работе, в том же предприятии и его заработок фактически не уменьшился по сравнению с прежним заработком, суд может зачесть этот заработок в счет определенного судом дополнительного возмещения. Из этого следует, что, если потерпевший после увечья работает не на той же работе или работает в другом предприятии, хотя бы на той же работе, то, несмотря на то, что заработок потерпевшего не уменьшился, производить зачет заработка нельзя.

В настоящее время в судебной практике высказывается иной взгляд. В силу ст. 410 ГК возмещение за вред должно состоять в восстановлении прежнего состояния, поскольку же такое восстановление невозможно, в возмещении причиненных убытков. В наших условиях создана широкая возможность для получения трудящимися новой квалификации. Потерпевшие (в том числе и инвалиды) могут получить другую квалификацию и применить свой труд на новой работе в том или другом предприятии. Поскольку наше законодательство охраняет возмещение причиненных реальных убытков, то в тех случаях, когда устанавливается, что потерпевший после увечья имеет заработок не меньший, чем он имел до увечья, предприятие, выплачивающее потерпевшему дополнительное возмещение в порядке ст. 413 ГК, имеет право зачесть этот заработок в счет присужденного судом возмещения. При этом не имеет значения, где и в какой должности работает потерпевший. Эта точка зрения нашла свое выражение в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 18 июля 1951 г. по иску Петрушкина к заводу. В этом определении Судебная коллегия указала, что после увечья Петрушкин имеет постоянный заработок, работая в другом предприятии, в связи с чем ответчику, т. е. заводу, должно быть предоставлено право зачета заработка истца в счет присужденных с него сумм по судебному решению.

Надо заметить, что вопрос о зачете — один из наиболее сложных и важных в обязательствах из причинения вреда. Глава XIII ГК обязательств из причинения вреда не содержит постановлений о зачете заработка потерпевшего.

Постановление Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г. также ничего не говорит о зачете. Пленум Верховного суда СССР должен был бы дать судам по этому вопросу руководящее указание.

СУДЕБНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО КОЛХОЗОВ

О. Степанова

По действующему законодательству колхоз является юридическим лицом и, следовательно, как субъект права обладает общегражданской и процессуальной правоспособностью и дееспособностью, которая наступает с момента регистрации колхоза районным Советом депутатов трудящихся.

Являясь юридическим лицом, колхоз может совершать сделки через свои органы или через своих представителей (ст. 16 ГК РСФСР). В отличие от органа юридического лица его представитель действует по доверенности и выступает по отношению к представляемому им юридическому лицу как самостоятельный субъект.

Судебное представительство (ст. ст. 12—20 ГПК РСФСР) является одним из видов общегражданского представительства, регулируемого ст. ст. 38—40 ГК РСФСР.

Представительство, осуществляемое органом колхоза, является уставным представительством и относится к одному из видов законного представительства, причем устав колхоза предусматривает, какие его органы правомочны совершать те или иные юридические действия, а их правомочие действовать от имени колхоза удостоверяется протоколом общего собрания об избрании данного состава правления или председателя колхоза.

При рассмотрении судом гражданских колхозных дел представителями колхоза могут быть как его законные представители (т. е. его органы), так и договорные представители, действующие на основании доверенности.

Согласно ст. 20 ГПК РСФСР не могут быть судебными представителями лица, не достигшие 18-летнего возраста. Между тем членом правления колхоза может быть избран член колхоза, не достигший 18-летнего возраста (ст. 7 Примерного устава сельскохозяйственной артели). Так как ст. 16 п. «а» ГПК РСФСР не знает никаких исключений, то, с нашей точки зрения, член правления колхоза, не достигший 18-летнего возраста, не может быть судебным представителем колхоза.

Полномочие судебного представителя колхоза должно быть надлежащим образом оформлено, что и должно быть проверено судом.

Председатель колхоза как его законный представитель не должен представлять доверенности на право выступления в суде по конкретному делу, он должен представить суду лишь документ, удостоверяющий его избрание председателем колхоза (выписку из протокола общего собрания).

Неправильной является практика судов, требующих от председателей колхозов представления доверенности на право выступления по конкретному делу. Однако для признания председателя колхоза полномочным на совершение действий, предусмотренных ст. 18 ГПК РСФСР, суд должен требовать от председателя колхоза полномочия правления или общего собрания колхоза, за исключением тех случаев, когда председатель колхоза представляет суду так называемую «общую», нотариально засвидетельствованную доверенность (ст. 266 ГК РСФСР), в которой указано право его вести все судебные дела колхоза с правами, указанными в ст. 18 ГПК РСФСР.

Судебными представителями колхоза могут быть члены правления,

должностные лица и все члены колхоза; их полномочие выступать в суде должно быть оформлено доверенностью за подписью председателя колхоза (ст. 267 ГПК РСФСР).

Верховный суд СССР неоднократно обращал внимание судов на необходимость тщательной проверки полномочий представителей колхозов на выступление в суде и в особенности на окончание дела миром, признание иска, отказ полностью или частично от исковых требований (ст. 18 ГПК РСФСР).

В практике Верховного суда СССР имеются определения об отмене решения по тем основаниям, что суд не проверил объема полномочий представителя колхоза в суде. Так, в определении по делу № 36/885 по иску Побочина к колхозу «Октябрь» о вознаграждении за пастбу скота Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР указала: «Ссылка суда на то, что представитель колхоза признал иск, является неосновательной, так как представитель колхоза не представил суду доказательств, свидетельствующих о том, что он в соответствии со ст. 18 ГПК РСФСР уполномочен колхозом на окончание дела миром или на признание иска истцом»¹.

Другое определение (№ 36/1388). Судебная коллегия Верховного суда СССР отменила решение Свердловского областного суда в части отказа в иске потому, что «суд отказал в полном удовлетворении иска по тем основаниям, что представитель истца в судебном заседании снизил иск до 41 552 руб. 64 коп. (вместо 69 798 руб.), в соответствии с ценой на груз по прейскуранту. Однако, как видно из материала дела, представитель истца не имел полномочий на уменьшение исковых требований в соответствии со ст. 18 ГПК РСФСР, а потому такое заявление представителя завода не могло быть положено в основу судебного решения»².

Пленум Верховного суда СССР в своем постановлении от 5 мая 1950 г. «О судебной практике по гражданским колхозным делам», отмечая большое число допускаемых судами нарушений процессуальных норм, в том числе неистребование от лиц, выступающих в суде от имени колхоза или государственного учреждения или организации, полномочий на ведение дела, указал, что «особое внимание следует уделять судам проверке полномочий представителей колхозов на выступление в суде». (ст. 16):

Несмотря на эти указания, в судебной практике все же имеют место случаи, когда суды не проверяют полномочий представителей колхозов либо допускают в качестве представителей колхозов лиц, не имеющих доверенности или документов, подтверждающих, что они по своему положению являются законными представителями колхоза.

Изучение судебной практики народных судов Ленинградской области за 1950 и 1951 годы свидетельствует о том, что многие народные суды не понимают значения института судебного представительства и грубо нарушают его основные положения.

При рассмотрении гражданских колхозных дел многие народные суды не проверяют полномочий представителей колхозов, допускают в качестве представителей колхозов лиц, не имеющих полномочий от колхоза, требуют от представителей колхоза «разовой» доверенности на выступление по данному делу; рассматривают как доказательство признание иска или отказ от иска представителей колхозов при отсутствии у них доверенности на право совершения действий, предусмотренных

¹ Судебная практика Верховного суда СССР* 1950 г. № 1, стр. 43.

² Судебная практика Верховного суда СССР* 1950 г. № 4, стр. 45.

ст. 18 ГПК РСФСР, не выясняют личности представителей колхоза и т. п.

Народные суды Оятского, Лужского, Волосовского районов допускали при рассмотрении дел представителями колхозов лиц не представивших полномочий на право выступления в суде.

Народный суд Оятского района при рассмотрении дел по иску колхоза «Ленинский путь» о возмещении за выпас скота допустил представителя колхоза без доверенности и все дела прекратил за отказом от исков такого «представителя» колхоза (дела №№ 2—359, 2—357, 2—358, 2—360, 2—367, 2—368, 2—364).

Народный суд Сосновского района по делу № 2—561 1951 г. по иску Чикина колхозу имени Кирова о возмещении ущерба за потраву картофеля приобщил к делу доверенность, представленную представителем колхоза, но относящуюся к другому делу, не выяснил фамилии, имени и отчества представителя и вынес решение, основываясь на признании иска представителем колхоза, объяснения которого в протоколе записаны следующим образом: «Ответчик — признаю полностью, но прошу в решении постановить об оплате натурой». Из материалов дела видно, что иск основан на одностороннем акте, составленном истцом в отсутствие представителя колхоза; в акте указано, что скотом колхоза было съедено пять ящиков картофеля, который был оставлен в поле без охраны за отсутствием транспорта. Даже при наличии у председателя колхоза доверенности, соответствующей требованиям ст. 18 ГПК РСФСР, суд должен проверить, соответствует ли признание иска представителем колхоза материалам дела, подтверждается ли оно имеющимися в деле доказательствами.

Народный суд 1-го участка Лужского района по делу № 2—692 по иску Мясниковой к колхозу «Заветы Ильича» о возмещении стоимости 81 кг мяса удовлетворил иск, основываясь на признании иска представителем колхоза счетоводом Теховым, объяснения которого в протоколе записаны в следующем виде: «Иск понятен, который признаю. Мясо было действительно сдано, но почему колхоз не рассчитался, не знаю». Суд удовлетворил иск, не обоснованный доказательствами, при наличии в деле справки районного уполномоченного министерства заготовок о сдаче колхозом 33 кг мяса. Повидимому, и председатель колхоза и суд не ознакомились с материалами дела.

При рассмотрении дела № 2—360 народным судом 2-го участка Новолadoжского района по иску Автотранспортного управления Ленинградского городского исполкома к колхозу «Победа Октября» о 46 732 руб. за работы по электрификации, суд приобщил к делу доверенность представителя колхоза следующего содержания: «Дана правлением колхоза «Победа Октября» Новолотовского сельского Совета председателю колхоза Ивагову Д. С. в том, что действительно доверяется слушать дело в качестве ответчика по иску Автотранспортного управления в сумме 46 732 руб. в народном суде 2-го участка Новолadoжского района». Доверенность подписана счетоводом колхоза, а за председателя колхоза расписалось неизвестное лицо. В судебном заседании 23 ноября 1951 г. представитель колхоза Иванов заявил, что иск признает, и дал следующие пояснения: «колхоз электрифицирован, работа по электрификации сделана полностью. Работа принята по акту полностью. Я не знаю, было или нет решение правления колхоза, но его мы не нашли. Как проводили работу, на основании чего — для меня неизвестно». На вопрос прокурора представитель колхоза ответил: «Работу по электрификации я сам не принимал. Я не знаю, есть ли сейчас недоделки в работе по электрификации». В решении суд дал следующую оценку при-

знанию иска представителем колхоза: «ответчик иск признал неопределенно, почему сумма иска по сравнению с подрядным договором превышала, пояснить не мог, пояснил, что при проверке работ после выполнения их колхоз в приеме не принимал участия и не знает качества их выполнения». Между тем суду надлежало прямо указать в решении на незаконность признания иска председателем колхоза, поскольку договор не был утвержден общим собранием членов колхоза и в доверенности председателя колхоза нет полномочия на признание иска».

Народный суд 1-го участка Кингисеппского района по делу № 412 по иску Федорова к колхозу «Красная заря» о заработной плате приобщил к делу доверенность (согласно которой председателю колхоза Игнатову доверяется выступить по делу Федорова), подписанную самим Игнатовым и счетоводом колхоза Федоровым, истцом по делу.

Народный суд 1-го участка Лужского района по иску Розановой к колхозу «Вперед» о 300 кг картофеля и 314 руб. приобщил к делу доверенность следующего содержания: «Дана председателю колхоза «Вперед» Иванову Ф. Л. в том, что ему доверяется вести дело Розановой на суде 5 ноября 1951 г.». Доверенность подписали председатель ревизионной комиссии и бухгалтер колхоза.

Дело № 2—881 народного суда 1-го участка Рошинского района по иску Старицына П. Ф. к колхозу имени Ворошилова о 8400 руб. за проданный колхозу дом.

Истец в исковом заявлении указал, что по договору от 31 мая 1951 г. им был продан колхозу имени Ворошилова дом за 12 000 руб. Часть денег в сумме 3600 руб. колхоз уплатил ему в разные сроки, а остальные 8400 руб. не уплатил, ввиду отсутствия денег на текущем счету. В подтверждение иска истец представил договор купли-продажи дома, подписанный председателем колхоза и не удостоверенный в нотариальном порядке. Кроме того, представлено подписанное председателем колхоза обязательство о том, что колхоз обязан уплатить ответчику по договору 8400 руб. до 1 августа 1951 г. Суд иск удовлетворил, основываясь на признании иска председателем колхоза, заключившим договор, в то время как по делу установлено, что договор купли-продажи дома был заключен председателем колхоза без санкции общего собрания. Следовательно, суду надлежало обязать председателя колхоза представить постановление общего собрания об утверждении сделки купли-продажи дома, при отсутствии такового суд должен был признать договор купли-продажи дома недействительным.

Судебная практика показывает, что в жизни имеет место новый вид договорного представительства колхозов — в форме выступления адвокатов в защиту интересов колхозов на основании договоров, заключенных юридическими консультациями по обслуживанию колхозов.

Министерство юстиции СССР своим приказом от 10 сентября 1951 г. «о мероприятиях по оказанию юридической помощи колхозам со стороны органов юстиции и адвокатуры» обязало президиумы коллегий адвокатов разъяснить всем адвокатам важное значение работы по оказанию юридической помощи колхозам и обеспечить активное их участие в судах на стороне колхозов при разбирательстве гражданских колхозных дел. Одновременно в приказе предложено: «президиумам коллегий адвокатов принять меры к усилению работы юридических консультаций по оказанию помощи колхозам, обеспечить систематические выезды адвокатов в колхозы для проведения на местах консультаций по юридическим вопросам, оформления материалов в суде по делам о взыскании в пользу колхозов дебиторской задолженности, для составления и проверки законности договоров и сделок, заключаемых колхозами, и т. п.».

По инициативе президиума Ленинградской областной коллегии адвокатов юридические консультации области, во исполнение указанного приказа Министерства юстиции СССР, заключили договоры с колхозами об обслуживании их юридической помощью. По договору «колхоз поручает, а юридическая консультация принимает на себя: а) дачу советов по юридическим вопросам; б) составление бумаг и письменных заключений по искам колхозов к частным лицам и организациям; в) ведение гражданских дел в народных судах первой инстанции, а также по кассационной инстанции — в защиту интересов колхоза; г) проверку и визирование договоров колхоза, имеющих правовое значение; д) принятие мер к скорейшей ликвидации дебиторской задолженности».

Раздел договора «Порядок оплаты услуг консультации» сформулирован по-разному и представляет большой интерес для исследования.

Мы встречаем три формулировки:

1) Юридическая помощь колхозу оказывается консультацией бесплатно. Оплате подлежат только командировочные расходы, связанные с выездом за пределы района по служебным делам колхоза в соответствии с такой юридической консультацией.

2) Всю обусловленную договором работу юридическая консультация проводит без оплаты со стороны доверителя (колхоза) в порядке помощи колхозу. Только в тех случаях, когда судом будет присуждено с другой стороны вознаграждение на представителя, предусмотренное примечанием 1 к ст. 46 ГПК РСФСР, из этих сумм колхоз оплачивает работу адвоката по таксе. Расходы, связанные с выездом по командировке в суды, оплачиваются колхозом после предъявления юридической консультацией соответствующих документов.

3) Всю обусловленную договором работу юридическая консультация проводит без оплаты со стороны доверителя (колхоза), в порядке помощи колхозу. Только в тех случаях, когда будет взыскано с другой стороны вознаграждение на представителя, предусмотренное прим. 1 к ст. 46 ГПК РСФСР, эта сумма поступает юридической консультации.

Последняя форма договора, обязывающая колхоз перечислять на текущий счет всю сумму, присужденную в пользу колхоза на представителя, по нашему мнению, является неправильной и противоречащей закону (прим. 1 к ст. 46 ГПК РСФСР).

Тем более, что наряду с адвокатами, как правило, по крупным делам колхозы направляют в суд своих представителей (председателей колхоза, членов правления, счетоводов и т. д.).

Так, например, 27 декабря 1951 г. Судебная коллегия по гражданским делам Ленинградского областного суда рассмотрела дело № 3—379 по иску прокурора Лесогорского района в защиту интересов колхоза имени Ворошилова о возмещении совхозом «Сосновая горка» 62 500 руб. причиненного колхозу ущерба и вынесла решение об удовлетворении иска, взыскав колхозу на представителя 3125 руб. По делу в качестве представителя выступал председатель колхоза и адвокат по ордеру консультации. Следовательно, если в данном случае по договору с юридической консультацией было обусловлено внесение колхозом на текущий счет консультации сумм, присужденных в возмещение расходов на представителя, то колхоз был бы обязан перечислить указанную сумму 3125 руб. на представителя в юридическую консультацию, которая в несколько раз превышает размер вознаграждения адвоката по таксе за ведение данного гражданского дела. Такого рода договоры явно недопустимы, как нарушающие интересы колхозов.

Неправильной, с нашей точки зрения, является практика народных судов в тех случаях, когда они при удовлетворении исков в пользу кол-

хозов присуждают причитающиеся колхозу в порядке прим. 1 к ст. 46 ГПК РСФСР суммы в пользу юридической консультации или персонально в пользу адвоката, выступавшего по делу.

Суды должны присуждать суммы, причитающиеся на представителя, в пользу колхоза, а колхоз сам должен производить расчеты с представителем, если последнему, в соответствии с законом, причитается то или иное вознаграждение. Так, народный суд Киришского района Ленинградской области по делу № 2—363 по иску Прокурора Киришского района в защиту интересов колхоза «Борец» Бельского района о 49 981 руб. 76 коп. вынес решение о взыскании с Киришского лес-промхоза в пользу адвоката Киришской юридической консультации Николаева 3% с суммы иска.

Подобная практика уже была осуждена Судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда СССР, которая в своем определении по иску колхоза «Комсомолец» к заводу о 153 000 руб. (дело № 36/254) указала, что суд на основании прим. к ст. 46 ГПК РСФСР обязан был взыскать расходы по вознаграждению представителя в пользу стороны, т. е. колхоза «Комсомолец», а не в пользу юридической консультации («Судебная практика» 1951 г., № 9, стр. 43).

Оказание юридической помощи колхозам со стороны юридических консультаций адвокатов — дело большой государственной важности. Эта помощь должна быть направлена на выполнение задач, поставленных перед ними партией и правительством, на содействие организационно-хозяйственному укреплению колхозов, на укрепление и умножение социалистической собственности. Опыт работы юридических консультаций по оказанию юридической помощи колхозам должен изучаться и обобщаться.

В практике не разрешен вопрос об оформлении полномочий адвокатов при выступлении в суде по гражданским делам. Некоторые суды ограничиваются тем, что адвокаты представляют ордер, выданный юридической консультацией.

Мы считаем, что ордер, выданный юридической консультацией, по законодательству РСФСР не является актом, удостоверяющим право адвоката на представительство по гражданским делам от имени как юридического лица, так и гражданина, и во всех случаях адвокат должен быть снабжен доверенностью в соответствии со ст. 17 ГПК РСФСР.

Иначе этот вопрос решается ст. 19 ГПК Украинской ССР и ст. 18 ГПК Грузинской ССР, в силу которых ордер, выданный консультацией, удостоверяет право адвоката на представительство по данному делу.

Одновременно должен быть установлен строгий контроль со стороны президиума коллегии адвокатов над качеством работы адвокатов, выполняющих обязанности представителей колхозов. Практика показывает, что не всегда адвокаты, представители колхозов, обеспечивают надлежащее качество выступлений в суде по отдельным колхозным делам.

Адвокат должен не только четко изложить обоснование иска как по праву, так и по размеру, но также должен дать юридический анализ правоотношений сторон, указать нормы права, на основании которых, по его мнению, должно быть разрешено дело.

Правильное понимание института представительства колхозов, точное исполнение закона, регламентирующего этот институт, должно обеспечить контроль над деятельностью органов и представителей колхозов и способствовать организационно-хозяйственному укреплению колхозов.

КАК ИЗОБРАЖАЮТСЯ ЮРИСТЫ В СОВЕТСКОЙ ДРАМАТУРГИИ

Г. Заварухин

В статье «За правдивый образ судьи и прокурора в советской литературе» («Социалистическая законность» 1951 г. № 11) тов. Скоморохов совершенно правильно протестует против искажения образов советских юристов в нашей литературе. Но нельзя согласиться с утверждением автора о том, что писатели якобы не балуют своим вниманием работников суда и прокуратуры. Напротив, помимо тех пяти произведений советских писателей, где изображены прокуроры, судьи, следователи и адвокаты и на которые ссылается тов. Скоморохов, можно указать еще не менее десятка таких романов, повестей и пьес, героями которых (или главными или эпизодическими) являются советские юристы. Но — и в этом вся беда — ни в одном из таких художественных произведений мы не найдем настоящего, живого, советского юриста, не увидим и действительной жизненной обстановки, в которой они действуют... Исключением является очерк В. Шалагинова «Судья» («Новый мир», 1951 г. № 10 и 11), где умно и правдиво рассказано о работе судьи Елизарова.

В настоящей статье мы не будем касаться как тех произведений, на которые сослался тов. Скоморохов, так и других романов и повестей, где выведены прокуроры и судьи. Здесь мы постараемся показать только драматические произведения — пьесы, где действующими лицами являются юристы, пьесы, которые не только напечатаны, но и поставлены в наших театрах.

Известно, что театр имеет большое воздействие на зрителя, и если образы, воплощенные актером на сцене, искажены, не жизненны, не правдивы, тем серьезнее вред, приносимый этим видом искусства, тем более протестов они вызывают у чуткого и взыскательного советского зрителя.

От писателей, в том числе и драматургов, мы требуем глубокого и всестороннего изучения жизни, о которой они пишут, так как именно это является необходимым условием художественной полноценности всякого творчества. Те же художники, которые берутся писать о том, чего не изучили, чего не знают, неизбежно будут грешить против жизненной правды. И, конечно, никакой талант здесь не поможет.

ЦК ВКП(б) в своем историческом постановлении о кинофильме «Большая жизнь», отмечая неудачи и ошибки режиссеров Эйзенштейна, Пудовкина и др., указывал: «В незнании предмета, в легкомысленном отношении сценаристов и режиссеров к своему делу заключается одна из основных причин выпуска негодных фильмов»¹.

Товарищ Сталин требует от всех писателей и работников искусства детального изучения жизни и правдивого ее отображения. Так, в своем отзыве о пьесе Сейфуллиной «Виринея», записанном в книге почетных посетителей театра имени Вахтангова, товарищ Сталин отме-

¹ Постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, Госполитиздат, 1950, стр. 21.

тил как заслугу писательницы то, что ее пьеса — «выхваченный из живой жизни кусок жизни»¹.

От подобной высокой оценки весьма далеки пьесы, где показаны юристы: «Чужая судьба» Д. Слепян, «Государственный советник» М. Сагаловича и Б. Фаянса, «Семья Лутониных» бр. Тур и И. Пырьева². Можно, к сожалению, указать еще и на такие драматические произведения, в которых некоторые персонажи названы юристами явно по недоразумению. Так, в идущей во многих театрах страны, в том числе в московских и ленинградских, пьесе В. Каверина и З. Юдкевича «Два капитана»³, выведен некий персонаж по фамилии Сковородников. Драматурги почему-то дали ему профессию судьи. Но с таким же успехом Сковородникова можно было наименовать врачом, педагогом, парикмахером — кем угодно, так как ему не придано никаких типичных черт, которые определяли бы его профессию. Сковородников показан обывателем, личностью просто бесцветной и заурядной, и непонятно вообще, зачем он в пьесе. В двух ремарках авторов говорится: «он усатый, в белой толстовке» и «он в кепке и с палкой». Еще в одном месте поясняется: «Сковородников в благодушном настроении сидит в гамаке с газетой в руках». По ходу действия Сковородников в одной сцене произносит всего несколько слов — просит у жены водки, а в другой, на вечеринке, сначала распевает какие-то бессмысленные стишки, а затем танцует с гостями. Это все, что он делает в пьесе. А о том, что Сковородников действительно судья, мы узнаем из списка действующих лиц и из такого его разговора с приехавшим в гости старым приятелем Иваном Ивановичем.

«Иван Иванович... Ну, а как ты? Что выпиваешь, чем закусываешь?

Сковородников. Творю суд праведный!...» (стр. 218).

Нужно ли доказывать, что подобное сравнение судебной деятельности с выпивкой и закуской по меньшей мере бестактно...

Так и остается до конца пьесы этот, с позволения сказать, «судья» пританцовывающим любителем хмельного.

Возникает законный вопрос: зачем же авторы называли этот полужокоушеский персонаж юристом, на каком основании такой пошляк представлен в пьесе слугой народа, избранником народа — советским судьей.

Вот еще одна пьеса «Чужая судьба» Д. Слепян. Она также обошла сцены многих театров, и в том числе была поставлена в Московском театре драмы и комедии и в Ленинградском новом театре. В этой пьесе юристов много: есть прокурор, адвокат, юрисконсульт, секретарь суда и даже некое «руководящее лицо» из Министерства юстиции, — то ли начальник управления, то ли заместитель министра. Прокурор здесь показан мимоходом, так сказать, «не у дел». Мы его видим в одной сцене, в перерыве судебного заседания, когда он произносит несколько ничего не значащих слов. Адвокату Юхниной и юрисконсульту без имени уделено значительно больше места, но оба они, по установившейся дурной традиции, изображены людьми старых взглядов, чудаками, приспособившимися к обстоятельствам.

Но главное не в них. Центральное место в пьесе автор уделит мо-

¹ «Большевик» 1951 г. № 24, стр. 25.

² Пьеса Д. Слепян «Чужая судьба» напечатана в сборнике «Пьесы», изд. «Искусство» 1948 г., «Государственный советник» Сагаловича и Фаянса, выпущена в 1950 г. отдельной брошюрой Всесоюзным Управлением по охране авторских прав, «Семья Лутониных» братьев Тур и Пырьева напечатана в журнале «Знамя» № 11, 1950 г.

³ Сборник «Пьесы», изд. «Искусство» 1948 г.

лодому судье Елене Светловой. Она фигурирует с первой и до последней сцены во всех четырех действиях этой объемистой пьесы, и можно было ожидать от драматурга создания полнокровного реального образа советского судьи.

Д. Слепая, видимо, искренне стремилась доказать читателю и зрителю, что ее судья — это не чиновник, бесстрастно штампуемый приговоры, а активный принципиальный государственный деятель, умный и гуманный общественник, чуткий товарищ, которого глубоко волнуют судьбы людей, проходящих в судебных заседаниях. Так аттестует себя Светлова, так отзываются о ней и другие герои пьесы. Но, несмотря на благие намерения автора, настоящего, живого судьи не получилось, да и не могло получиться, так как очевидно, что драматург не знает ни среды, которую он взялся описать, ни людей, действующих в этой среде. Судья показана не только при исполнении своих служебных обязанностей — в судебном заседании, на приеме посетителей, в министерстве, но и среди работников — при посещении завода, входящего в район деятельности суда, на прогулке в городском саду, в ресторане, где судья отдыхает в кругу друзей, и т. д. И всюду, где появляется Светлова, она или скучно резонерствует или как интеллигентный хлюпик сомневается в каждом своем поступке и решении, причем все время нервничает, напоминая человека, больного истерией, а подчас изображается и просто легкомысленной женщиной.

Особенно странными выглядят в интерпретации автора все встречи судьи Светловой с секретарем райкома партии Новиковым. Их деловые разговоры к стати и не к стати сопровождаются лирическими отступлениями весьма фривольного характера. Вот одни из них. Новиков заехал в суд за Светловой, чтобы вместе отправиться на районный партактив. Светлова, между прочим, намекает, что она, «кажется», влюбилась... в одного из свидетелей по слушавшемуся в суде делу.

Новиков. А знаешь, влюбленность тебе к лицу...

Светлова. А новая шляпа?

Новиков. Пожалуй... Хотя в этом вопросе я ничего не понимаю.

Светлова. Много народу будет на активе?

Новиков. Думаю, что человек триста, а что?

Светлова. Просто интересуюсь... Ведь мне выступать... Так шляпа выглядит хорошо? Я тебе признаюсь... У меня впервые такая нарядная... я загадала: если тебе понравится шляпа, значит, я выступлю удачно, а если нет...

Новиков. Я замечаю и другое свойство влюбленных: они заметнее глупеют...» (стр. 191) и т. д.

Читаешь эти строки, и неловко становится и за судью с секретарем райкома и за драматурга, заставившего их вести подобный разговор.

Главный порок пьесы — в надуманности конфликтов, нежизненности сюжета, в примитивном изображении действительности. В пьесе показывается один из участков народного суда. Под председательством Елены Светловой разбирается дело о нарушении трудовой дисциплины молодой работницей Жуковой, которая подала иск о восстановлении ее на работе, так как считает увольнение неправильным. И действительно Жукова уволена неосновательно, но судья не сумела разобраться в причинах трудового конфликта, не выяснила создавшейся на заводе ненормальной обстановки и отказывает в иске. Но, объявив решение, судья сама усомнилась в его правильности. Она встречается с Жуковой, собирает о ней сведения у ее подруг и приходит к выводу, что совершила ошибку. И тут в суд поступает новое дело, но уже уголовное: по обвинению той же Жуковой в поджоге завода. По мысли автора, предва-

рительное следствие проведено плохо, но улики против Жуковой есть. Судья опять сомневается в виновности Жуковой и отправляет дело на следствие в прокуратуру. В этот момент в суде появляется инженер Свирский, который заявляет, что он виновник пожара, так как допустил ошибку при испытании изобретения. Однако Светловой не приходится вновь разбирать это дело: ее неожиданно снимает с работы «руководящее лицо» из Министерства юстиции... В конце концов все разъясняется. Незаслуженно обвиненные Жукова, Свирский и судья Светлова реабилитируются, и все кончается к общему благополучию.

Конечно, на таком надуманном материале нельзя было создать правдивый образ советского судьи. Художественный образ становится убедительным только тогда, когда писатель действительно глубоко изучит жизнь, в которой действует его герой, и вдумчиво отберет типические черты описываемых им событий. Слепая, не зная этой жизни, допускает ряд несуразностей. Например, посещая завод, судья грубо разговаривает с осужденной Жуковой. Присутствующие при этом разговоре работницы воспринимают этот разговор как ссору между судьей и осужденной. Могла ли при этих условиях судья Светлова слушать новое уголовное дело по обвинению той же Жуковой? Ведь сама Жукова или ее адвокат дали бы Светловой отвод. Совсем нелепые поступки совершает и «руководящее лицо» из Министерства. За то, что Светлова выступила на их партийном активе без согласования своей речи с этим «руководящим лицом», он снимает ее с работы. А с каких пор судья обязан согласовывать свои речи с министерством? «Руководящее лицо» показано каким-то самодуром и бюрократом, оно кричит, бежит, вмешивается в действия судьи в присутствии посетителей и т. д. И все это продолжается до конца пьесы, и лишь из последней сцены мы узнаем, что зарвавшийся чиновник наказан. А где же раньше была партийная организация, где общественность? Судьи, как известно, подчиняются только закону. А у Слепая получается так, что судьей командуют все, кому не лень, причем даже при решении таких вопросов, как предание суду и прекращение дела, на суд оказывает давление «руководящее лицо» из Министерства и райком партии. Есть в пьесе и другие, правда, мелкие ошибки. Так, например, уже после того как дело судом отправлено на следствие, судья принимает от инженера Свирского письменные объяснения по существу дела, вместо того чтобы направить заявителя на допрос в прокуратуру.

Неправильно изображен суд и в пьесе «Семья Лутоновых», написанной драматургами бр. Тур и И. Пырьевым.

Сцена суда представляет здесь заседание судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда. Разбирается бракоразводное дело, которое возбудила Ольга Калмыкова, инженер, против своего мужа, тоже инженера Андрея, бросившего ее с ребенком ради мимолетного увлечения молодой девушкой. Мы не будем касаться здесь содержания всей пьесы, которая перегружена любовными приключениями героев. Здесь авторы явно перестарались: Ольга Калмыкова любит своего мужа, но он влюбился в Леночку. В свою очередь в Ольгу влюблен ее друг Алексей Бобров, но не встречает взаимности. В этой же семье вторая дочь Лутоновых — Варя любит Игоря Варенцова, а Варю любит Петя Гребенкин и т. д. В свое время наша пресса уже отмечала как обилие мелодраматических переживаний героев этой пьесы, так и искажение наших понятий о коммунистической нравственности и морали. Но нас сейчас интересует другое: как изображен суд в этом драматическом произведении.

В. М. Молотов, определяя задачи организации суда, указывал: «Хо-

рошая организация суда и высокий его авторитет... во многом укрепляют новую культуру и новый быт, во многом укрепляют социалистический строй»¹.

Тот же суд, который показан в пьесе бр. Тур и Пырьева, никоим образом не воспитывает зрителя и отнюдь не блещет хорошей организацией. Более того, авторы, не зная действительности, исказили нормы и принципы советского судоустройства и процесса.

Перед судьей было сложное дело. Кстати говоря, бракоразводные дела в наших условиях являются для суда всегда сложными и трудоемкими делами, к разрешению которых суд подходит с особой чуткостью и осторожностью. Об этом очень хорошо написал в своих очерках «Судья» В. Шалагинов, напечатанных в журнале «Новый мир» в №№ 10 и 11 за 1951 год. Он даже назвал главу о бракоразводном деле «Трудное решение». А вот в пьесе «Семья Лутониных» слушание дела о разводе Ольги с Андреем превращено в комедию...

Ситуация этого дела действительно необычна, хотя и возможна в нашем быту. В самом деле, двое хороших культурных людей, долго и мирно живущих друг с другом и имеющих ребенка, вдруг разводятся. Виноват Андрей: он увлекся другою, но Ольга, из-за ложно понимаемой гордости, решает «взять вину на себя», т. е. заявляет суду, что она, а не Андрей, любит другого, иными словами, пытается ввести суд в заблуждение. А судья не разбирается в этом запутанном деле, он произносит несколько примитивных истин о долге советского семьянина, а затем без всякой мотивировки отказывает в иске. Но ведь зритель из предыдущих сцен знает, в чем дело, и у него, естественно, создается впечатление о поверхностном разборе судом дела, о недалекости, неопытности судьи. Все это усугубляется еще и тем, что авторы в погоне за дешевой занимательностью вводят в сцену суда несколько комических персонажей из публики: какую-то «пожилую даму, одетую кокетливо» и «жердеобразную особу в глухом черном платье и в пенсне», которые произносят реплики вроде: «это же любовь, а не подписка на заем», «брак это не оковы, а песня любви» и т. п., чем, конечно, придают всей сцене суда налет дурной веселости и фривольности. Да и сам судья ведет себя под стать дамам из публики. Так, обращаясь к Ольге и напоминая ей об обязанностях к ребенку, он изрекает такие «глубокомысленные» сентенции: «Должен ли он (ребенок. — Г. З.) отвечать за колебания температуры ваших отношений?» Вообще поведение судьи по меньшей мере странное, этакое «домашнее»: он называет стороны по имени-отчеству; переговаривается с публикой, не пресекает реплики из зала и т. д. Присутствующий в зале бухгалтер Рябчиков, перебивая судью, произносит целую тираду, начинающуюся восклицанием: «Правильно, товарищ судья», и судья одобряет это. Свидетель Егор Лутонин начинает свои показания с того, что тоже одобряет замечания судьи: «Правильно здесь говорил товарищ судья». А откуда свидетель знает, что говорил судья, если свидетелю полагается до вызова в заседание находиться в отдельной комнате? Действительно, это не суд, а что-то вроде собрания, посвященного обсуждению вопросов нового быта, или товарищеский суд в жакте времен двадцатых годов... Правильно, конечно, сделали некоторые режиссеры, которые, посоветовавшись с юристами, изъяли эту сцену из спектакля.

Когда читаешь подобные пьесы или смотришь их в театре и видишь, с какой беспомощностью и фальшью изображаются сцены допросов у следователя, судебные процессы и т. п., то невольно вспоминаешь хо-

¹ В. М. Молотов, Статьи и речи, Партиздат, 1937, стр. 192.

рошие классические образцы — произведения великих писателей, поставленные на сценах наших лучших академических театров... Вспомните замечательную сцену суда в инсценировке романа Л. Толстого «Воскресенье», поставленного в Московском Художественном академическом театре им. Горького, или сцену допроса Федора Протасова в камере судебного следователя в драме «Живой труп», с успехом идущей сейчас в Ленинградском академическом театре драмы имени Пушкина. Когда говорят, что драматическое произведение — это не протокольная запись каких-либо событий, а театр — не фотография, против этого, разумеется, спорить не будешь. Конечно, сцене, театру присущи свои законы и некоторая условность, и невозможно, да и нет в этом нужды, изображать в трехчасовом спектакле суд со всей точностью и скрупулезностью того, что бывает в действительности. Но уж главное, основное, типичное, что происходит в суде, должно быть показано правдиво. Достоинство произведений Л. Толстого в том, что он с необычайной художественной яркостью и правдивостью запечатлел в своих пьесах все типичные события, в том числе и в сценах суда, у следователя и т. д. Вспомните, с какой убедительностью нарисованы Толстым обстановка суда, поведение судьи, прокурора, адвоката, следователя, как правильно показано судопроизводство, как точно изложена документация, дана юридическая терминология.

Всего этого писатель добился не только потому, что он был гениальным художником, обладателем гигантского таланта, а еще и потому, что он долго и упорно работал над материалом, над изучением среды и людей, которых он изобразил в своих бессмертных произведениях. Великий художник не гнушался черновой работы и не пренебрегал советами юристов.

По свидетельству крупнейшего юриста того времени А. Ф. Кони, Лев Николаевич, будучи присяжным заседателем в Тульском суде, внимательно присматривался ко всему тому, что происходит в суде: «со сдержанным негодованием он передавал мне, — пишет Кони, — свои наблюдения над различными эпизодами судебного разбирательства и над отдельными лицами из судебного персонала и адвокатуры».

Другой юрист, Н. В. Давыдов, рассказывает, что Толстой изучал быт арестантов, тюрьмы, посещал суд и, «описывая суд над Масловой, просил, пересылая мне корректурные гранки..., исправлять допущенные им в описании судебного процесса ошибки. Мне пришлось, тоже по просьбе Л. Н., написать имеющийся в романе отрывок кассационной жалобы, вопросы, резолюцию и т. п.»¹.

Такой же кропотливой работой над изучением юридического материала, по свидетельству Кони и Давыдова, занимались Тургенев и Достоевский и другие писатели.

Не следовало ли нашим драматургам поучиться у классиков мастерству, и прежде чем писать о советских юристах и суде, посетить прокуратуру и суд и изучить их работу?

Есть еще одна пьеса, поставленная в Московском театре им. Вахтангова и в других театрах страны, в которой действующий прокурор изображен удивительным обывателем, политически незрелым человеком и, главное, явным невеждой в юридических вопросах.

Речь идет о пьесе М. Сагаловича и Б. Фаянса «Государственный советник». В этой пьесе поднят, наряду с другими вопросами, злободневный, важный вопрос — борьба с бесхозяйственностью, нарушениями финансовой дисциплины и служебными злоупотреблениями.

Главным действующим лицом, правда, здесь является не прокурор, но и он, как увидим, играет немаловажную роль в пьесе. В центре пове-

¹ Н. В. Давыдов, Из прошлого, 1914, стр. 253.

ствования находится начальник некоего крупного строительства Кривохижин. Этот начальник — опытный руководитель, построивший немало важных сооружений и заводов. Ему доверяют партийные и государственные органы. Но Кривохижин зазнался, почувствовал себя неограниченным хозяином, отстранился от массы, нетерпим к критике, а отсюда, как известно, один шаг к ошибкам, а затем и злоупотреблениям. И вот он нарушает финансовую дисциплину, использует отпускаемые на строительство средства не по прямому назначению и, желая показать благополучие в выполнении государственного плана, встает на путь обмана партии и государства, совершает подлоги, очковитительство, совершает злоупотребления сам и толкает на них подчиненных. Убытки строительства он списывает за счет потерь от паводка. Он получает от банка около сотни тысяч рублей по подложному документу на закладку фундамента жилого дома. Он подговаривает одного из мастеров составить фиктивный акт об якобы готовом объекте, хотя этот объект не закончен, намереваясь по этому документу обманным путем получить из банка крупную ссуду.

Как назвать подобные действия зарвавшегося хозяйственника? Конечно, преступлением. Так и расценивают похождения Кривохижина его друг и родственник, руководитель банка, старший советник финансовой службы Зорин, а затем и обком партии. Преступления Кривохижина единодушно осуждают все: сослуживцы, друзья, даже родственники, но нашелся один человек, который придерживается иной точки зрения. Кто же это? Оказывается, прокурор Ярошенко. Да и какой прокурор! Не маленький, не рядовой, а сам прокурор области, старший советник юстиции. Прокурор считает, что в действиях Кривохижина нет состава преступления, так как ...он не преследовал корысти. Прокурор Ярошенко квалифицирует явное преступление «как отступление от наших идейных и нравственных норм, подлежащее скорее суду партийному». И даже, когда дело разбирается на бюро обкома ВКП(б), Ярошенко упорствует, спорит и, полемизируя с Зориным, заявляет: «Ведь вы суда требуете ..., но согласитесь же, что в поступках Кривохижина никакой корысти не было». И потребовалось вмешательство секретаря обкома ВКП(б), даже звонок его к Генеральному Прокурору (!) для того, чтобы заставить прокурора области согласиться с необходимостью привлечения Кривохижина к уголовной ответственности.

Странная, дикая позиция у прокурора! Непосвященный зритель, чего доброго, подумает, что у нас все такие прокуроры... А ведь стоило драматургам проконсультироваться с любым юристом, даже студентом юридического вуза, и они разъяснили бы авторам, что такое поведение прокурора области неправдоподобно, нелепо, что любой рядовой следователь и прокурор знают, что за подобные злоупотребления, какие совершил начальник строительства Кривохижин, он должен быть незамедлительно привлечен к уголовной ответственности по ст. 109 УК РСФСР, независимо от мотивов, побудивших к совершению антигосударственных деяний.

Итак, мы разобрали четыре пьесы, в которых изображены советские юристы. И ни в одной из них мы не видим настоящего судьи и прокурора. Вместо серьезных политических работников, которым доверено дело большой государственной важности, которые призваны претворять в жизнь великие принципы Сталинской Конституции, нам показывают людей бесхребетных, невежд, обывателей и чудаков....

В чем же дело? Где писатели увидели подобных юристов, с кого они рисовали их портреты? В каких судебных делах почерпнули они описываемые ими события и факты?

Нам кажется, что авторы указанных драматических произведений брали материал не из жизни, а — пусть простят они нас! — высасывали материал из пальца, выдумывали его, сочинительствовали...

В связи с этим уместно вспомнить, как работали классики литературы, откуда они брали сюжеты для своих произведений и как, в частности, писали те сцены, где их герои сталкивались с судом и прокуратурой.

Писатели черпали материал из самой жизни, отбирая все наиболее значительное, типичное. Пушкин построил завязку «Дубровского» на подлинном судебном деле Козловского уездного суда «О неправильном владении поручиком Иваном Яковлевым, сыном Муратовым, имением, принадлежащим гвардии подполковнику Семену Петрову, сыну Крюкова». Интересно отметить, что Пушкин полностью включил в свой роман подлинное постановление Козловского суда, изменив только фамилии причастных лиц: Муратова на Дубровского и Крюкова на Троекурова.

Материалом для написания известной драмы Л. Толстого «Власть тьмы» послужило уголовное дело по обвинению тульских крестьян Колосковых в детоубийстве. Также и драма «Живой труп» написана на материале подлинного судебного дела, содержание которого рассказано Толстому прокурором Н. В. Давыдовым.

Скандалный процесс игуменьи Митрофании, бывшей баронессы Розен, участвовавшей в темных махинациях крупных спекулянтов, стал основой сюжета в комедии «Волки и овцы» А. Н. Островского.

Такие примеры можно умножить. Но и из этих примеров видно, что писатели-классики всегда стремились к правде жизни и в основу своих произведений клали действительные события. Мы указывали, как Л. Толстой кропотливо собирал и изучал материал для описания сцен суда, изображения судебных и прокурорских чиновников и адвокатов. Гоголь, когда работал над своей бессмертной комедией «Ревизор» и поэмой «Мертвые души», длительное время собирал материал и изучал устройство правительственных учреждений и быта чиновников. В своем письме к графу А. П. Толстому, объясняя, для чего ему нужен такой материал, Гоголь замечает: «Мне бы не хотелось дать промаха и погрешить против правды»¹.

Ф. М. Достоевский, создавший романы «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы», писатель, интересующий нас здесь с точки зрения его исключительного умения описывать процесс раскрытия преступления, добивался этого путем детальнейшего изучения вопросов юридических, в частности приемов криминалистики. Однако по свидетельству его современников юристов и из собственной его переписки видно, что писатель сам кропотливо изучал юриспруденцию. В одном из своих писем он замечает: «...писатель художественный... должен знать до мельчайшей точности (исторической и текущей) изображаемую действительность». А объясняя издателю Любимову причины задержки рукописи «Братьев Карамазовых», он пишет: «Остаются речи прокурора и защитника, — и тут надобно дело сделать по возможности лучше, тем более, что и адвокат и прокурор представляют у меня отчасти типы нашего современного суда...»².

Величайшему русскому сатирику Салтыкову-Щедрину удалось создать галерею убедительнейших образов судебных и полицейских чиновников своего времени и адвокатов типа Балалайкина не только

¹ Н. В. Гоголь, Соч., изд. Академии наук СССР, 1951, т. VII, стр. 425.

² Г. Чулков, Как работал Достоевский, 1939, стр. 310—312.

потому, что он близко наблюдал их, являясь одно время сам крупным чиновником, а главным образом потому, что он изучал законодательство, быт и нравы юристов. Также и Горький подверг уничтожающей критике и высмеиванию классовые суды сословных представителей и присяжных, нарисовал убедительнейшие образы всех этих прокуроров Скоробогатовых, следователей Кемских и им подобных, благодаря не только тому, что сам испытал «прелести» царской юстиции, но и потому, что внимательно изучал повадки и обычаи этой среды как в период работы письмоводителем у нижегородского адвоката Ланина, так и позже, когда он был зрелым мастером.

Значит, главное — в изучении той среды и тех людей, которые писатель изображает в своих произведениях. И хотелось бы нашим писателям напомнить замечательные слова из «Авторской исповеди» Гоголя, знать которые обязан каждый литератор, стремящийся к правдивому изображению жизни: «Я никогда ничего не создавал в воображении и не имел этого свойства. У меня только то и выходило хорошо, что взято было мной из действительности, из данных, мне известных»¹. Мы очень хотим увидеть, наконец, советского юриста и в книге и на сцене таким, каким он есть в действительности, и очень желаем писателям и драматургам, чтобы создаваемые ими образы, выражаясь словами Гоголя, «выходили хорошо».

¹ Н. В. Гоголь, Соч., изд. 13-е, под ред. Тихонравова, т. V, стр. 282.

В ПОМОЩЬ НАРОДНОМУ СУДЬЕ И НАРОДНОМУ ЗАСЕДАТЕЛЮ

СУДЕБНОЕ РАССМОТРЕНИЕ ГРАЖДАНСКИХ КОЛХОЗНЫХ ДЕЛ

Советский народ под руководством партии Ленина—Сталина успешно осуществляет величественную программу строительства коммунизма, начертанную товарищем Сталиным в его исторической речи 9 февраля 1946 г. Огромных успехов добилось и социалистическое сельское хозяйство.

Успехи колхозного крестьянства достигнуты им на основе строгого соблюдения Сталинского Устава сельскохозяйственной артели — основного закона колхозной жизни.

Однако в практике колхозного строительства еще имеют место нарушения Устава сельскохозяйственной артели. Решительная борьба с нарушителями Устава сельскохозяйственной артели и защита прав и интересов колхозов — одна из важнейших задач советского суда.

Колхозы для осуществления своих хозяйственных задач вступают между собой, а также с государственными и кооперативными организациями в различные договорные отношения. После выполнения своих обязательств перед государством и образования общественных фондов артель выделяет в размерах, определяемых общим собранием членов артели, часть продуктов для продажи государству или на рынок (п. «г» ст. 2 Устава).

Колхозы вступают в договорные отношения с государственными и кооперативными организациями не только как поставщики продуктов сельского хозяйства, но и как покупатели предметов промышленного производства. На договорных началах колхозы обслуживают своим транспортом отдельные государственные и кооперативные организации. Договорные отношения колхозов с государственными и кооперативными организациями охватывают различные стороны жизни и деятельности колхозов. Они имеют большое значение для развития общественного хозяйства колхозов и увеличения им общественного богатства. В связи с заключением колхозом различных сделок в процессе своей хозяйственной деятельности между колхозом и различными организациями иногда возникают имущественные споры по поводу невыполнения того или иного договора или неуплаты причитающихся платежей и т. п. Разрешение всех этих споров возложено на суд.

Имущественные споры могут возникать между колхозом и его членами. Сюда относятся такие споры, как иски колхозников об оплате им натуральной и денежной выдачи по трудодням.

Гражданские колхозные дела возникают также в связи с причинением вреда колхозниками имуществу колхозов с причинением вреда жизни и здоровью колхозников на колхозном производстве и в связи с другими обстоятельствами.

Разрешение судами гражданских колхозных дел связано с применением колхозного законодательства, гражданского законодательства и различных нормативных актов.

Настоящая статья имеет своей задачей оказать судьям необходимую практическую помощь в работе по рассмотрению этой важнейшей категории гражданских дел.

Подсудность гражданских колхозных дел. В целях создания наибольших удобств для колхозов закон (постановление ЦИК и СНК СССР от 27 августа 1937 г.) устанавливает, что все имущественные споры колхозов между собой и споры колхозов с государственными и кооперативными организациями, а также с гражданами независимо от суммы иска подлежат ведению народного суда. Это означает, что всякое гражданское дело, по которому одной из сторон является колхоз, рассматривается народным судом.

Таким образом, действующим законом в отношении колхозов изменена родовая подсудность, установленная гражданским процессуальным законодательством, по территориальной подсудности гражданских колхозных дел осталась без изменения. Иски, по которым одной из сторон является колхоз, в соответствии с общими положениями ГПК, как правило, предъявляются суду по месту нахождения ответчика (ст. 25 ГПК РСФСР и соответствующие статьи ГПК других союзных республик). Исключения из этого общего правила, установленные статьями 28 и 29 ГПК РСФСР (и соответствующими статьями ГПК других союзных республик), сохраняют свою силу и по колхозным делам.

Прием исковых заявлений. Принимая исковое заявление, народный судья должен прежде всего убедиться в подведомственности данного дела суду, т. е. что разрешение этого дела входит в компетенцию суда, а не каких-либо других органов. При этом следует руководствоваться ст. 2 Гражданского кодекса, согласно которой всякий спор о праве гражданском разрешается судом. Для того чтобы не допустить ошибок при определении подведомственности суду дела, следует знать, какие категории дел, возникающих в процессе колхозного строительства, подлежат рассмотрению не в судебном, а в ином по-

рядке. В ином порядке рассматриваются споры, связанные с колхозным землепользованием. Земля в СССР является государственной собственностью, т. е. всенародным достоянием (ст. 6 Конституции СССР). Колхозам земля предоставляется в бесплатное и бессрочное пользование, т. е. навечно (ст. 8 Конституции СССР). Всякие споры, возникающие в связи с колхозным землепользованием (например, об изъятии приусадебного земельного участка, о разделе приусадебных участков и т. п.), рассматриваются общим собранием членов колхоза или соответствующим органом государственной власти. Суду такие споры не подведомственны. Следует иметь в виду, что иски, касающиеся права на урожай на земельном участке, вопрос о принадлежности которого разрешен в административном порядке, не являются спорами о землепользовании и подлежат судебному рассмотрению.

Так прокурор Черняховского района Калининградской области в порядке ст. 2 ГПК РСФСР предъявил иск к подсобному хозяйству ора о возмещении в пользу колхоза «Ленинская искра» посева яровых культур, произведенного ответчиком на колхозной земле.

Народный суд удовлетворил иск прокурора. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, рассмотрев это дело в порядке надзора, признала решение народного суда правильным. Остановившись на вопросе о подведомственности спора суду, Коллегия указала, что исковые требования прокурора касались спора не о землепользовании, а о праве на урожай от посева, произведенного ответчиком на земле, отведенной колхозу. Такой спор подлежал судебному рассмотрению в силу ст. 2 Гражданского кодекса РСФСР¹.

Вопросы, связанные с членством в колхозе. Прием и исключение из членов колхоза производится общим собранием членов артели на основе Устава сельскохозяйственной артели. Жалобы на решения общего собрания рассматриваются исполнительным комитетом районного Совета депутатов трудящихся. Суду эти споры также не подведомственны.

Споры, связанные с наложением на колхозников мер взыскания. Примерный Устав сельскохозяйственной артели (ст. 17) предусматривает, что за безхозяйственное и нерадивое отношение к общественному имуществу, за выход без уважительных причин на работу, за недоброкачественную работу и за другие нарушения трудовой дисциплины и устава правление налагает на виновного взыскание согласно правилам внутреннего распорядка. Жалобы на решение правления о наложении взыскания подаются общему собранию, а на решение общего собрания — в исполнительный комитет районного Со-

вета депутатов трудящихся. Суду такие споры не подведомственны.

Споры, возникающие в связи с установлением в колхозах норм выработки, расценок работы в трудоднях и определением количества продуктов и денег, подлежащих выдаче на трудодень. Пленум Верховного суда СССР постановлением от 5 мая 1950 г. «О судебной практике по гражданским колхозным делам» указал, что указанные споры решаются общим собранием членов артели и не могут быть предметом судебного разбирательства. Иски колхозников о взыскании продуктов и денег на трудодни могут рассматриваться судебными органами только в том случае, если трудодни, об оплате которых предъявлен иск, приняты к оплате правлением колхоза, но последнее отказывается выдать следуемые на трудодни продукты и деньги.

Споры, связанные с обобществлением имущества. Согласно Уставу сельскохозяйственной артели (ст. 4) обобществляется: весь рабочий скот, сельскохозяйственный инвентарь (плуг, сеялка, борона, молотилка, косилка), семенные запасы, кормовые средства в размерах, необходимых для содержания обобществленного скота, хозяйственные постройки, необходимые для ведения артельного хозяйства, и все предприятия по переработке продуктов сельского хозяйства. Пленум Верховного суда СССР в упомянутом постановлении от 5 мая 1950 г. указал, что суды не должны принимать к своему производству иски колхозов о возмещении колхозниками имущества, подлежащего обобществлению в силу Устава сельскохозяйственной артели. Убедившись при приеме искового заявления, что данный спор не подведомствен суду, народный судья должен вынести определение (или наложить на заявление резолюцию) об отказе в приеме заявления по указанным мотивам и одновременно разъяснить заявителю, куда ему следует обратиться по этому делу, а также что определение о непринятии заявления может быть обжаловано в пятидневный срок со дня его вынесения в вышестоящий суд (ст. ст. 31 и 249 ГПК РСФСР и соответствующие статьи ГПК других союзных республик).

Если дело по своему характеру подведомственно народному суду, народный судья должен проверить территориальную подсудность, т. е. подсудно ли дело именно данному народному суду. Признавая дело неподсудным данному народному суду, народный судья выносит определение (или налагает на искомом заявлении резолюцию) о неподсудности дела с указанием народного суда, которому оно подсудно, с разъяснением порядка обжалования этого определения (ст. 31 и ст. 249 ГПК). Поданное искомое заявление вместе с приложениями и копией определения (или резолюции) народный судья возвращает истцу

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР» 1949 г. № 12, стр. 41.

для представления в надлежащий суд. В практике имеются отдельные случаи направления народными судьями исковых заявлений непосредственно в другой народный суд по подсудности. Такая практика не основана на законе и является неправильной, так как затрудняет истцу возможность подать жалобу в вышестоящий суд на это определение суда. Неправильной является также практика отдельных народных судей, которые ограничиваются возвращением при личном приеме признанных ими неподведомственными суду или неподсудными данному суду исковых заявлений без оформления отказа в приеме заявлений в указанном выше порядке. При таком положении истец фактически лишен возможности использовать предоставленное ему законом право обжаловать отказ в приеме искового заявления в вышестоящий суд.

При приеме искового заявления нередко возникает вопрос об исковой давности. Законом (ст. 44 Гражданского кодекса) по спорам между колхозами и государственными и общественными организациями установлен срок исковой давности в полтора года, по спорам колхозов с гражданами — в три года, по искам колхозников к колхозам об оплате трудодней — в один год.

Из искового заявления нередко видно, что истцом пропущен срок исковой давности. Если истец пропустил срок исковой давности, то это не является основанием для отказа в приеме искового заявления. Суд должен и в этом случае принять исковое заявление и рассмотреть дело по существу, обсудив при рассмотрении дела вопрос о продлении срока исковой давности в соответствии со ст. 49 Гражданского кодекса РСФСР и соответствующими статьями гражданских кодексов других союзных республик. Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 5 мая 1950 г. указал, что при рассмотрении дел по искам колхозов к организациям, колхозам и лицам суд всякий раз должен обсудить вопрос о причинах пропуска исковой давности. Основательными причинами пропуска срока исковой давности могут быть признаны незаконное вмешательство должностных лиц в дела колхоза, злоупотребления со стороны председателя или членов правления колхоза, запущенность в учете и другие обстоятельства, вызвавшие не по вине колхоза задержку в предъявлении иска.

Народный судья должен проверить соответствие искового заявления требованиям закона. В законе (ст. 76 ГПК) указано, что должно содержать исковое заявление.

Если исковое заявление не отвечает требованиям ст. 76 ГПК РСФСР, народный судья оставляет его без движения, о чем он извещает истца и предоставляет ему срок для исправления недостатков. Если в указанный срок недостатки искового заявления не будут устранены, заявление считается неподанным.

При том большом значении, которое имеют эти требования закона для своевременного и правильного разрешения дела, необходимо предостеречь народных судей от формального подхода к исковым заявлениям колхозов и подчеркнуть, что народные судьи в этих случаях не должны забывать о своей обязанности оказывать колхозам всемерную помощь в защите их прав и интересов. Поэтому судьи, не нарушая требований ст. 76 ГПК, должны в то же время принимать меры, обеспечивающие практическую помощь колхозам в оформлении их исковых заявлений, рекомендуя истцам в случаях необходимости обратиться в юридическую консультацию для пересоставления исковых заявлений колхозов.

Народный судья при приеме искового заявления должен взыскать с истца судебную пошлину. По спорам между собою и по спорам колхозов с государственными и кооперативными организациями пошлина взимается в размере одного процента с цены иска, но не ниже одного рубля. По спорам между гражданами и колхозами судебная пошлина взимается на общих основаниях, указанных в ст. 35 ГПК. По искам колхозников об оплате трудодней и о вознаграждении за вред, причиненный жизни и здоровью колхозников, судебная пошлина с истцов не взимается, но при удовлетворении исков взыскивается с ответчика в доход государства пропорционально размеру исковых требований, удовлетворенных решением суда (ст. 46 ГПК).

В случае неоплаты судебной пошлиной искового заявления оно оставляется без движения, о чем суд извещает истца и предоставляет ему срок для уплаты судебной пошлины. Если в указанный срок заявление не будет оплачено пошлиной, оно считается неподанным (ст. 81 ГПК).

Предварительная подготовка к слушанию дела. Пленум Верховного суда СССР в своем постановлении от 5 мая 1950 г. предложил судам строго соблюдать правила ГПК в отношении предварительной подготовки гражданских колхозных дел к слушанию.

Закон (ст. 80 ГПК РСФСР) устанавливает, что до внесения дела к слушанию в судебное заседание судья, в целях ускорения разрешения дела, единолично производит указанные в ГПК действия по предварительной подготовке дела.

Советский закон требует, чтобы суд, независимо от того, что сторона (истец и ответчик) доказывает в суде свои права, проявил инициативу, не ограничиваясь представленными объяснениями и материалами, способствовал выяснению существенных для разрешения дела обстоятельств и подтверждению их доказательствами. По гражданским колхозным делам это требование имеет особое значение, так как, вследствие недостаточной иной раз юридической осведомленности, работники колхозов не представляют иногда необходимых доказа-

тельств в подтверждение исковых требований колхозов или их возражений против предъявленных к колхозам исков.

В каждом случае предварительной подготовки дела к слушанию народный судья должен прежде всего точно уяснить характер правоотношений сторон, основание, из которого возникает требование истца, закон, которым регулируются данные правоотношения. Только при уяснении этих вопросов судья в состоянии отчетливо себе представить, какого рода обстоятельства предстоит выявить суду при рассмотрении спора, и, следовательно, установить круг необходимых доказательств.

Приведем соображения о действиях народных судей по предварительной подготовке к слушанию отдельных категорий гражданских колхозных дел.

По искам об истребовании колхозом изъятого у него имущества в процессе предварительной подготовки дел к слушанию должны быть приняты меры к получению доказательств, подтверждающих право собственности колхоза на спорное имущество (документы, свидетельские показания), доказательства, относящиеся к обстоятельствам, при которых имущество перешло к ответчику (по договору найма, в результате самовольного захвата ответчиком и т. п.), доказательства того, что имущество находится у ответчика, доказательства, относящиеся к стоимости отыскиваемого имущества, если его нет в натуре, и т. д.

По спорам, связанным со взысканием убытков, причиненных нарушениями колхозного землепользования, — доказательства, подтверждающие факт нарушения земельных прав колхоза (акты, решения исполнительного комитета районного совета депутатов трудящихся и т. п.), доказательства, подтверждающие размер убытков, и т. д.

По спорам, связанным с выполнением договорных обязательств по различным договорам, — договор, на основе которого предъявлен иск; доказательства, подтверждающие невыполнение договора; доказательства, подтверждающие размер убытков, вызванных исполнением договора.

По делам о взыскании дебиторской задолженности колхозам — доказательства, подтверждающие основание возникновения задолженности (выписка из лицевых счетов колхозников, допустивших задолженность колхозу, договора купли-продажи колхозной продукции и т. п.); доказательства, подтверждающие размер задолженности, и т. п.

По делам о взыскании возмещения за вред, причиненный имуществу колхозов, — доказательства, подтверждающие факт причинения вреда (акт гибели скота, акт совершения потравы, решения правления колхоза или общего собрания членов артели и т. п.) и доказательства, подтверждающие размер

убытков (стоимость лошадей по заготовительным ценам, крупного рогатого скота, овец, коз, свиней — по предельно-закупочным ценам, племенного скота — по ценам на племенной скот; размер ущерба, причиненного потравами, и т. п.).

По искам колхозников о возмещении продуктов и денег на трудодни — справки колхоза о количестве выработанных истцом, но не оплаченных колхозом трудодней и о количестве причитающихся на них продуктов и денег.

По делам о возмещении вреда, причиненного колхознику увечьем, полученным на работе в колхозе, — доказательства, подтверждающие обстоятельства, при которых произошел несчастный случай (акт о несчастном случае, заключение врачей и т. п.), размер заработка истца и его имущественное положение.

Мы указали основные обстоятельства, которые суд должен исследовать при рассмотрении отдельных категорий гражданских колхозных дел, и те доказательства, которые должны быть собраны судом в порядке предварительной подготовки дел к слушанию.

Остается добавить, что для определения обстоятельств, подлежащих исследованию, и собирания доказательств, которые должны быть истребованы для разрешения спора, народный судья, в зависимости от обстоятельств дела, прибегает к действиям, перечисленным в ст. 80 ГПК. Признав необходимым производство тех или иных действий в порядке предварительной подготовки дела к слушанию, народный судья единолично выносит об этом соответствующее определение (ст. 80 ГПК).

Рассмотрим отдельные категории гражданских колхозных дел.

Дела о возврате имущества колхозов и взыскании дебиторской задолженности.

Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 5 мая 1950 г. № 9/8/У «О судебной практике по гражданским колхозным делам»¹ указал судам, что всемерная охрана колхозной собственности и защита имущественных прав колхозов является одной из важнейших задач суда, выполнение которой имеет большое политическое значение в деле организационно-хозяйственного укрепления колхозов.

Пленум Верховного суда СССР вместе с тем обратил внимание судов на то, что всемерная охрана интересов колхозов должна сочетаться судами с общегосударственными интересами, требующими укрепления государственной дисциплины во взаимоотношениях колхозов с государственными организациями и точного выполнения колхозами государственных заданий.

Гражданско-правовая защита общественной социалистической собственности колхозов заключается в истребовании от орга-

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 7.

низаций и лиц незаконно взятого в колхозах имущества, скота и денежных средств, во взыскании в пользу колхоза с организаций и лиц дебиторской задолженности и т. д.

Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) в постановлении от 19 сентября 1946 года «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах»¹ отметили, что в практике имеет место безответственное отношение к расчетам с колхозами со стороны ряда государственных и других организаций, когда причитающиеся колхозам деньги за поставляемую и продаваемую колхозами продукцию или произведенные колхозами работы своевременно не выплачиваются, что расшатывает хозяйство колхозов. Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) обязали руководителей партийно-советских организаций союзных республик, а также руководителей краевых и областных организаций навести должный порядок в расчетах различных организаций с колхозами, ликвидировать всю задолженность колхозам со стороны различных организаций и учреждений и впредь установить порядок своевременной и добросовестной расплаты с колхозами за их продукцию и за выполненные ими работы.

В свете этого постановления партии и правительства понятно, какое огромное значение имеет своевременное и правильное рассмотрение судами дел о взыскании в пользу колхозов дебиторской задолженности.

При рассмотрении этих дел, как указано выше, народный суд прежде всего должен выяснить основания, из которых возникло исковое требование колхоза, чтобы определить, как должен быть удовлетворен иск, деньгами или натурой, и если деньгами, то по каким ценам. Народный суд, рассматривая эти дела, должен руководствоваться указаниями Пленума Верховного суда СССР, данными в его постановлении от 5 мая 1950 года № 9/8/V. Пленум указал, что стоимость сельскохозяйственных продуктов, фуража и скота, купленных различными организациями у колхозов по договорам, а также поставленных колхозом в порядке контрактации, должна взыскиваться в пользу колхозов по ценам, установленным соглашением сторон.

Семена, фураж и другое колхозное имущество, данное колхозами в займы другим колхозам или государственным и общественным организациям, должны присуждаться с должников в натуре. Только в исключительных случаях при невозможности возврата долга в натуре допустимо присуждение денежной компенсации, исходя из стоимости невозвращенных продуктов по среднерыночным ценам, существующим в данной местности на день предъявления иска. Продукты, скот и другое имущество, полученное организациями и отдельными

лицами от колхозов без оплаты или по явно заниженной цене с нарушением Устава сельскохозяйственной артели, должны присуждаться в пользу колхозов в натуре с возвратом ответчику колхозом денег, полученных за имущество. Лишь в тех случаях, когда будет доказана по делу невозможность возврата в натуре всего полученного от колхоза, суд может взыскивать с ответчиков денежную стоимость продуктов или имущества по ценам, существующим на рынке в данной местности на день предъявления иска.

Судьи должны оказывать всемерную помощь колхозам в представлении необходимых доказательств, подтверждающих иск. На практике колхозы зачастую не представляют к исковому заявлению подлежащих доказательств, ограничиваются приложением выписки из лицевого счета, которая сама по себе не является еще доказательством задолженности, в особенности, когда ответчик оспаривает иски требования. Суд должен после тщательного исследования взаимоотношений сторон, проявив надлежащую инициативу, принять необходимые меры к истребованию соответствующих доказательств. Имеют место отдельные случаи, когда народные судьи, вместо того чтобы активно помочь колхозу в защите его имущественных прав, неосновательно отказывают в иске или даже выносят определения о прекращении дел по мотивам непредставления колхозом доказательств. Так, например, народный суд 2-го участка Красногорского района Московской области 14 декабря 1951 г. прекратил дело по иску колхоза «Луч» к Павшинскому сельпо в сумме 6527 руб. В своем исковом заявлении колхоз указал, что он перечислил сельпо деньги на приобретение бензина и автола. Однако сельпо не выполнило свои обязательства. К исковому заявлению была приложена выписка из лицевого счета сельпо. Ответчик оспаривал иски требования, и поэтому суд отложил дело слушанием, предложив сторонам произвести взаимную сверку расчетов. После этого народный суд прекратил это дело по мотивам, что «стороны не вывели взаимных расчетов, к исковому заявлению не приложены материалы, подтверждающие иски требования, без чего не представляется возможным рассмотреть дело». Московский областной суд правильно поступил, отменив это определение народного суда и указав, что суд был обязан вынести решение по существу, что, если суд признал представленные доказательства недостаточными, он вправе был истребовать от сторон нужные доказательства.

Дела, связанные с договорными отношениями колхозов. Колхоз является юридическим лицом. В процессе своей хозяйственной деятельности он заключает различного рода договоры с организациями и гражданами.

При рассмотрении споров, возникающих из договорных отношений, народный суд

¹ «Правда» 20 сентября 1946 г.

должен руководствоваться упомянутым постановлением Пленума Верховного суда СССР. Пленум Верховного суда СССР указал, что при рассмотрении исков, вытекающих из договоров, заключенных колхозом с организациями или с гражданами, суды обязаны проверять законность договора и в случае, если он окажется заключенным в противоречии с законом и с нарушением Устава сельскохозяйственной артели, признавать его недействительным с последствиями, указанными в гражданских кодексах союзных республик.

Эти последствия бывают различные, в зависимости от основания признания договора недействительным. Так, если договор будет признан недействительным вследствие несоблюдения требуемой законом формы, каждая из сторон обязана возратить другой все полученное по договору (ст. 151 Гражданского кодекса РСФСР и соответствующие статьи гражданских кодексов других союзных республик). Иные последствия наступают, если договор будет признан недействительным, как противозаконный или направленный к явному ущербу для государства. В этом случае ни одна из сторон не вправе требовать от другой возврата исполненного по договору. Неосновательное обогащение взыскивается в доход государства (ст. 147 Гражданского кодекса РСФСР и соответствующие статьи гражданских кодексов других союзных республик).

Дела, связанные с нарушением колхозного землепользования. Колхозы ведут свое общественное хозяйство на государственной земле, закрепленной за колхозами в бесплатное и бессрочное (навечно) пользование (ст. 8 Конституции СССР). Земля не подлежит ни купле-продаже, ни сдаче артели в аренду (ст. 2 Примерного устава сельскохозяйственной артели).

Пленум Верховного суда СССР разъяснил, что лица и организации, самовольно обработавшие земли, принадлежащие колхозу, или самовольно снявшие урожай или покос с колхозных земель, независимо от уголовной ответственности, несут имущественную ответственность перед колхозом за причиненный ущерб.

При удовлетворении подобных исков колхозов суды должны взыскать в натуре урожай или сено, снятое с колхозных угодий, а при невозможности взыскания в натуре присуждать их стоимость по рыночным ценам на соответствующие сельскохозяйственные продукты или фураж. При этом лица и организации, самовольно использовавшие земли колхоза, не имеют права на получение с колхоза возмещения за труд и семена, вложенные в земельные участки.

В тех случаях, когда при рассмотрении споров колхозов суд устанавливает, что земли перешли к организации или отдельным лицам по договорам с колхозами, он, в соответствии с постановлением Пленума

Верховного суда СССР от 5 мая 1950 г., должен признавать сделку недействительной (ст. ст. 30 и 147 ГК РСФСР и соответствующие статьи гражданских кодексов других союзных республик), а доходы, извлеченные арендатором от использования колхозных земель, и арендная плата, полученная колхозом за землю, взыскиваются в доход государства. При этом о незаконных действиях руководителей колхозов и других лиц суд обязан сообщить местным органам государственной власти.

При рассмотрении исков колхозов о плате за пользование колхозными выпасами следует иметь в виду, что колхозам предоставлено право взимать с лиц, не состоящих членами колхоза, пользующихся по договору с колхозом колхозными выпасами, денежную плату в возмещение расходов по содержанию выпасов и водоемов. При разрешении таких дел суды должны выяснять, соответствуют ли этим расходам суммы, требуемые колхозами с ответчиков. В случае необходимости суд должен потребовать от поселкового Совета или районного исполкома справки о результатах проверки правильности установленной колхозом платы за пользование пастбищем (п. 13 постановления Пленума Верховного суда СССР от 5 мая 1950 г.).

Дела, связанные с имущественными спорами МТС с колхозами. Взаимоотношения МТС с колхозами определяются договором, который заключается на основе типового договора, утвержденного правительством.

Договор МТС с колхозами имеет силу закона, обязательный к точному и безусловному исполнению как колхозом, так и МТС.

Все имущественные споры МТС с колхозами, возникающие на основе их договорных отношений, разрешаются в народном суде. Рассматривая имущественные споры колхозов, вытекающие из договорных отношений МТС с колхозами по производственному обслуживанию МТС колхозов, народный суд должен руководствоваться договором, который заключен с данным колхозом на основе типового договора. Нормы гражданского права могут быть привлечены в дополнительном порядке.

Иски МТС к колхозам о задолженности по натуроплате должны присуждаться судами только в натуре, если не было особых решений правительства о порядке погашения натуральной задолженности колхозов.

Так, например, Янкульская МТС по договору с колхозом имени Сталина выполняла тракторные работы. В связи с тем, что колхоз не рассчитался с МТС за произведенные работы, народный суд Курсавского района Ставропольского края взыскал с колхоза денежную стоимость натуральной оплаты.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР определением от 2 июля 1951 г. отменила решение народного суда на том основании, что вместо

взыскания оплаты натурой суд взыскал ее денежную стоимость.

В случае наличия фактов злостной несплаты натуроплаты за работы МТС виновные привлекаются к судебной ответственности, и на колхоз налагается денежный штраф в размере половинной стоимости несплаченной части натуроплаты, исчисленной по ценам, установленным для обязательных поставок государству.

Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 5 мая 1950 г. разъяснил, что денежный штраф за несплату колхозом натуральной платы может быть наложен на колхоз лишь в том случае, если в уголовном порядке была установлена вина должностных лиц колхоза в злостной несплате натуроплаты за работы, произведенные МТС. Задолженность колхоза по денежной оплате работы МТС взыскивается независимо от суммы иска через народный суд, за несвоевременное внесение колхозом денежных платежей начисляются пени в размере одного процента с суммы задолженности за каждые десять дней просрочки. Иски МТС о задолженности колхоза по натуроплате и денежной оплате за работы МТС освобождаются от оплаты государственной пошлиной.

Пленум Верховного суда СССР разъяснил, что задолженность колхозов по денежной и натуральной оплате работ, выполненных МТС на полях колхозов, в отношении порядка взыскания должна быть приравнена к налогам и другим обязательным платежам в государственный бюджет и что на взыскание такой задолженности действие исковой давности не распространяется.

В судебной практике возник вопрос, к кому трактористы должны предъявить иск в тех случаях, когда колхоз или МТС не производит с ними расчета по выполненным трудодням.

Пленум Верховного суда СССР разъяснил, что в случае предъявления трактористами исков к МТС или к колхозам о возмещении причитающейся им платы за работы необходимо привлекать к участию в деле как МТС, так и колхоз и в соответствии с типовым договором МТС с колхозами и законом разрешать иски трактористов. Исковая давность на предъявление трактористами исков о расчетах за работы должна исчисляться со дня утверждения общим собранием колхозников годового отчета за истекший год.

Дела о взыскании оплаты по трудодням. Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 5 мая 1950 г. указал, что споры, связанные с установлением в колхозах норм выработки, расценок работ и трудодней и определением количества продуктов и денег, подлежащих выдаче на трудодень, согласно Уставу сельскохозяйственной артели решаются общим собранием ее членов сельхозартели и не могут быть предметом судебного разбирательства.

Иски колхозников о возмещении продуктов и денег на трудодни могут рассматриваться судебными органами только в том случае, если трудодни, об оплате которых предъявлен иск, приняты к оплате правлением колхоза, но последний отказывается выдать следуемые по трудодням продукты и деньги.

Народный суд должен иметь доказательства о количестве выработанных истцом в колхозе трудодней и размеров натуральной и денежной оплаты трудодня в данном колхозе, которую колхоз обязан выдать колхознику в соответствии с Уставом сельскохозяйственной артели и специальными постановлениями правительства о дополнительной оплате труда колхозников.

Принимая исковое заявление от члена колхоза о взыскании продуктов по трудодням, народный суд должен, как указано выше, в порядке предварительной подготовки дела потребовать от истца справки колхоза о количестве выработанных истцом, но не оплаченных колхозом трудодней и о количестве причитающихся на них продуктов и денег. Если для колхозника затруднительно представить эти документы, то, как указал Верховный суд СССР, суд обязан сам запросить эти сведения от правления колхоза.

При рассмотрении указанных исков суд должен исходить из того, что иски могут быть удовлетворены только в виде присуждения денежной и натуральной части дохода по нормам, установленным в данном колхозе. В решении суда должно быть точно указано, какие именно продукты или деньги и в каком количестве следует выплатить истцу на трудодни.

Пленум Верховного суда СССР указал, что если ко времени рассмотрения дела в суде взыскание с колхоза продуктов в натуре невозможно, суд может обязать колхоз выдать истцу продукты из урожая будущего года.

По этим спорам годичный срок исковой давности исчисляется с момента решения общего собрания о распределении доходов по трудодням.

Дела по искам лиц, не состоящих членами колхозов, вытекающие из трудовых договоров. Примерный Устав сельскохозяйственной артели устанавливает, что все работы в хозяйстве артели производятся личным трудом ее членов согласно правилам внутреннего распорядка, принятым общим собранием. Исключение из этого правила допускается в отношении лиц, обладающих специальными знаниями и подготовкой (агрономы, инженеры, техники и т. п.). Наем временных рабочих допускается лишь в исключительных случаях, когда срочные работы не могут быть выполнены в требуемый срок наличными силами членов артели при полной их нагрузке, а также для строительных работ (ст. 13 Устава). Оплата труда лиц, привлеченных для работы в колхозе по найму, производится

деньгами по соглашению сторон. В ряде случаев колхоз берет на себя обязательства оплачивать труд лиц, работающих по найму, натурой в виде установленного заранее определенного количества сельскохозяйственных продуктов.

Рассматривая споры колхозов с лицами, не состоящими членами колхозов, вытекающие из трудовых договоров, суд должен прежде всего проверить, соответствует ли трудовой договор требованию Устава о порядке привлечения посторонних лиц на работы в колхозе по найму. Это обстоятельство имеет большое значение.

Практика показывает, что в ряде случаев правления колхозов, а иногда председатели колхозов привлекают для работы в колхозе посторонних лиц, затрачивают на оплату их труда колхозные средства, в то время когда эти работы могли быть выполнены членами артели.

Наем рабочей силы в колхозе в исключительных случаях, как это предусмотрено Уставом сельскохозяйственной артели, может быть произведен только с согласия общего собрания колхозников.

Поэтому суд, рассматривая споры колхозов с отдельными гражданами, вытекающие из трудовых договоров, должен тщательно проверить, соблюден ли установленный порядок привлечения на работу в колхоз по найму лиц, не состоящих членами колхозов.

На практике также встречаются случаи, когда колхозы, заключая трудовой договор с лицами, не состоящими членами колхоза, берут на себя обязательство оплачивать их труд путем начисления трудодней. Такая форма оплаты труда является незаконной.

Пленум Верховного суда СССР разъяснил, что колхоз не вправе заключать трудовые договоры с лицами, не состоящими членами колхоза, на условиях оплаты их труда по трудодням.

Применение принципа оплаты по трудодням к лицам, не состоящим членами артели, возможно лишь в случаях, специально предусмотренных законом.

При удовлетворении исков лиц, не состоящих членами колхозов, к колхозам об оплате за работу суды должны определять вознаграждение за труд продуктами или деньгами применительно к существующей в данной местности заработной плате рабочих и служащих соответствующих категорий труда.

Иски колхозов о возмещении причиненного им ущерба. Эти иски рассматриваются народным судом. При рассмотрении таких дел народный суд руководствуется ст. ст. 403—415 ГК РСФСР и соответствующими статьями ГК других союзных республик, а также специальными законами.

При определении размера возмещения суд исходит из того, что с лица, причинившего вред имуществу колхоза, должны быть взысканы убытки в таком размере, чтобы колхоз мог полностью вос-

становить нарушенное причинителем вреда имущественное благо, т. е. с виновного должна быть взыскана полная стоимость причиненного ущерба в денежном выражении.

При рассмотрении этих исков необходимо учитывать, что для возложения материальной ответственности по этим искам необходимо установить: наличие вреда; причинную связь между противоправным действием или бездействием причинителя вреда и причиненным вредом потерпевшему; противоправность действия или бездействия причинителя вреда; вину причинителя вреда (наличие умысла или неосторожности). Все эти обстоятельства суд должен выяснить самым тщательным образом, так как без этого дело не может быть правильно разрешено.

При разрешении дел о взыскании ущерба, причиненного колхозу потравой, следует иметь в виду указание Пленума Верховного суда СССР о том, что ответчиками по этим искам являются владельцы скота. В случае удовлетворения иска колхоза суды должны обязывать ответчиков возместить колхозу ущерб от потравы в натуре и лишь при невозможности взыскания его в натуре взыскивать стоимость потравленного по рыночным ценам. Если потрава совершена скотом, принадлежащим нескольким владельцам, то каждый владелец несет перед колхозом долевую ответственность.

Владельцы скота могут предъявить к пастухам, на ответственности которых находился скот, иск о возмещении в порядке регресса убытков, связанных с выплатой колхозу ущерба от потравы. Материальная ответственность пастухов в этих случаях должна определяться по ст. ст. 83—83^а Кодекса законов о труде РСФСР и соответствующим статьям кодексов законов о труде других союзных республик.

Народный суд рассматривает также дела по искам колхозников о возмещении вреда, причиненного колхознику увечьем, полученным на работе.

Согласно ст. 403 Гражданского кодекса РСФСР колхоз несет имущественную ответственность за вред, причиненный здоровью колхозников на колхозной работе.

При рассмотрении таких дел суды должны руководствоваться, помимо соответствующих статей Гражданского кодекса, постановлением Пленума Верховного суда СССР от 5 мая 1950 г.

При разрешении этих дел суды обязаны тщательно выяснять, при каких обстоятельствах произошел несчастный случай, повлек ли он и в какой степени утрату трудоспособности и какой материальный ущерб истца от увечья.

Подлежащий возмещению ущерб присуждается в этих случаях в виде периодических платежей, натуральных или денежных, но не в трудоднях. Размер платежей определяется судом, исходя из заработка, которого лишился истец в связи с увечьем, и с учетом имущественного положения по-

терпевшего и хозяйственной мощи колхоза.

Серьезную ошибку допускают некоторые народные суды, когда они удовлетворяют в трудовых иски о возмещении вреда, причиненного увечьем.

Так Верховный суд РСФСР 19 ноября 1951 г. отменил решение народного суда Подберезинского района Татарской АССР, которым суд обязал колхоз «Ульянково» доначислять ежедневно по одному трудовому к выработываемым трудовым иски Уткину, впредь до изменения его здоровья.

Дела о взыскании взносов за уклонение от участия в дорожном строительстве.

Пленум Верховного суда СССР указал судам, что заявления о взыскании с колхозов денежных взносов за уклонение от участия в дорожном строительстве могут приниматься судами лишь при наличии в каждом отдельном случае решения обл(край)исполкома или постановления совета министров республики. По делам о взыскании с колхозов денежных взносов за не выполненные колхозом работы применяется общая исковая давность, установленная в гражданских кодексах союзных республик, исчисляемая с момента окончания срока выполнения дорожных работ, указанного в обязательстве.

Верховный суд СССР постоянно указывает судам на необходимость строжайшего соблюдения этого требования.

Так отменив решение народного суда Кайбицкого района о взыскании с колхоза «Красный Перекоп» в пользу районного дорожного отдела 5616 руб., Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР указала: «Привлечение колхозов к уплате денежных взносов за уклонение от участия в дорожном строительстве производится в каждом отдельном случае по решению областного, краевого исполкома или постановления совета министров. Поскольку в данном случае не имеется постановления Совета Министров Татарской АССР о привлечении колхоза «Красный Перекоп» к уплате денежных взносов за уклонение от участия в дорожном строительстве, суд не вправе рассматривать иск, предъявленный Кайбицким районным дорожным отделом к колхозу «Красный Перекоп». По указанным основаниям Верховный суд СССР отменил решение и прекратил дело производством¹.

Пленум Верховного суда СССР в своем постановлении от 5 мая 1950 г. № 9/8/У «О судебной практике по гражданским колхозным делам» предложил судам строго соблюдать правила Гражданского процессуального кодекса в отношении вызова в суд, вручения повесток сторонам и предварительной подготовки дела к слушанию.

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 4, стр. 38.

Пленум предложил судам уделять особое внимание проверке полномочий представителей колхозов на выступление в суде. Пленум указал, что по искам, затрагивающим существенные интересы колхоза, суды должны в порядке ст. 12 ГПК РСФСР и соответствующих статей ГПК других союзных республик выносить определения о привлечении к участию в деле прокурора.

Судебное решение обязательно должно содержать в себе изложение доказательств и мотивов, по которым суд пришел к выводу о необходимости удовлетворения или отказа в иске, и ссылки на статьи ГК, Устава сельскохозяйственной артели и других законов, на основании которых суд вынес решение.

В определении по иску Маловишерского леспромхоза к колхозу им. Молотова о взыскании 2103 р. 73 к. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, отменив решение народного суда об удовлетворении иска, указала:

«Суд заслушал дело в отсутствие представителя ответчика, не имея сведений о причинах неявки последнего и, таким образом, нарушил ст. 97 ГПК РСФСР. Рассмотрев дело в отсутствие ответчика, суд не выяснил действительных взаимоотношений сторон и не произвел проверки правильности расчета иста, чем нарушил ст. 5 и 118 ГПК»¹.

Председатель артели вправе представлять артель в суде по любому делу, затрагивающему интересы колхоза, без специальной доверенности. Другие лица должны иметь доверенность, подписанную председателем колхоза (или его заместителем) и счетоводом артели и заверенную печатью артели.

Закон дает право сторонам заключить между собой мировое соглашение, которое утверждается судом. К утверждению мировой сделки суд не может подходить формально и в каждом таком случае обязан проверить условия мирового соглашения, не направлено ли оно в ущерб интересам колхоза; если это так, то мировая сделка не подлежит утверждению (ст. 2 ГПК РСФСР). Необходимо также иметь в виду, что представитель колхоза вправе заключить мировое соглашение, если в доверенности, выданной ему на ведение дела, это право специально оговорено (ст. 18 ГПК РСФСР).

Колхоз «Новый путь» предъявил к Луккиной-Косиной и Косинову иск об изъятии колхозных построек, которые ответчики самоуправно захватили. Народный суд 1-го участка Дзержинского района Курска определил: «За примирением сторон дело производством прекратить на условиях добровольного возврата ответчиками колхозу амбара и четырех кубометров лесоматериала. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР отменила это

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 10, стр. 42.

определение народного суда, указав: «По делу установлено, что ответчики Луканова-Косинова и Косинов во время немецкой оккупации незаконно завладели колхозным имуществом, которое в силу ст. 59 ГК подлежало у них изъятию. Мирная же сделка сторон в данном случае грубо нарушает интересы колхоза, а потому эта сделка в силу ст. 2 ГПК не подлежала утверждению судом. К тому же следует отметить, что по материалам дела не представляется возможным установить, имел ли представитель колхоза, участвовавший в судебном заседании, специальные полномочия на окончание дела миром в соответствии со ст. 18 ГПК» («Судебная практика Верховного суда СССР» 1949 г. № 12, стр. 46).

По гражданским колхозным делам нередко искивые требования в интересах колхозов предъявляются прокурором в порядке ст. 2 ГПК РСФСР и соответствующих статей ГПК других союзных республик. В этих случаях народный суд, наряду с колхозом, в интересах которого предъявлен иск, обязан вызвать к слушанию дела прокурора, предъявившего искивое требование, и не может прекратить дела по заявлению колхоза.

Прокурор Нехаевского района Сталинградской области предъявил иск о возмещении Агесовым и Неуковым в пользу колхоза «2-я пятилетка» вреда, причиненного колхозу. Народный суд дело прекратил на основании заявления колхоза. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР 14 ноября 1951 г. отменила это определение, указав: «Согласно ст. 2 ГПК прокурор вправе как начать дело, так

и вступить в дело в любой стадии, если по его мнению этого требует охрана интересов государства или трудящихся масс. Если бы даже от колхоза имелось заявление о прекращении данного дела, суд не имел бы права на прекращение этого дела, поскольку иск предъявлен прокурором в порядке ст. 2 ГПК и им же поддерживается».

В связи с тем, что специальными указаниями Министерства юстиции СССР на юридические консультации коллегий адвокатов возложена обязанность всемерного оказания юридической помощи колхозам в деле защиты их имущественных прав и интересов, необходимо остановиться на неправильной практике некоторых народных судов при разрешении вопросов о взыскании расходов по вознаграждению представителя (прим. 1 к ст. 46 ГПК РСФСР). Эта неправильная практика выражается в том, что в случаях ведения дела колхозов юридическими консультациями некоторые народные суды присуждают с ответчиков сумму в возмещение расходов на представителя не в пользу колхоза, а в пользу юридических консультаций. По одному из таких дел Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, отменив в этой части решение суда, указала, что «суд обязан был расходы на вознаграждение представителя взыскать в пользу стороны — колхоза «Комсомолец», а не в пользу юридической консультации»¹.

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 9, стр. 44.

ЗА УЛУЧШЕНИЕ МЕТОДИКИ И ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕВИЗИЙ РАБОТЫ НАРОДНЫХ СУДОВ

Выборы народных судов, проведенные в декабре 1951 года, явились новым ярким проявлением могучей силы социалистической демократии, выражением доверия советского народа к коммунистической партии, беспредельной любви советских людей к своему гениальному вождю и учителю товарищу Сталину. Выборы народных судов значительно укрепили состав судей проверенными, идейно-закаленными, политически и юридически грамотными работниками. Справедливая критика недостатков в работе народных судов со стороны избирателей в период подготовки к выборам помогла судам в улучшении качества их работы, в устранении волокиты и невнимательного отношения к жалобам и заявлениям трудящихся. Все это создает исключительно благоприятные условия для дальнейшего повышения уровня работы основного звена советской судебной системы — народных судов — и тем самым для дальнейшего укрепления социалистической законности.

Выборы народных судов возлагают большую ответственность на управления министерств юстиции в краях и областях и министерства юстиции союзных и автономных республик за дальнейшее улучшение всей судебной работы.

Министр юстиции СССР т. Горшенев своим приказом о мероприятиях по работе с вновь избранными народными судьями и народными заседателями потребовал от министерств юстиции союзных и автономных республик и их управлений в краях и областях принять все меры к тому, чтобы суды при рассмотрении уголовных и гражданских дел не допускали никаких нарушений закона, вели, в соответствии с требованиями закона, решительную борьбу с расхищением государственного и общественного имущества, с преступлениями против жизни, здоровья, чести и достоинства граждан, с кражами личной собственности граждан, со взяточничеством, хулиганством, спекуляцией и другими опасными преступлениями, не допуская вместе с тем ни одного случая необоснованного осуждения граждан. В приказе обращено особое внимание на повышение качества рассмотрения гражданских дел, на обеспечение коренного улучшения исполнения судебных решений, особенно по возмещению ущерба, причиненного хищениями государственного и общественного имущества, а также по взысканию алиментов на детей. В качестве

важнейшей задачи было поставлено оказание помощи избранным в декабре 1951 г. народным судам, создание необходимых условий для осуществления ими социалистического правосудия в строгом соответствии с законом и усиление контроля над состоянием их работы.

Задачи, поставленные Министром юстиции СССР для органов юстиции нашей страны, определяют направление всей работы органов министерств юстиции и судов.

Выполнение этих задач связано с улучшением методики и повышением уровня ревизий работы народных судов. Этим вопросам было посвящено состоявшееся в конце мая этого года в Министерстве юстиции СССР совещание заместителей министров юстиции и заместителей начальников областных управлений МЮ Узбекской, Казахской, Киргизской, Таджикской и Туркменской ССР.

На совещании было проанализировано состояние ревизионной работы в этих союзных республиках и намечен ряд мероприятий по ее улучшению.

* *

За последние годы ревизии стали проводиться более тщательно, более глубоко выявлять положительные стороны работы судов и вскрывать недостатки, стали оказывать больше практической помощи ревизуемым судам. За эти годы выросло немало способных, инициативных, любящих и хорошо знающих свое дело ревизоров, показывающих образцы в своей работе. К числу их относятся ст. ревизоры: МЮ Киргизской ССР, ныне избранная членом Верховного суда республики т. Шурова, Фрунзенского управления МЮ т. Игнатов, МЮ Таджикской ССР т. Шильников, Ленинабадского управления МЮ т. Черкасов, Чарджоуского управления МЮ, ныне избранная народным судьей т. Табеева, Алма-Атинского управления МЮ, а ныне МЮ Казахской ССР т. Нигай, МЮ Казахской ССР, ныне выдвинутый на должность начальника Кзыл-Ординского управления МЮ т. Давлетов, МЮ Узбекской ССР т. Сапаев.

Большинство их продолжительное время работают в органах юстиции, были на судебной работе, имеют немалый опыт ревизионной деятельности. Так, например, старший ревизор МЮ Киргизской ССР т. Шурова больше десяти лет работает в органах юстиции, имеет высшее юридическое образование, работала народным

судьей и ряд лет находилась на ревизорской работе. Старший ревизор МЮ Казахской ССР т. Давлетов работает в органах юстиции с 1937 г., продолжительное время работал в областном суде.

Но среди этих ревизоров имеются и молодые работники, как, например, старший ревизор МЮ Казахской ССР т. Нигаи, ст. ревизор МЮ Узбекской ССР т. Сапаев, которые полюбили ревизорское дело, по-настоящему поняли всю важность этой работы, глубоко вникают в нее, совершенствуют свое ревизорское мастерство.

Хороших результатов добивается в своей ревизионной работе т. Нигаи. Он тщательно готовится к ревизии, внимательно изучает все материалы, относящиеся к работе данного суда, и в первую очередь материалы кассационной практики, беседует с членом суда, закрепленным за данным народным судом. При проведении ревизий т. Нигаи глубоко вникает в каждое рассмотренное судом дело и при установлении ошибок и недостатков добивается выяснения их причин. Он не ограничивается изучением дел, но обстоятельно беседует со всеми работниками суда, с работниками прокуратуры милиции, местных руководящих организаций. Свое пребывание на ревизии он старается использовать для оказания всемерной помощи народному судье во всем, что его затрудняет. Особенно обращает на себя внимание осуществляемый т. Нигаем контроль над состоянием работы обревизованного суда. Он внимательно следит за материалами кассационной практики, за всеми поступающими из суда материалами, за жалобами на работу данного суда и сразу же входит с конкретными предложениями о принятии тех или иных практических мер к устранению обнаруженных недостатков. Все это обеспечивает большую эффективность ревизий, проводимых т. Нигаем.

Однако, в ревизионной деятельности МЮ и управлений МЮ среднеазиатских республик имеются еще серьезные недостатки. Ревизии в отдельных случаях не достигают цели, не обеспечивают выявления и устранения имеющихся недостатков в работе судов, не оказывают судам надлежащей практической помощи. Это объясняется недочетами организации и проведения ревизий, недостаточной работой с кадрами ревизоров.

Министерства юстиции и управления МЮ при планировании ревизий всякий раз должны исходить из имеющихся данных о состоянии работы народных судов, о кадрах народных судей, о неблагоприятном положении в том или ином народном суде, сосредоточивая в первую очередь свое внимание на народных судах, в работе которых имеются серьезные недостатки. Однако это вовсе не означает, что другие народные суды могут оставаться годами непроверенными.

Между тем, несмотря на неоднократные указания МЮ СССР, в частности, директиву МЮ СССР от 6 марта 1951 г.

о необходимости ежегодной ревизии каждого народного суда, отдельные суды до выборов оставались необревизанными в течение двух и даже трех лет.

Тем более недопустимым является такое положение, когда министерства юстиции и управления МЮ, располагая сведениями о наличии тех или иных серьезных недостатков в работе отдельных народных судов, оставляют такие суды непроверенными в течение длительных сроков, вместо того чтобы поспешить в такие суды с ревизиями и во-время принять меры к наведению порядка. А такие случаи, к сожалению, имеют еще место. Так бывший начальник управления МЮ по Самаркандской области т. Махмудов при наличии серьезных сигналов о недостатках в работе народных судов 1-го участка Кара-Кишлакского района, 1-го участка Митанского района, 1-го участка Нуратинского района, 2-го участка Хатыргинского района более двух лет не удосужился провести ревизии работы этих судов.

Во время подготовки к выборам народных судов работа почти всех народных судов была подвергнута проверке. Однако это не должно успокаивать наших руководителей органов юстиции.

Уже сейчас имеются сигналы что кое-где на местах ревизионная работа после выборов народных судов проводится слабо.

Вместо того чтобы придерживаться индивидуального подхода к работе каждого народного суда и с учетом всей совокупности данных, характеризующих самого судью, состояние работы судебного участка, правильно построить план проведения ревизии, эти планы иногда составляются несерьезно, ревизии народных судов намечаются по чисто случайным основаниям, без всякого обсуждения их с областным судом и работниками аппарата.

Министерство юстиции СССР неоднократно обращало внимание министров юстиции и начальников управлений МЮ на то, что они и их заместители обязаны лично принимать активное участие в ревизионной деятельности, показывать пример умелого, глубокого проведения ревизий. Это указание МЮ СССР, вытекающее из самой сущности ревизионной деятельности, как основного средства выполнения органами юстиции возложенных на них задач в области контроля над состоянием работы судов, имеет особенно важное значение для управлений МЮ среднеазиатских союзных республик.

Самоустранение начальников управлений МЮ этих республик и их заместителей от непосредственного участия в проведении ревизий практически означает, что вся тяжесть ревизионной работы возлагается на малочисленный ревизорский состав, который не в состоянии один справиться с этой работой. Между тем до сего времени некоторые начальники управлений МЮ и их заместители слабо участвуют в ревизионной работе.

Методические указания МЮ СССР по проведению ревизий работы народных судов подчеркивают очень важное значение надлежащей подготовки к ревизии как одного из основных условий успешности ревизионной деятельности. Они требуют, чтобы ревизор при подготовке к ревизии изучил материалы кассационной практики, материалы предыдущих ревизий, поступившие из народного суда статистические и другие отчетные материалы, жалобы на работу суда и т. д. Только при этом условии ревизор в состоянии определить свой подход к ревизии данного суда, наметить вопросы, подлежащие выяснению в процессе ревизии, продумать план ее проведения.

Так, если имеющиеся в МЮ и управлениях МЮ оперативные материалы и данные кассационной практики свидетельствуют о том, что народный суд допускает серьезные ошибки по делам о хищении государственного и общественного имущества, допускает ошибки в квалификации преступлений, поверхностное рассмотрение этих дел, что поступает немало жалоб на работу судебного исполнителя, то, естественно, это требует от ревизора глубокой проверки соответствующих участков работы суда. Предварительно нащупать такие слабые места в работе суда, подлежащего проверке, равно как и знать заранее, какие положительные стороны имеются в его работе, чтобы тщательно изучить их на месте, — очень важно для ревизора.

Однако, как много мы ни говорим о важности надлежащей подготовки к ревизии, и до сего времени отдельные ревизии проводятся без подготовки, что имеет своим последствием поверхностное, трафаретное их проведение, без учета имеющихся материалов о состоянии работы суда.

Плохо, в частности, обстоит дело с подготовкой к ревизиям в управлениях МЮ Восточно-Казахстанской, Актыубинской, Джамбулской и некоторых других областей. Не выполняется требование о подготовке к ревизиям и в управлениях МЮ Киргизской ССР, где отдельные ревизоры, будучи не подготовленными к ревизии, отвлекают аппарат народного суда составлением для них различных сведений и справок, нарушая этим нормальную деятельность суда.

Серьезные недостатки в подготовке к ревизиям нужно отнести всецело к ответственности начальников управлений МЮ и их заместителей по судебной работе, на обязанности которых лежит проверка подготовленности ревизора к ревизии и утверждение самого плана ревизии.

Согласно методическим указаниям, ревизор в результате подготовительной работы к ревизии составляет план предстоящей ревизии, указывая в нем время, за которое проводится ревизия, вопросы, подлежащие выяснению, с учетом условий работы данного народного суда. Такие планы ревизий, подлежащие утверждению руководством МЮ и управлением МЮ, однако, не всегда

составляются и ревизии проводятся самотеком.

Некоторые работники местных органов МЮ выступают в качестве принципиальных противников составления планов ревизий, ссылаясь на то, что незачем составлять планы, когда в методических указаниях дан весь круг вопросов, подлежащих выяснению при ревизии.

Эти товарищи не учитывают, что методические указания, определяя общий круг вопросов, подлежащих исследованию при ревизии, не могут заменить в этой части конкретного плана ревизии, составленного на основе глубокого изучения материалов, характеризующих условия и состояние работы данного суда. Никто не говорит, что в плане ревизии должны быть воспроизведены все вопросы, перечисленные в методических указаниях, как это имеет место, скажем, в Туркменской ССР. В нем должны быть приведены лишь те вопросы, которые требуют по тем или иным причинам особого внимания со стороны ревизора, при ревизии данного суда.

Ревизии иногда проводятся поверхностно, касаются больше внешних сторон работы суда, не обеспечивают всесторонней и тщательной проверки всей деятельности суда, не вскрывают серьезных недостатков и нарушений законов. В результате бывает, что после ревизии обнаруживаются серьезные недостатки в работе суда. Так, бывший ревизор управления МЮ Кулябской области Исаметдинов, обревизовав работу народного суда Дангаринского района, признал ее удовлетворительной. Между тем установлено, что этим народным судом допускалось оправдание преступников и применение к ним мягких мер наказания, было немало волокиты с рассмотрением дел. В народном суде 2-го участка Ашхабадского сельского района в течение 1950—1951 гг. неоднократно проводились ревизии как ревизорами управления МЮ, так и ревизорами МЮ Туркменской ССР. Проводила ревизию этого суда и начальник управления МЮ т. Беглиева. Однако все эти товарищи не вскрыли наличия в суде дел, которые длительное время оставались нерассмотренными, и ряд других нарушений.

Старший ревизор Южно-Казахстанского управления МЮ т. Касымбеков, проводя ревизию народного суда Ильичевского района, прошел мимо нарушений закона в этом суде и значительного остатка нерассмотренных дел.

Партия и Правительство требуют от судебных органов решительной борьбы с хищениями государственного и общественного имущества, нарушениями Устава сельскохозяйственной артели в колхозах, спекуляцией, взяточничеством и другими опасными преступлениями. В то же время Партия и Правительство расценивают как грубейшие извращения социалистической законности факты необоснованного привлечения к уголовной ответственности и осуждения граждан.

Решительная борьба с преступностью и полное искоренение необоснованного осуждения граждан — двуединая задача судов и управлений юстиции. Факты показывают, что кое-где отдельные суды ослабляют борьбу с нарушениями Устава сельскохозяйственной артели в колхозах и с расхитителями государственного и колхозного имущества, милуют спекулянтов и хулиганов, недооценивают опасности преступлений, вытекающих из пережитков родового быта. Слабо ведется борьба с нарушителями Устава сельскохозяйственной артели в колхозах в ряде областей Казахской, Узбекской и Туркменской ССР.

В то же время в судах имеются еще факты слабого реагирования на отдельные случаи неосновательного привлечения к уголовной ответственности граждан.

Между тем, отдельные ревизоры при ревизиях не анализируют тщательно работу народных судов, не изучают глубоко судебных дел, проходят мимо фактов благодушного отношения к преступникам и фактов необоснованного осуждения граждан, не вскрывают причин этих недопустимых явлений. Так, например, ревизор МЮ Таджикской ССР Сулейманов, проверив работу народного суда Шаартузского района и несмотря на ряд фактов благодушного отношения суда к расхитителям государственного и общественного имущества, спекулянтам и нарушителям Устава сельскохозяйственной артели в колхозах, неосновательного осуждения граждан, не сделал необходимых выводов.

Ревизор управления МЮ по Южно-Казахстанской области т. Фишман, проводя ревизию народного суда Фрунзенского района, не дал правильной оценки фактам благодушного отношения суда к расхитителям государственного и колхозного имущества и спекулянтам.

В то же время имеют место факты неправильной оценки как якобы карательной практики народных судов, исходя только из статистических данных о применении судами мер наказания, без анализа и тщательного изучения каждого конкретного дела.

До сего времени некоторые ревизоры поверхностно проверяют работу судов по рассмотрению гражданских дел, ограничиваются сбором статистических сведений, несколькими примерами нарушения судом норм процессуального права и общими рассуждениями об отсутствии ссылок в решениях на материальный закон. Такая «проверка» состояния работы судов по гражданским делам практически почти ничего не дает, свидетельствует о плохом знании отдельными ревизорами законодательства по гражданским делам, об их неуверенности в своих силах и боязни пуститься в проверку правильности разрешения судом гражданского дела.

Известно, что одной из основных причин имеющихся недостатков в разрешении судами гражданских дел и волокиты с их рассмотрением является плохая предвари-

тельная подготовка дел к слушанию. Ревизоры хорошо знают это, пишут об этом в актах ревизий, но практической помощи судьям в улучшении предварительной подготовки дел оказывают мало, не показывают наглядно, как нужно готовить дела к слушанию, чтобы обеспечить их своевременное и правильное разрешение.

Особенного внимания требуют к себе такие категории дел, как гражданские колхозные дела, трудовые дела, дела о взыскании недоимок по налогам и поставкам государству сельскохозяйственным продуктам.

Попрежнему узким местом в ревизионной работе продолжает оставаться проверка работы судебных исполнителей. Одни ревизоры при ревизиях вообще уклоняются от проверки работы судебных исполнителей, хотя исполнение судебных решений является важной частью работы народного суда; другие ревизоры проверяют работу судебных исполнителей, но очень поверхностно и, как правило, не выходя за стены народного суда, т. е. не проверяют правильности составленных судебными исполнителями актов об отсутствии имущества у должников, не проверяют, как осуществляют судебные исполнители контроль над исполнением судебных решений по делам о взыскании алиментов учреждениями, предприятиями и другими организациями. И совсем редкими являются случаи, когда при ревизиях глубоко проверяются финансовые операции судебных исполнителей. Эта сторона деятельности судебных исполнителей не проверяется. При ревизиях мало уделяется внимания проверке правильности удержания алиментов из заработной платы. Между тем МЮ Узбекской ССР, организовав выборочную проверку в бухгалтериях учреждений и предприятий правильности взыскания алиментов, установило, что в результате отсутствия надлежащего контроля над этой работой со стороны администрации отдельных предприятий и народных судов, взыскиваемые в счет алиментов суммы в отдельных случаях присваивались бухгалтерами или расходовались на другие нужды. Народные суды, которые должны были контролировать взыскание алиментов, не раз подвергались ревизии, по этим делам были жалобы граждан, но ни один ревизор не считал необходимым хотя бы на выборку посмотреть, как практически исполняются судебные решения по этим делам. Ни один ревизор не считал нужным проверить жалобы непосредственно на месте.

Министерства юстиции и управления МЮ недостаточно требовательны к ревизорам, не сумели привить им вкус к проверке работы судебных исполнителей и проявляют подчас полную беспомощность в производстве проверок их финансовой деятельности. В самом деле, как можно согласиться с такого рода взглядами, которые у нас широко в ходу, что ревизор не подготовлен к проверке финансовых операций судебных

исполнителей, хотя сами эти операции в сущности довольно элементарны. Чужды на местах нельзя организовать соответствующее инструктирование наших ревизоров с помощью тех же финансовых работников, которые призваны помогать органам юстиции в этой деятельности?

Слабым местом многих ревизий является отсутствие должного анализа причин недостатков и ошибок в работе обрешиваемых судов. Безусловно, выявление причин недостатков в работе суда представляет для ревизора определенную трудность. Но без преодоления этой трудности, без умения на основании анализа всей работы народного суда и изучения самих работников народного суда установить причины недостатков ревизия не может дать нужного результата.

Недостатки и ошибки в работе народных судов могут вызываться различными причинами: плохой организацией работы суда, недостаточным знанием или неправильным пониманием народным судьей закона, отсутствием в суде необходимых руководящих материалов, неправильной ориентацией народного суда со стороны вышестоящего суда, наличием неясных вопросов в судебной практике, недисциплинированностью, небрежностью в работе и т. д.

Для того, чтобы разобраться в действительных причинах обнаруженных недостатков и ошибок, необходимо хорошо ознакомиться с уровнем политической и деловой подготовки судьи, побеседовать с ним по поводу каждого недостатка и каждой ошибки. Только разобравшись в этом как следует, ревизор в состоянии будет наметить те конкретные мероприятия, которые необходимы для улучшения работы данного народного суда.

Из неумения или нежелания разобраться в причинах недостатков в работе судов происходит и другой недостаток ревизии.

Отдельные ревизоры слабо оказывают на месте помощь народному судье в устранении выявленных недостатков, только регистрируют, фотографируют недостатки, но практических мер к их изжитию на месте не принимают.

Очень важным является вопрос о формах и способах оказания практической помощи ревизором на месте народному судье.

В этом отношении заслуживает внимания опыт работы тех ревизоров, которые, установив те или иные трудности в работе суда, активно помогают судьям в их преодолении.

В тех случаях, когда ревизия, например, показывает, что народный суд не умеет правильно планировать работу суда, эти ревизоры не ограничиваются общими указаниями, а вместе с народным судьей составляют планы работы суда на ближайшее время. Если установлено, что народный судья допускает те или иные ошибки по тому или иному вопросу законодательства, ревизоры на месте принимают меры к восполнению пробела в подготовке судьи,

знакомят народного судью с этими законами и помогают им их усвоить.

Известно, что для некоторых народных судей представляет трудность обобщить практику работы суда, провести занятие с народными заседателями. Ревизоры в этих случаях совместно с народным судьей проводят обобщение судебной практики по одной из категорий дел, лично (в присутствии народного судьи) проводят занятия с народными заседателями. Надо всемерно поощрять такого рода активную помощь со стороны ревизоров, и будет правильным, если вся эта работа будет подробно отражаться в актах ревизии.

Заслуживает также внимания опыт работы некоторых ревизоров, которые организуют на местах совещания работников суда, прокуратуры и милиции для обсуждения общих вопросов работы.

Бесспорно оказывает помощь народному судье и постановка ревизором в местных руководящих организациях вопроса о результатах ревизии народного суда, в связи с чем ревизор обращает также внимание на недостатки в работе других органов — органов прокуратуры, милиции, финансовых, заготовительных, торговых организаций, колхозов и т. д. Такая постановка вопроса способствует укреплению социалистической законности в районе деятельности суда.

Борьба за повышение качества судебной работы неразрывно связана с изучением и распространением положительного опыта работы народных судов. Тщательное собирание и накопление этого опыта, чтобы его можно было передать другим народным судьям, возможно только при том условии, если ревизоры при проверке работы народных судов наряду с выяснением недостатков будут выявлять также и положительные стороны в работе.

Особенного внимания в этом отношении заслуживает работа тех народных судов, которые хорошей организацией судебных участков, всесторонним и тщательным рассмотрением дел добились высокого качества приговоров и решений и не имеют отмены ни по уголовным, ни по гражданским делам. Изучение положительного опыта работы таких народных судов и перенесение его в другие судебные участки имеет большое значение. Этот метод руководства поддается нам всей практикой хозяйственного и культурного строительства в нашей стране.

За последнее время сделаны некоторые попытки изучения и распространения положительного опыта в судебной работе, но все это пока только еще очень робкие шаги в этом важном деле. В лучшем случае органы юстиции на местах только фиксируют достигнутые те или иные положительные результаты, но не научились еще изучать и показывать методы работы, способы ее организации, обеспечивающие те или иные достижения. Причиной этому являет-

ся то, что мы в своей ревизионной работе мало обращаем внимания на положительные стороны организации и деятельности суда, не научились чутко улавливать элементы положительного опыта и очень редко выявляем средства, с помощью которых эти результаты достигнуты.

У нас установился такой порядок на местах, что мы изучаем положительный опыт не иначе, как специально выезжая с этой целью в тот или другой уже заложенный ее намеренный народный суд. Повсюду же при производстве обычных ревизий изучением положительного опыта не занимаемся, тогда как в очень многих судах наряду с отдельными недостатками имеются и положительные моменты, которые можно было бы учесть для распространения в других судах.

Характерным примером этого может служить ревизия работы народного суда 1-го участка Сталинского района города Ташкента. Этот народный суд в течение всего 1951 года работал без отмены приговоров. Однако заместитель начальника управления МЮ по Ташкентской области тов. Окс, проводивший ревизию, не изучил методов работы народного судьи т. Скалевой, при помощи которых она достигла этих результатов. Когда же Министерство юстиции СССР обратило внимание т. Окса на этот недостаток, он прислал следующие объяснения. «Я считал еще несвоевременным обобщать опыт народного судьи Скалевой в части методов, какими она добилась улучшения в работе, и отразить это в акте, так как я установил, что значительное количество дел народный судья неосновательно направил на исследование, а также суд нарушал сроки рассмотрения дел...» По мнению т. Окса, положительный опыт можно и нужно изучать только в тех судах, которые совсем никаких недостатков не имеют в своей работе.

Задача заключается в том, чтобы уметь всегда и всюду подмечать, улавливать положительные моменты в работе и во время их распространять.

Серьезные замечания вызывает содержание самих актов ревизии. Некоторые руководители органов юстиции и ревизоры недооценивают значение акта ревизии как руководящего документа для народных судов, составляют их иногда небрежно, неряшливо. Акты бывают громоздкими, перегруженными статистическими данными, без их должного анализа, иногда составляются по шаблону.

Такие недостатки отмечаются в Актюбинском, Кызыл-Ординском, Ташкентском, Иссык-Кульском, Марыйском и других УМЮ. Неудовлетворительно, как показало изучение актов ревизий в Министерстве юстиции СССР, составлены акты ревизии народных судов Джалагачского района Кызыл-Ординской области (ревизор т. Арызбеков), 4-го участка Ленинского района г. Ташкента (ревизор МЮ Узбекской ССР т. Яхина), 2-го участка г. Бухары (ревизор МЮ Узбекской ССР т. Якубова).

Предложения, даваемые ревизорами в актах ревизий, в ряде случаев носили общий характер. В актах не содержится указаний на конкретные мероприятия, которые необходимо осуществить в целях устранения недостатков и обеспечения улучшения состояния работы народных судов. Ревизоры в ряде случаев ограничиваются такими предложениями, как: «обеспечить», «усилить», «выполнить», «систематически обобщать судебную практику» и т. д., в то время как ревизор должен указать, как и какими мерами народный судья должен обеспечить или улучшить тот или иной участок своей работы. Примерами таких актов могут служить отдельные акты ревизии работы народных судов Горно-Бадахшанской автономной области, Самаркандской, Ленинабадской, Северо-Казахстанской и Талды-Курганской областей.

Многие из этих серьезных недостатков в проведении ревизий объясняются еще и тем, что до сего времени в нарушение «Методических указаний» и неоднократных директив МЮ СССР отдельные ревизии проводятся в сроки три-пять дней, что влечет за собой поверхностное изучение работы народного суда, в особенности судебных дел, и не оказывает народному суду должной помощи. Такие факты установлены в Узбекской, Казахской, Киргизской ССР. Так, например, ревизии народного суда 1-го участка Булунгурского и 1-го участка Сиабского районов Самаркандской области были проведены старшим ревизором Нарзулаевым и заместителем председателя областного суда Бигметовым в три-четыре дня. Ревизия народного суда Кеминского района Фрунзенской области охватывала период работы суда за два года, однако была проведена в восемь дней. Ревизия народного суда 1-го участка Фрунзенского района г. Ташкента была проведена за четыре дня; работа народного суда Хобдинского района Актюбинской области за четырнадцать месяцев была проверена за семь дней.

Некоторые начальники управлений и их заместители не вникают в качество ревизий, не утверждают акты ревизий или утверждают их формально, без достаточного изучения. Это относится, в частности, к начальнику управления по Омской области т. Гулямову и его заместителю т. Акимовой, заместителю начальника управления по Фрунзенской области т. Искабулову, заместителю начальника управления министерства юстиции по Алма-Атинской области Муздыбаеву, начальнику управления министерства юстиции по Ташкентской области Ирматову и его заместителю т. Оксу, заместителю начальника управления министерства юстиции по Актюбинской области т. Коряковой, начальнику управления министерства юстиции по Южно-Казахстанской области Мустафину и его заместителю т. Платунову и др.

Характерна в этом отношении позиция, занятая начальником управления министерства юстиции по Ташкентской области

т. Ирматовым. В ответ на критические замечания Министерства юстиции СССР по поводу недостатков ревизионной работы в этом управлении и качества актов ревизии, т. Ирматов прислал постановление оперативного совещания, в котором, наряду с признанием справедливости критики в адрес управления МЮ, указано: «поручить заместителю начальника управления МЮ и старшему ревизору по каждому акту ревизии, проведенной ревизорами управлений МЮ, представлять письменные замечания».

Почему не сам т. Ирматов, несмотря на категорические указания МЮ СССР, не хочет изучать материалы ревизий?

Обращает на себя также внимание, что нередко результаты ревизий, несмотря на наличие в том необходимости, не обсуждаются на оперативных совещаниях при начальниках управлений МЮ (на коллегиях МЮ) или обсуждаются спустя длительное время после ревизии, либо обсуждаются поверхностно, в ряде случаев без участия членов областного суда, рассматривающих дела по жалобам и протестам на приговоры и решения данного народного суда. Такие факты были установлены в Тянь-Шаньской области Киргизской ССР, Южно-Казахстанской, Актюбинской и Северо-Казахстанской областях Казахской ССР, в Ленинабадской области Таджикской ССР, в Марыйской области Туркменской ССР, Самаркандской области Узбекской ССР. Так, например, в Тянь-Шаньской области Киргизской ССР результаты некоторых ревизий обсуждались спустя пять-шесть месяцев после их окончания. В управлении МЮ Ленинабадской области результаты ревизии народного суда 2-го участка г. Ленинабада и народного суда 1-го участка Исфаринского района были обсуждены через три месяца после окончания ревизий.

На оперативных совещаниях не всегда развешивается должная критика недостатков работы народного суда. Это сказывается и на указаниях, даваемых по результатам ревизий, которые иногда носят общий, декларативный характер, пишутся по шаблону, не предусматривают действенных мероприятий, обеспечивающих устранение обнаруженных недостатков.

Насколько безответственно подходят иногда некоторые руководители управлений МЮ к указаниям по итогам ревизий, можно убедиться на примере Алма-Атинского управления МЮ. Оно направило одно общее указание по итогам ревизий двух народных судов—1-го и 2-го участков Экбеш-Казахского района, тогда как состояние работы этих судов было совершенно различным. В акте ревизии указано, что народный судья 1-го участка т. Бексеитов плохо рассматривает гражданские дела «не потому, что недостаточно знает закон или плохо проводит досудебную подготовку», а в письме по результатам ревизии т. Бексеитову указывается, «что слабое качество выносимых решений можно объяснить недостаточно проводимой досудебной подготовкой».

Эффективность ревизий, как средства устранения имеющихся недостатков и ошибок в работе судов, во многом зависит от того, как поставлен контроль над выполнением указаний, данных по итогам ревизии. Однако в некоторых управлениях МЮ и министерствах юстиции этому важному делу не уделяется еще достаточного внимания. Выполнение указаний, даваемых по ревизиям, не контролируется или контролируется очень плохо, формально. При наличии жалоб граждан на недостатки в работе суда, статистических и иных отчетов, данных кассационной практики, свидетельствующих о том, что народный суд продолжает допускать ошибки и нарушения законов, из этого не делается необходимых выводов и мер не принимается.

Ревизорский состав управлений МЮ и министерств юстиции союзных республик должен осуществлять повседневный контроль над состоянием работы народных судов, чтобы во-время принимать необходимые оперативные меры. Однако эта работа ревизоров иногда организована плохо. Начальники управлений МЮ и их заместители нередко не организуют должным образом повседневного контроля ревизоров над состоянием работы народных судов, не помогают им в этой работе, не проверяют ее, не ставят на обсуждение оперативных совещаний вопросов, связанных с осуществлением ревизорами контроля над работой народных судов. В итоге иногда создается такое положение, при котором контроль над состоянием работы народных судов осуществляется только при проведении ревизии их деятельности, причем после ревизий о работе обреченного суда забывают, вспоминают об этом суде только при новой очередной ревизии, и тогда записывают вновь недостатки и ошибки, которые отмечались при прошлой ревизии. Между тем, имеются все возможности к осуществлению повседневного контроля над состоянием работы народных судов. В распоряжении управлений МЮ и министерств юстиции имеются кассационные определения областного суда, жалобы граждан и организаций и другие материалы, характеризующие работу суда, исходя из которых, управление МЮ может и должно принимать необходимые оперативные меры.

Состояние ревизионной работы во многом зависит от того, насколько правильно подобраны кадры ревизоров и как воспитываются эти кадры. Между тем, подбору кадров ревизоров, их закреплению на работе и воспитанию не всегда уделяется достаточное внимание. Некоторые руководители органов юстиции на местах не заботятся о закреплении кадров ревизоров, в особенности из лиц коренной национальности, слабо работают над их воспитанием, часто без необходимости переставляют их с места на место, с одной работы на другую.

Мы должны вести повседневную работу по воспитанию наших ревизоров в духе безукоризненной честности и моральной

чистоты, решительно бороться со всякими проявлениями недостойного поведения ревизоров.

В нашей работе по подбору кадров ревизоров и их воспитанию мы должны постоянно помнить слова товарища Сталина, обращенные к работникам рабоче-крестьянской инспекции:

«...Сами работники РКИ должны быть чисты, безукоризненны и беспощадны в своей правде. Это абсолютно необходимо для того, чтобы они могли иметь не только формальное, но и моральное право ревизовать других, учить других».

Ревизор органов юстиции должен иметь, как правило, высшее юридическое образование и стаж практической работы в суде. Только при этих условиях он сможет проводить ревизии народных судов на высоком уровне, учить народных судей, быть их наставником.

Руководителям органов юстиции надо шире привлекать на ревизионную работу лиц коренной национальности, в особенности женщин, терпеливо, по-сталински, воспитывать их, помогать им овладевать сложным делом ревизионной работы, закреплять, выращивать кадры ревизоров, а не переставлять их с одной работы на другую, быть нетерпимыми ко всяким аморальным проявлениям среди ревизоров.

Проводящаяся в настоящее время по приказу Министра юстиции СССР аттестация ревизоров должна помочь органам юстиции укрепить их кадры проверенными, политически и юридически грамотными работниками. Для этого требуется, чтобы руководители органов юстиции серьезно, по-деловому подошли к проведению этой очень важной работы, не забывая в то же время, что аттестация ревизоров — это только начало той большой ответственной работы по укреплению кадров ревизоров, которую следует проводить и дальше систематически.

Некоторые руководители органов МЮ забывают, что у нас нет таких учебных заведений, которые выпускали бы готовых ревизоров, что ревизора надо заботливо растить на практической работе, помогать ему в овладении профессиональным мастерством, в совершенствовании методов проведения ревизий. Между тем акты ревизий не всегда анализируются со стороны качества проведения самой ревизии, обмен опытом между ревизорами не организуется; вопросы методики проведения ревизии не выносятся на широкое обсуждение оперативного совещания. Сами начальники управлений МЮ и их заместители редко показывают ревизорам на практике, как следует проводить ревизию.

Мы не должны забывать, что в числе наших ревизоров имеются молодые работники, которых нужно еще многому учить, что у некоторых наших старых и опытных ревизоров имеется много недостатков в работе, что методика проведения ревизий часто имеет большие изъяны.

В управлениях МЮ и министерствах юстиции не все еще делается и для того, чтобы повысить общий политический уровень и юридическую квалификацию ревизоров, чтобы держать ревизора в курсе всех новых законов, постановлений Правительства, постановлений Пленума Верховного суда СССР, приказов Министра юстиции СССР и министров юстиции союзных республик, публикуемых материалов судебной практики. Отсутствие соответствующей подготовки у некоторых ревизоров и их недостаточная осведомленность являются причиной того, что ревизоры, от которых судьи законно ждут правильных ответов на возникающие у них вопросы, иногда дают им ошибочные указания.

Министерства юстиции союзных республик со своей стороны недостаточно руководят ревизионной деятельностью управлений МЮ. При ревизиях глубоко не проверяют состояние ревизионной работы на местах, положительного опыта работы ревизоров не изучают и не распространяют. Периодически актов ревизий не истребуют для рецензирования. Выезды на места работников министерств юстиции союзных республик нередко не используются должным образом для инструктирования ревизорских работников управлений МЮ и наглядного показа им, как следует проводить ревизию работы народных судов.

Много серьезных недостатков имеется и в работе с кадрами ревизоров в самих министерствах юстиции союзных республик. Здесь в основном такое же положение, которое существует в областных управлениях МЮ.

Следует критически оценить и деятельность 3-го и 4-го ревизионных управлений Главного управления по делам гражданских судебных органов МЮ СССР, которые оказывают еще недостаточное влияние на ревизионную работу МЮ союзных республик и управления МЮ, слабо знают состояние ревизионной работы на местах и кадры ревизоров, не всегда оперативно реагируют на недостатки в ревизионной работе.

Ревизионные управления мало оказывают помощи в налаживании ревизионной работы и не случайно, что после некоторых ревизий состояние ревизионной работы на местах заметно не улучшается.

Ревизионные управления Главного управления по делам гражданских судебных органов МЮ СССР не возглавили и не организовали изучение опыта лучшей ревизионной работы и распространение этого опыта.

Не организовано и прохождение в МЮ СССР производственной практики заместителей министров юстиции союзных республик и заместителей начальников управлений МЮ, ведающих судебной работой, начальников уголовных судебных органов МЮ союзных республик, ревизоров МЮ и управлений МЮ. Между тем, такая форма помощи безусловно дала бы свои положительные результаты.

Только за последнее время ревизионные управления МЮ СССР стали практиковать истребование с мест актов ревизии и направление по ним развернутых указаний. Между тем, изучение актов ревизии дает возможность, как мы уже убедились на практике, сделать ряд существенных замечаний по качеству ревизии, да и качеству самого акта, к которому как к руководящему документу для народного судьи должны быть предъявлены большие требования.

Работу по истребованию и рецензированию актов ревизии народных судов следует практиковать систематически, всемерно улучшая качество даваемых на места заключений по актам.

Перед ревизионными управлениями МЮ СССР, министерствами юстиции союзных республик и областными управлениями МЮ стоит задача всемерного улучшения методики и повышения эффективности ревизий.

Состоявшееся в МЮ СССР совещание органов юстиции пяти союзных республик, несомненно, будет значительно способствовать успешному разрешению этой важной задачи.

Начальник 3-го ревизионного управления Главного управления по делам гражданских судебных органов МЮ СССР

М. Анианц

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ РАБОТЫ НАРОДНЫХ СУДОВ РСФСР

Прошедшие в декабре 1951 года выборы народных судов явились новым ярким проявлением социалистического демократизма и неустанной заботы партии Ленина—Сталина об укреплении социалистической законности и советского правосудия.

Эти выборы еще более усилили состав народных судей РСФСР. На судебную работу пришли лучшие люди, имеющие необходимый политический кругозор, юридическое образование, жизненный опыт.

Проведенное Министерством юстиции РСФСР республиканское совещание актива судебных работников и работников управлений юстиции показало, что новые выборы народных судов способствовали улучшению работы судебных органов. Систематически увеличивается число судов, у которых нет отмены приговоров и решений.

Особенных успехов добились народные суды 1-го участка Сталинского района г. Грозного (судья т. Коструба), 1-го участка Красногорского района г. Каменска-Уральского Свердловской области (т. Луковский), Екатеринбургского района Чкаловской области (т. Веденин), 2-го участка г. Сталиногорска Московской области (т. Казнин), 3-го участка Мытищинского района Московской области (т. Калашникова), 1-го участка г. Орехово-Зуево Московской области (т. Кизякова), 2-го участка Тобольского района Тюменской области (т. Исаев), 1-го участка Ставрополя Куйбышевской области (т. Ершов), 4-го участка Фрунзенского района Ленинграда (т. Гусева), 4-го участка Сталинского района Ленинграда (т. Коготков), 2-го участка г. Стерлитамака Башкирской АССР (т. Васемирская), 10-го участка Москворецкого района г. Москвы (т. Ефимов), 1-го участка Кировского района Сталинграда (т. Мазурков), 2-го участка Кировского района г. Курска (т. Татавасова), 1-го участка г. Балахова Саратовской области (т. Годоводов) и другие.

Эти судьи добились успеха благодаря проявлению большевистской сознательности и исключительного трудолюбия, настойчивости и последовательности в достижении поставленной цели, благодаря постоянному совершенствованию своих политических и профессиональных знаний.

Дисциплинированность и актуальность, трудолюбие и большевистская сознательность, принципиальность и настойчивость, ясное понимание поставленных партийных задач и честное выполнение служебного долга, политическая и юридическая грамотность, неустанная работа по повышению политических и профессиональных знаний— вот те качества, которыми обладают хорошо работающие судьи, вот то, что обеспечивает успех в их почетной деятельности.

Эти качества воспитали они и у работников народного суда, без слаженной и четкой работы которых невозможен успех в разрешении задач, стоящих перед судебными органами.

Лучшие народные судьи РСФСР, приглашенные на республиканское совещание актива, поделились опытом своей работы.

Тов. Коструба (народный судья Сталинского района г. Грозного) выдвинут на работу судьи из народных заседателей. Работая народным судьей, т. Коструба успешно окончил заочный юридический институт, он является депутатом районного Совета, членом пленума районного комитета ВКП(б), секретарем партийной организации суда и прокуратуры.

Народный суд, в котором работает т. Коструба, обслуживает один из нефтяных районов г. Грозного. Участок расположен в центре обслуживаемого района, в здании, состоящем из десяти комнат.

Положительным в деятельности этого народного суда является высокий уровень организации работы. Свою работу суд строго планирует. В планах предусматриваются: дни проведения судебных заседа-

ний, подготовительных заседаний, занятия с народными заседателями, проверка канцелярии суда, проведение отчетных докладов и лекций перед избирателями и другие мероприятия.

Планы работ доводятся до сведения прокурора, районного исполкома и управления юстиции. Намечаемые планом мероприятия всегда в срок выполняются.

Очень большое внимание уделяет т. Коструба работе канцелярии суда. Он говорит: «Я как судья уделяю первостепенное значение работе канцелярии, ибо от ее работы зависит очень важное в деятельности народного суда, а именно, своевременность рассмотрения дел, исполнения приговоров и решений, культурное обслуживание граждан».

Тов. Коструба не реже одного раза в месяц проверяет канцелярию суда и осуществляет повседневный контроль над работой судебного исполнителя. Итоги проверки канцелярии обсуждаются на производственных совещаниях, на которых народный судья обращает особое внимание сотрудников суда на оперативность, культуру и четкость в работе.

Тов. Коструба не скупится на похвалу работника, если он этого заслужил. Судья никогда не прибегает к огульному осуждению всех работников за вскрытый недостаток, ибо это не мобилизует на улучшение работы; он старается правильно воспитывать их, наказывая конкретный виновников ошибок, показывая примеры лучшей работы и призывая всех идти по пути работников, показывающих образцы честного выполнения служебного долга.

В народном суде заведен такой порядок, при котором исключается откладывание слушания дел из-за невручения вызванному в суд лицу судебной повестки.

За два дня до слушания дела секретарь судебного заседания проверяет, получены ли всеми вызванными лицами повестки и имеются ли их расписки. В случае, если отсутствуют сведения о вручении повестки, принимаются все меры к тому, чтобы это лицо было извещено. Такая постановка работы привела к тому, что только 5% всех дел откладывается слушанием, причем по причине, не зависящей от суда. Все дела о преступных нарушениях трудовой дисциплины рассмотрены судом в установленный семидневный срок, 99% уголовных дел и 98% гражданских дел разрешены в срок до десяти дней. Все дела особого производства окончены в пятидневный срок.

Рассмотрение дел в назначенный срок в первом судебном заседании возможно только при тщательной предварительной подготовке их к слушанию.

Тов. Коструба в порядке подготовки дел к слушанию практикует не только беседу с истцом, но вызывает ответчика для выяснения его возражений и истребования в связи с этим соответствующих документов. Благодаря тщательному и всестороннему изучению дел до внесения их в судебное

заседание, а затем глубокому исследованию всех обстоятельств в судебном заседании, народный суд добился правильного разрешения подавляющего большинства дел.

Нельзя не отметить и ту большую работу, которую проводит народный судья, подерживая тесную связь со своими избирателями, делая отчетные доклады и популяризируя советские законы. В этой связи он черпает вдохновение для постоянного совершенствования работы суда. За 1951 год судьей было сделано 27 отчетных докладов и 24 доклада на правовые темы.

Тов. Коструба явился инициатором проведения систематических междоуведомственных оперативных совещаний работников суда, прокуратуры и милиции, на которых подводятся итоги судебной и следственной работы за определенный период времени. Взаимная критика недостатков — один из методов дальнейшего улучшения работы.

По его же инициативе районный комитет ВКП(б) регулярно слушает на своих заседаниях итоги работы народного суда и прокуратуры, указывает на недостатки и дает соответствующее направление в работе.

Все это сыграло немалую роль в постоянном и заметном уменьшении числа преступлений, совершаемых в районе.

Тов. Луковский (народный судья 1-го участка Красногорского района г. Каменск-Уральского Свердловской области) добился прекрасных результатов в судебной работе. Нет ни одного отстающего участка в работе суда. Вся его деятельность способствует ликвидации пережитков капитализма в сознании людей.

Особенно хороших результатов добился т. Луковский в рассмотрении судом гражданских дел. За полтора последних года, несмотря на большое число обжалованных решений, областным судом не было отменено ни одного судебного решения, вынесенного под председательством т. Луковского.

Тов. Луковский поставил перед собой задачу — при приеме исковых заявлений прежде всего установить, из каких взаимоотношений возник спор. Подобрал нужные статьи из кодекса и имеющийся по этому вопросу законодательный материал, т. Луковский устанавливает, какие доказательства необходимо обеспечить по конкретному делу. Наряду с теми же формами подготовки гражданских дел к слушанию, о которых говорилось выше, т. Луковский прибегает в отдельных случаях к выезду на место для проверки обстоятельств, имеющих важное значение для правильного разрешения спора.

Заслуживает быть отмеченным и то, что народный судья не ограничивается правильным разрешением уголовного дела, а вскрывает причины, порождающие преступность, принимает меры к их устранению.

Тов. Луковский, обратив внимание на поступающие в суд дела о хищениях и рас-

тратах материально-ответственными лицами продснаба, изучил эти дела и пришел к выводу о том, что все крупные недостатки выявляются при передачах материальных ценностей другому лицу и что ревизии проводятся плохо. Принятыми судом и прокуратурой мерами один бухгалтер-ревизор был изобличен в сокрытии недостачи и осужден. Тов. Луковским были сделаны доклады об охране социалистической собственности перед всеми материально-ответственными лицами и ревизорами торгующих организаций района. Эти мероприятия способствовали сокращению количества привлеченных к ответственности материально-ответственных лиц торгующих организаций района.

Тов. Веденин (народный судья Екатеринбургского района Чкаловской области), понимая, что деятельность народного судьи является политической деятельностью, имеющей большое государственное значение, уделяет большое внимание анализу судебной практики. Благодаря систематическому изучению дел особого производства и постановке вопросов перед руководящими органами области и отдельными ведомствами, судья добился устранения многих причин, способствующих нарушению закона.

Убедившись, что более трети всех дел особого производства прекращается в суде, т. Веденин в целях устранения такого положения поднял этот вопрос на пленуме районного комитета ВКП(б) и на районном партийном активе. Постановка этого вопроса способствовала уменьшению случаев неосновательной передачи материалов в суд, однако, поступление дел все еще оставалось значительным. Судья вновь изучил эту категорию дел и написал обзорное письмо начальнику областного финансового управления и в руководящие органы района. К концу 1951 года и началу 1952 года положение с этой категорией дел резко изменилось. Работники районного финансового отдела больше стали проводить массово-разъяснительную работу.

Анализируя судебную практику по делам о растратах и хищениях в системе потребительской кооперации, т. Веденин установил, что причинами совершения преступлений является отсутствие надлежащей работы ревизионных и лавочных комиссий, слабый контроль со стороны правлений сельских потребительских обществ и бухгалтеров, отсутствие работы по воспитанию кадров. По инициативе судьи вопрос об этом ненормальном положении в системе потребительской кооперации обсуждался на пленуме и конференции пайщиков. Кроме того, в районном комитете ВКП(б) было проведено совещание с работниками потребительской кооперации. Все это способствовало резкому улучшению работы потребительской кооперации, улучшению обслуживания населения и полной ликвидации случаев растрат и хищений. В 1951 году в системе потребительской кооперации не было ни одного случая хищений и растрат.

Народный судья т. Веденин в своей работе руководствуется указанием М. И. Калинина о том, что «судья должен не только уметь правильно политически разобраться в данном конкретном деле, в той обстановке, в которой это дело произошло, правильно оценить, распознать людей, участвовавших в этом деле, выявить все пружины каждого данного дела, его классовую подоплеку и сущность, но он должен еще, кроме того, суметь сделать это так убедительно, так показательно, чтобы не только он сам и народные заседатели, но и все присутствующие на суде разобрались бы в этом деле и поняли бы правильность вынесенного судом решения».

Тов. Веденин тщательно готовится к каждому судебному заседанию. По особо сложным делам судья составляет план судебного рассмотрения. Судебный процесс ведет так, чтобы подсудимый в ходе своих объяснений не только почувствовал свою вину, но и в присутствии публики сам осудил свои действия и этим наглядно показал бы окружающим причиненный им вред. Правильное ведение процесса дает возможность добиться от подсудимого добросовестного объяснения, он перестает заперываться и дает обстоятельные объяснения по существу дела.

Чтобы показать лицо преступника перед аудиторией, народный судья т. Веденин делает это не только путем разоблачения его противоречивых показаний, когда он не признает своей вины, а и путем активного включения его в процесс, чтобы он сам в своих объяснениях исключил эти противоречия и признал правильность собранных улик.

Такое ведение судебного процесса, ставящее своей целью разъяснение нарушенного закона при оглашении мотивированного приговора или решения со ссылкой на материальный закон, убеждает присутствующих в правильности вынесенного приговора или решения.

— Опыт показал, — говорит судья, — что такое ведение судебного процесса имеет большое воспитательное значение, повышает авторитет суда и является хорошим мероприятием для предупреждения правонарушений.

По гражданским делам народный судья т. Веденин также ведет процесс в таком направлении, чтобы всем ходом процесса подвести стороны к осуждению ими своих действий. Например, по алиментному делу ответчик признает иск и заявляет о своем согласии регулярно платить алименты. Казалось бы, на этом можно и закончить судебный процесс. Однако народный судья т. Веденин ставит перед ответчиком ряд вопросов, направленных к тому, чтобы ответчик понял аморальность своих действий, которые не способствуют сохранению семьи и свидетельствуют об его самоустраниении от совместного воспитания детей.

Тов. Веденин пользуется широкой известностью. К судье обращаются избиратели,

руководители предприятий, учреждений и не только по вопросам судебной работы, но и по другим вопросам.

Тов. Казнин (народный судья г. Сталиногорска Московской области) поделился с участниками совещания положительным опытом работы народного суда. Правильное разрешение уголовных дел в этом народном суде в значительной степени объясняется хорошей постановкой работы подготовительных заседаний.

В практике суда часты случаи, когда он в подготовительных заседаниях уменьшает число указанных по обвинительному заключению свидетелей, возвращает дела на исследование, изменяет меру пресечения подсудимым и др. Таким образом, эта стадия процесса используется судом в полной мере. Достигается это благодаря глубокому и всестороннему изучению дела до рассмотрения его в подготовительном заседании. Суд не проходит мимо выявленных фактов неправильного ведения следствия и волокиты: по частному определению народного суда за это были наказаны некоторые работники органов следствия.

Заслуживает быть отмеченным и такой метод в работе народного судьи т. Казнина, как частый вызов в суд экспертов по сложным делам. По делам об увечье народный судья вызывает технических и судебно-медицинских экспертов, по делам о разделе строений вызываются работники инвентаризационно-технического бюро, по делам, в которых затрагиваются интересы ребенка, — представитель городского отдела народного образования.

В 1951 году и в первом квартале 1952 года областным судом не было отменено ни одного решения по делам, по которым давали заключения эксперты.

Большая и положительная работа была проведена народным судом в целях правильного и своевременного исполнения судебных решений третьими лицами, особенно по алиментным делам. Тов. Казнин неоднократно организовывал проверку работы бухгалтерий расчетных отделов по исполнению судебных решений. На некоторых бухгалтеров, в работе которых были выявлены недостатки, судом были наложены штрафы. Определения суда о наложении штрафов были доведены до сведения всех бухгалтеров района.

Кроме того, т. Казнин провел совещание с бухгалтерами расчетных отделов, на котором были разобраны все недостатки, допускаемые бухгалтерами по исполнению судебных решений. В газете «Московская кочегарка» была помещена статья т. Казнина «Правильно производить начисление», которая призывала работников бухгалтерий работать более четко, не допускать нарушений при взыскании средств по исполнительным листам. Проведенная работа дала свои положительные результаты — поступление в суд жалоб на неисполнение судебных решений уменьшилось вдвое.

Тов. Казнин серьезно и регулярно за-

нимается со своими народными заседателями. Все народные заседатели у него разделены на две группы: на впервые избранных и ранее работавших. Темы проведения занятий для обеих групп различные.

Особенно большая работа проводится с народными заседателями, на которых возлагается временное замещение судьи. На занятиях разбираются ошибки, допускаемые ими при разрешении дел. Отмена приговоров и решений, вынесенных под председательством народных заседателей, — редкое явление.

Тов. Казнин принципиален. Если он не согласен с определением вышестоящего суда, он добивается в установленном законом порядке отмены незаконного определения. В 1951 году Верховным судом РСФСР были отменены два определения Московского областного суда, и решения народного суда оставлены в силе.

Не сразу суд добился образцовой постановки своей работы.

— Первоначально, до 1949 года, — рассказывает судья, — суд был на плохом счету в управлении, качество работы было низкое, организационная работа запущена, на остатке было много дел, канцелярия работала без контроля, жалобы не разрешались месяцами. Благодаря помощи, оказанной мне старшим ревизором управления МЮ т. Тимофеевым, и мерам, принятым всем аппаратом народного суда, работа стала улучшаться. В первом квартале этого года отмены приговоров и решений не было.

Тов. Казнин — активный общественник, депутат городского Совета. Он пользуется всеобщим авторитетом и уважением.

Тов. Исаев (народный судья 2-го участка Тобольского района Тюменской области), как и другие судьи, пришедшие на эту работу после окончания учебного заведения, не сразу добился успеха в работе. Благодаря упорному стремлению сделать свой участок лучшим в области, с помощью управления МЮ, областного суда и усилий всего аппарата народного суда т. Исаев вывел когда-то отстававший участок в число лучших в области.

В методах работы т. Исаева не было чего-то неизвестного в практике. Вся его работа сводилась только к точному и неуклонному исполнению законов.

Тов. Исаев, понимая всю политическую важность задач, поставленных партией и правительством в постановлении от 19 сентября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах», добился правильного и быстрого разрешения судебных дел, связанных с нарушением Устава сельскохозяйственной артели.

Прежде чем назначить дело к слушанию, судья вызывает в суд председателя колхоза и выясняет, какие у него есть возражения против заявленного иска и какие колхоз может представить доказательства в обоснование этих возражений.

Например, районный дорожный отдел в марте 1952 года обратился в суд с иском к колхозу «Красная звезда» о 1900 руб. за лесоматериал. Основанием для предъявления иска послужил акт, составленный техником дорожного отдела, подписанный колхозниками и заверенный печатью сельского совета. В акте указывалось, что колхоз без разрешения районного дорожного отдела увез 30 куб. м лесоматериалов, принадлежащих последнему. В беседе председатель колхоза, вызванный в порядке подготовки к слушанию дела, заявил, что лица, подписавшие акт, неграмотные. После этого судья назначил дело к слушанию и вызвал в суд колхозников, подписавших акт, и председателя сельского совета. В суде выяснилось, что акт фиктивный, никаких оснований ко взысканию с колхоза 1900 руб. нет, в иске дорожному отделу было отказано.

Исключительно тщательное изучение поступающих в суд уголовных дел и всестороннее рассмотрение их как в подготовительном, так и в судебном заседаниях обеспечило такое положение, что за три с половиной года работы т. Исаева народным судьям не было ни одного случая неосновательного осуждения граждан. Правильное разрешение дел обеспечило и предварительное ознакомление с ними народных заседателей. Тов. Исаев знакомит с делом и секретаря судебного заседания; это обеспечивает хорошее качество протоколов судебных заседаний.

Большое внимание уделяет судья рассмотрению дел по указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Все дела рассматриваются судом в десятидневный срок, расхитители государственного и общественного имущества строго караются по закону.

Народным судом было рассмотрено уголовное дело по обвинению Ключиной, Пановой и др. по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. Мать и сын Баклановы путем взлома потолочного перекрытия похитили из магазина 7000 руб. Продавец Ключкина и члены комиссии Панова и Мишуков, снимавшие остатки товаров по магазину после кражи, воспользовались этим случаем и похитили из магазина 49 000 руб. кассовой выручки. Приговором народного суда осуждены: Ключкина к 25 годам исправительно-трудовых лагерей, Панова к 18 годам, Баклановы мать и сын — к 15 годам каждый и Мишуков к 12 годам, с последующим в отношении всех осужденных поражением избирательных прав. Этот приговор был опубликован в районной газете «Сталинский путь». Кроме того, суд, установив, что Ключкина в прошлом судима, была принята на должность продавца без проверки ее документов, вынес частное определение в адрес заведующего орсом леспромхоза Ульянова о неправильном подборе кадров. Приказом по орсу леспромхоза Ульянов был снят с работы.

За полтора года в народном суде 2-го участка Тобольского района не было отменено ни одного приговора, а из решений отменено лишь одно.

Тов. Ершов (народный судья Ставрополя Куйбышевской области) давно зарекомендовал себя одним из лучших судей в РСФСР. Он был участником совещания лучших судей РСФСР в 1951 году. Избиратели доверили ему как лучшему судье обслуживать предприятия великой стройки коммунизма — Куйбышевской ГРЭС.

Тов. Ершов провел большую работу по укреплению законности в области трудовых взаимоотношений. Правильно оценив актуальность этих дел на этой большой народной стройке, судья прежде всего обеспечил правильное и своевременное рассмотрение трудовых дел. Кроме того, т. Ершов изучил все поступившие в суд трудовые дела и, установив, что в одном из предприятий нарушается трудовое законодательство, довел об этом до сведения администрации, профсоюзной и партийной организации этого предприятия и по согласованию с ними прочитал для руководящего и инженерно-технического состава предприятия цикл лекций по трудовому законодательству применительно к делам, возникшим на этом объекте. Проведенное мероприятие дало положительный результат: нарушения трудового законодательства совсем прекратились.

Большая и серьезная работа была проведена народным судьей т. Ершовым по устранению причины, порождающей поступление в суд большого количества жалоб на неисполнение судебных решений. Эта причина заключалась в неудовлетворительном взыскании по исполнительным листам третьими лицами. Тов. Ершов организовал поголовную проверку третьих лиц, провел совещание бухгалтеров, поставил вопрос перед органами прокуратуры о привлечении к уголовной ответственности ряда злостных неплательщиков алиментов, вынес определение о наложении штрафа на некоторых бухгалтеров и добился резкого улучшения в работе третьих лиц по исполнению судебных решений. Число жалоб, поступающих в суд, значительно уменьшилось.

Тов. Гусева (народный судья 4-го участка Фрунзенского района Ленинграда), поделившись опытом работы своего участка, рассказала о том, как все десять судебных участков района связывают свою работу, направляя ее на поднятие отстающих судебных участков до уровня передовых, ставя своей задачей всемерное укрепление законности и снижение преступности в районе.

Изучение и обобщение судебной практики проводится, как правило, в разрезе всего района, это облегчает постановку вытекающих из обобщения вопросов перед руководящими органами и ведомствами и принятие по ним мер. Итоги проведенных управлением МЮ ревизий того или иного судебного участка и материалов обобщения судебной практики почти всегда обсужда-

ются на оперативных совещаниях с участием всех судей района. Это способствует развешиванию критики и самокритики. Большое место в работе партийной организации этого района, секретарем которой является народный судья т. Гусева, занимают вопросы, связанные с работой судов.

Неслучайно поэтому, что суды Фрунзенского района Ленинграда имеют наилучшие показатели в работе среди народных судов других районов.

Работа судей, опыт которых нами освещен, показана далеко не в полном объеме, но всем этим судьям присуща постоянная связь со всеми избирателями, регулярная отчетность перед ними, хорошая работа по ознакомлению народных заседателей с советским законодательством, обобщение судебной практики и эффективное использование ее для уменьшения преступности и

правонарушений, тщательный и повседневный контроль над работой канцелярии и судебных исполнителей, своевременное рассмотрение дел и разрешение жалоб трудящихся, а также полное и в установленный срок исполнение судебных решений.

Лучшие судьи не довольствуются достигнутым, они постоянно стремятся обеспечить в своей работе более высокие показатели.

Партия широко поощряет и распространяет положительный опыт работы. И наша задача заключается в том, чтобы, поощряя и распространяя опыт работы лучших судей, добиться равенства на их достижения всех остальных судей.

Заместитель начальника ревизионного отдела
Управления судебных органов
МЮ РСФСР

Т. Воробьева

РАБОТА МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО СУДА ПО РАССМОТРЕНИЮ ДЕЛ В КАССАЦИОННОМ ПОРЯДКЕ

Участники происшедшего в мае этого года в Министерстве юстиции СССР совещания заместителей председателей верховных, областных, краевых судов, обсуждая вопрос о мерах улучшения работы судов по рассмотрению кассационных жалоб и протестов на приговоры и решения народных судов, еще раз отметили, что правильное рассмотрение дел во второй инстанции имеет большое политическое значение, поскольку основная масса судебных приговоров и решений вступает в законную силу после их рассмотрения в кассационном порядке и лишь незначительная часть судебных приговоров и решений пересматривается в порядке исключительном, надзорном.

Одним из решающих средств улучшения всей судебной работы, в том числе и работы судов по рассмотрению дел в кассационном порядке, является повышение идейно-политического и теоретического уровня работников судебных органов.

Министерство юстиции СССР в ряде директивных писем указывало на необходимость перестройки и улучшения работы судов по рассмотрению ими дел в кассационном порядке. Этому же вопросу посвящено и постановление Пленума Верховного суда СССР от 1 декабря 1950 г.

Практическая работа Московского городского суда была перестроена в соответствии с этими указаниями Министерства юстиции СССР и Пленума Верховного суда СССР. В Московском городском суде, как и во многих других судах, ранее существовала порочная практика оглашения в судебном заседании лишь резолютивной части кассационного определения. Сейчас мы добились того, что по всем делам без исключения после рассмотрения дела определение судебной коллегии полностью огла-

шается в судебном заседании. Все члены суда закреплены за определенными районами, а районы в свою очередь за определенными составами, что способствует лучшей связи членов суда с народными судьями и помогает судебным составам конкретнее изучить работу народных судов. В связи с тем, что при распределении районов по составам учитывалось количество поступлений дел из народных судов, у судебных составов почти одинаковый объем работы.

Рассмотрение дел в кассационных составах происходит каждый день, за исключением одного дня в неделю; иной порядок рассмотрения дел, т. е. через день или в неделю несколько раз, в условиях Москвы невозможен, так как поступление дел из народных судов значительное и явка по всем делам почти полная.

При значительной ежедневной нагрузке было нелегко добиться оглашения определений полностью в судебном заседании, так как кроме дел, которые член суда должен был доложить в судебном заседании, написать по каждому делу развернутое определение, он должен подготовить такое же количество дел и на следующий день.

Как мы добились изменения положения? Мы укомплектовали судебные коллегии по четыре человека, что давало возможность каждому члену суда, окончив свой доклад, иметь свободное от судебного заседания время и готовить дела на следующий день. Руководство Московского городского суда ставило на обсуждение оперативных совещаний и партийных организаций отдельные нарушения закона о порядке рассмотрения дел, что значительно повысило ответственность каждого члена суда за порученное дело.

Обсуждая на одном из оперативных со-

вещаний вопрос о том, как лучше и быстрее составлять кассационное определение, мы рекомендовали членам суда при изучении дела готовить часть проекта кассационного определения. В этом проекте определения остаются неизменными установочные данные, а именно: по уголовному делу — кто и в чем признан виновным и доводы кассационной жалобы или протеста, по гражданскому делу — какой суд о чем вынес решение и также доводы кассационной жалобы или протеста. В день рассмотрения кассационного дела докладчику в совещательной комнате остается написать только остальную часть кассационного определения, в которой судебная коллегия отвечает на доводы кассационной жалобы и протеста, и резолютивную часть определения. Такой порядок подготовки проекта кассационного определения не нарушает закона, не затрагивает интересов сторон, не излагает точки зрения докладчика по делу или всего состава суда, в то же время значительно облегчает и ускоряет написание всего кассационного определения в день слушания дела.

Соблюдая закон о порядке рассмотрения дел, мы одновременно добивались улучшения качества самих определений, поскольку определения судебной коллегии для народных судов являются руководящими и носят инструктивный характер не только по данному делу, но и по другим аналогичным делам. В этих целях систематически проводилась проверка качества определений силами самих членов суда других составов. На качество определений обращался внимание и при обобщении судебной практики по отдельным категориям уголовных и гражданских дел.

За прошедший год изучена и обобщена судебная практика по таким категориям дел, как дела о хищениях, о спекуляции, о хулиганстве, трудовые, о возмещении вреда, по искам частных лиц к государственным предприятиям и учреждениям, об установлении юридических фактов. В изучении и обобщении отдельных категорий дел принимало участие большинство членов суда.

Большое значение в обеспечении единой практики в работе всех составов имеет систематическое обобщение надзорной практики. Мы проводили ее силами членов суда ежеквартально.

Обобщение кассационной практики значительно содействует улучшению качества определений, повышению теоретического уровня и деловой квалификации членов суда. В результате изучения судебной практики некоторые неясные вопросы были поставлены на разрешение Министерства юстиции, а отдельные из них обсуждались на кафедрах Московского юридического института. Московский городской суд тесно связан с юридическим институтом. Члены суда делают сообщения на кафедрах института по ряду категорий дел. Так, например, в 1951—1952 гг. члены суда дважды

делали сообщение по трудовым делам, по жилищным. Профессорско-преподавательский состав в свою очередь принимал участие в обобщении судебной практики и читал лекции членам суда по юридическим вопросам. В 1951—1952 гг. работники юридического института прочитали членам суда 21 лекцию.

Особое внимание мы уделяем молодым специалистам, которые пришли на работу в качестве членов суда без опыта работы, непосредственно из учебных заведений, а также тем членам суда, которые не имеют высшего образования и в данное время учатся в юридическом институте.

Молодым специалистам в первое время их работы вовсе не давали дел на доклад, затем стали давать по одному-два дела, постепенно увеличивая, по мере того как они освоили эту работу. Работу молодых специалистов мы проверяли и помогали им исправить недостатки. Сейчас эти товарищи работают не хуже старых членов суда.

Установлен контроль над учебной работой членов суда — заочников юридического института. Руководство Московского городского суда ставило на оперативных совещаниях отчеты этих товарищей об их учебе в институте, не только отпускало их на сдачу экзаменов, но и требовало от них сдачи экзаменов. Все эти мероприятия значительно содействовали в улучшении работы Московского городского суда по рассмотрению им дел в кассационном порядке.

Улучшение работы народных судов — основного звена судебной системы — зависит не только от правильного рассмотрения дел по второй инстанции, но также и от ежедневной практической помощи и руководства со стороны членов вышестоящего суда. Оказание практической помощи народным судам члены Московского городского суда считали и считают своей прямой обязанностью.

С целью оказания практической помощи народным судьям Московский городской суд провел ряд мер. Все члены Московского городского суда закреплены за определенными районами. Выделен один день в неделю, когда все члены суда бывают в районах, к которым они прикреплены, и оказывают народным судьям на месте практическую помощь.

В прошлом году членами Московского городского суда проведено значительное число ревизий, и в данное время проводится еще ряд ревизий в участках народных судов. Во многих участках народных судов были проверены необжалованные приговоры и решения. Ежемесячно проводились кустовые совещания народных судов, на которых подводились итоги кассационной практики. В феврале этого года проведено специальное совещание с молодыми судьями о качестве рассмотрения ими уголовных и гражданских дел.

Вместе с управлением Министерства юстиции организован семинар для народ-

ных судей. В работе этого семинара активное участие принимали члены суда гг. Варатанян, Финикова, Беленький, Бирюков, Анохин и др., которые проводили этот семинар по актуальным категориям дел — трудовым, жилищным, о возмещении вреда, об исключении вещей из описи, о гражданском иске в уголовном деле и на другие темы. Председательствующие судебных составов ведут специальный учет ошибок народных судов, обнаруженных при рассмотрении дел, а затем используют этот фактический материал при посещении народных судов, обращая внимание народных судей на допущенные ими недостатки. Кроме того, при посещении народных судов они дают индивидуальные и групповые консультации народным судьям, в свою очередь выслушивают критические замечания в адрес членов Московского городского суда. Члены Московского городского суда оказывают помощь и тем народным судьям, которые проходят в Московском городском суде практику. Народные судьи, проходящие судебную практику, присутствуют при рассмотрении всех дел, сами изучают дела и пишут по ним проекты определений, знакомятся со всеми определениями Московского городского суда,

Верховного суда РСФСР и Верховного суда СССР.

Члены Московского городского суда в истекшем году вынесли много частных определений в адрес народных судов, органов прокуратуры и следствия. Вынесение частных определений является средством оказания помощи народным судьям, поскольку в этих определениях указывалось на недостатки в работе народных судов и на необходимость их устранения.

Мероприятия, проведенные Московским городским судом для улучшения работы по рассмотрению дел во второй инстанции, конечно, не исчерпали всех возможностей в этом отношении, не использовали всех форм и методов работы по оказанию помощи народным судьям. Поэтому хотелось бы, чтобы Министерство юстиции СССР обобщило лучший опыт судов по рассмотрению дел в кассационном порядке, чтобы этот лучший опыт стал достоянием всех областных, краевых и верховных судов, рассматривающих жалобы и протесты на приговоры и решения народных судов.

Заместитель председателя
Московского городского суда

В. Остроухова

КАК ОРГАНИЗОВАНА РАБОТА НАРОДНОГО СУДА 1-го УЧАСТКА Г. СТУПИНО

Успешное разрешение задач, стоящих перед советским судом, возможно при наличии хорошей организации всей работы суда. Поэтому организационной работе мною придается большое значение. Организация работы народного суда не может быть осуществлена без хорошо продуманного и разработанного плана работы. План в работе обеспечивает правильное распределение рабочего времени, обеспечивает организованное проведение намеченных мероприятий, охват всех сторон деятельности суда.

План работы народного суда мною составляется на каждый месяц. В нем предусматривается проведение различных мероприятий, как то: обобщение судебной практики; отчетные доклады перед избирателями, лекции и беседы по пропаганде советских законов; занятия с народными заседателями; производственные совещания и политические беседы с работниками суда; проверка работы канцелярии и судебного исполнителя. Планом работы также предусматриваются дни рассмотрения судебных дел и проведения подготовительных заседаний.

Своевременное и правильное рассмотрение дел в суде, приведение в исполнение в установленные законом сроки судебных решений является одной из важных задач суда. От успешного ее выполнения зависит эффективность всей работы. Это требо-

вание закона народным судом выполняется точно, причем его выполнение обеспечивается проведением большой и кропотливой работы по досудебной подготовке дел. Прежде чем вносить дело в подготовительное заседание, весь состав суда изучает материалы этого дела. Знание материалов дела мною и народными заседателями активизирует проведение подготовительного заседания.

Большое значение имеет разрешение в подготовительном заседании вопросов организации и порядка проведения судебного процесса. В народном суде 1-го участка г. Ступино эти вопросы обсуждаются в подготовительном заседании и разрешаются в соответствии с требованиями постановления Пленума Верховного суда СССР.

Нельзя недооценивать такие вопросы, как о месте и времени слушания дела, об участии прокурора и защиты, о свидетелях и экспертах, подлежащих вызову в судебное заседание.

Разрешение этих вопросов в стадии предания суду обеспечивает рассмотрение дела в установленные сроки, проведение судебного процесса организованно, в строго назначенное время, с наименьшей затратой времени для лиц, вызываемых в суд, с соблюдением всех прав, предоставленных нашим законом подсудимому. В определении подготовительного заседания указываются

поименно подлежащие вызову свидетели.

Важное значение имеет досудебная подготовка гражданских дел. Она имеет своей целью обеспечить возможность разобрать и разрешить дело в первом же судебном заседании. Предварительная подготовка по гражданским делам мною начинается с момента приема искового заявления и проводится в соответствии с требованиями, изложенными в ст. 80 ГПК РСФСР. При приеме искового заявления я внимательно знакомлюсь с его содержанием, определяю предмет и основание иска, устанавливаю, какие необходимо представить доказательства, от кого и в каком порядке их истребовать. По некоторым сложным делам в соответствии с законом практику вызов для предварительного опроса ответчика.

Досудебная подготовка проводится применительно к каждому делу таким образом, чтобы в процессе судебного разбирательства искивые требования получили правильное разрешение. Так, например, по искам, вытекающим из причинения вреда здоровью (увечье), до назначения дела к слушанию истребуются акт о несчастном случае, заключение технического инспектора, справка с места работы о заработке за последние двенадцать месяцев до несчастного случая, справка из органов социального обеспечения об инвалидности и получаемой пенсии, заключение судебно-медицинской экспертизы о проценте утраты общей и профессиональной трудоспособности и другие. Наличие этих документов даст суду возможность быстро и правильно рассматривать эти гражданские дела. По другим категориям гражданских дел суд также истребует в порядке досудебной подготовки необходимые документы.

Так как каждое решение суда должно быть обосновано материальным и процессуальным законом, я много внимания уделяю подбору соответствующих законов, на основании которых должен быть разрешен спор.

Несвоевременное вручение повесток, отсутствие сведений об их вручении сторонам и свидетелям являлось большой помехой в работе суда. Из-за этого большое количество дел приходилось откладывать слушанием, имели место случаи отмены решений по этим причинам. В связи с этим мною установлен строжайший контроль над своевременным направлением и вручением сторонам и свидетелям повесток. Вменено в обязанность секретарю судебного заседания за два-три дня до слушания дела требовать от конторы связи сведения о вручении адресату судебных повесток. Случаев несвоевременного вручения повесток нет.

Судебные заседания народного суда открываются точно в назначенное время. В начале каждого судебного дня секретарь судебного заседания вывешивает у входа

в зал список дел, назначенных к слушанию, с обозначением времени слушания каждого дела. Суд строго реагирует на всякий случай несвоевременной явки лиц, вызываемых в суд. В отношении недисциплинированных истцов или ответчиков, являющихся представителями предприятий или организаций, судом выносятся частные определения; в некоторых случаях суд на основании мотивированного определения рассматривает дела в отсутствие представителей сторон или свидетелей, подвергает приводу через органы милиции ответчиков по делам о взыскании алиментов на детей и принимает ряд других мер.

Все это дисциплинирует участников процесса и работников суда и дает возможность, как правило, рассматривать дела в первом же судебном заседании.

В 1951 году из-за неявки свидетелей и других лиц только в семнадцати случаях откладывались слушания уголовные и гражданские дела. Это не ущемляет ни в какой степени предоставленных законом прав участников процесса; обеспечение этих прав было подготовлено перечисленными организационными мероприятиями до момента открытия судебного заседания. Это, однако, не лишает права заинтересованной стороны возбуждать те или иные ходатайства, которые судом внимательно каждый раз обсуждаются.

Рассматривая судебное заседание как решающую стадию судебного процесса, где подвергаются проверке все доказательства, собранные органами предварительного следствия, работу народного суда на этой стадии я направляю так, чтобы отыскать истину по делу, выяснить все обстоятельства, имеющие существенное значение для дела.

В этих целях и для четкости организации процессов по наиболее сложным делам мною составляется письменный план допроса как подсудимых, так и свидетелей, записи показаний, данных ими на предварительном следствии, делаются записи других доказательств (актов, документов). Это помогает быстро ориентироваться в материалах дела, сопоставлять показания, данные на предварительном следствии, с показаниями на суде.

Особое значение придается разрешению противоречий в делах: выясняются причины этих противоречий, чтобы иметь возможность в совещательной комнате обсудить их.

Объективное, четкое и культурное проведение судебного процесса оказывает огромное воздействие на участников процесса.

Важное значение судом придается составлению приговора — документа, имеющего большое общественно-политическое и юридическое значение. Удалившись в совещательную комнату, суд в строгом соответствии со ст. 320 УПК РСФСР обсуждает все вопросы, касающиеся обвинения конкретных лиц, соблюдая при этом нормы

Уголовно-процессуального кодекса. К составлению приговора суд приступает после того, как все вопросы получают согласованное разрешение всем составом суда. Приговор составляется в строгом соответствии с требованиями ст. 334 УПК РСФСР и постановления Пленума Верховного суда СССР от 28 июля 1950 г. «О судебном приговоре».

Качество проведенного судебного заседания находится в прямой зависимости от того, какое участие принимали в рассмотрении дела народные заседатели, насколько активной была их роль. Поэтому очень важной и нужной является работа, которая проводится с народными заседателями по повышению их знаний. В народном суде систематически проводятся занятия с народными заседателями. По согласованию с ними установлены твердые дни проведения занятий. Занятия проводятся по тематике Министерства юстиции СССР, в форме беседы, причем материал излагается в доступной для слушателей форме. На занятиях они задают вопросы, выясняют все то, что они не поняли при чтении «Пособия для народных заседателей», которое имеется у большинства народных заседателей. Народные заседатели проявляют большой интерес к занятиям; многие из них не имеют ни одного пропуска этих занятий.

Проведение в жизнь перечисленных мероприятий позволило народному суду I-го участка г. Ступино добиться улучшения всей работы. Абсолютное большинство дел рассматривается в установленные законом сроки. Качество рассмотрения уголовных и гражданских дел последовательно улучшается. В 1951 году областным судом отменен лишь один приговор и четыре решения народного суда.

Правильное и своевременное рассмотрение судом дел является положительным показателем в работе суда. Однако вынесение правильного решения или приговора еще недостаточно для признания успешного выполнения судом своих задач.

Конечной, завершающей стадией работы суда по рассмотрению дел является исполнение выносимых судом решений. Мною ведется строгий контроль над точным и своевременным исполнением судебных решений и приговоров. По вступившим в законную силу решениям суда, а там, где закон допускает немедленное исполнение решений, то после рассмотрения дела, секретарь суда поручает делопроизводителю выписать исполнительные листы, которые тут же заносятся в журнал исполнительных документов. Непосредственное получение самим судебным исполнителем исполнительных документов от взыскателей и других лиц не допускается.

В целях налаживания учета исполнительных документов, находящихся на предприятиях, в учреждениях и организациях для обращения взыскания на заработную плату должников, судебный исполнитель периодически производит инвентаризацию этих исполнительных документов. Инвентаризация дает возможность взять на учет, главным образом, те исполнительные документы, которые поступили в ту или иную организацию, минуя судебного исполнителя. Хорошо налаженный учет и периодически производимые проверки бухгалтерий предприятий и учреждений обеспечивают своевременное и правильное производство удержаний из заработной платы должников.

Повседневная помощь судебному исполнителю, контроль над его работой позволили обеспечить исполнение судебных решений в установленные сроки. Остаток неисполненных производств на конец месяца не превышает пятидневного их поступления.

Значительное место в работе суда уделяется обобщению судебной практики по наиболее актуальным категориям дел. Обобщение работы суда дало мне возможность шире осмыслить деятельность суда, устранить имеющиеся упущения и поставить необходимые вопросы перед другими организациями об устранении тех или иных недостатков в их работе.

Важное место у нас занимает политическое самообразование. Для работников суда силами нашей партийной организации систематически один раз в неделю проводятся политические информации. Я сам, помимо регулярного чтения газет и журналов, работаю систематически над изучением произведений классиков марксизма-ленинизма. Наряду с политическим самообразованием повышаю и совершенствую специальные знания, не довольствуясь знаниями, полученными в юридическом институте. Я изучил всю юридическую литературу из серии «Библиотека народного судьи», регулярно читаю журнал «Социалистическая законность» и «Судебную практику Верховного суда СССР». Много внимания уделяю чтению художественной литературы.

В декабре 1951 года народ оказал мне огромное доверие, вторично избрав меня народным судьей. Это высокое доверие я постараюсь оправдать путем дальнейшего улучшения деятельности народного суда, неуклонного соблюдения советских законов, выражающих волю всего советского народа.

Народный судья I-го участка г. Ступино

В. Майорский

ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ КОНФЕРЕНЦИЙ ПО ОБЩЕМУ НАДЗОРУ ДЛЯ РАЙОННЫХ ПРОКУРОРОВ

Мне хочется на страницах журнала «Социалистическая законность» поделиться опытом проведения учебно-методических конференций по общему надзору с городскими и районными прокурорами Молотовской области.

На конференциях у нас были поставлены и изучены следующие вопросы: выполнение указаний Прокуратуры СССР об улучшении качества общенадзорной работы и дальнейшие задачи; организация и методика надзора за исполнением законов об охране социалистической собственности, за соблюдением Устава сельскохозяйственной артели, за законностью решений и распоряжений местных органов власти и управления, за исполнением законов о труде, трудовой дисциплине и технике безопасности. Кроме того, были изучены вопросы по темам: основные принципы организации проверки исполнения законов; составление докладов по выполнению важнейших приказов Генерального Прокурора СССР, обзор важнейших законодательных актов о налогах и поставках.

Доклады и лекции готовились по программе, данной Прокуратурой СССР, с использованием фактов и примеров из практики городских и районных прокуроров. Доклады и лекции готовили квалифицированные работники прокуратуры области. К составлению отдельных докладов были привлечены и районные прокуроры, имеющие положительный опыт в работе по общему надзору; они каждый самостоятельно подготовили доклады на тему «Организация и методика надзора за соблюдением Устава сельскохозяйственной артели». В докладах они поделились опытом своей работы по осуществлению надзора за исполнением законов по организационно-хозяйственному укреплению колхозов. На своем примере они показали ошибки и недостатки в осуществлении надзора за соблюдением Устава сельскохозяйственной артели и других законов по сельскому хозяйству. В ходе работ конференций мы убедились, что правильно сделали, поставив доклады этих прокуроров. Участники конференций живо обсуждали их доклады, делились мнениями, приводили примеры из своей работы, обсуждали недостатки и меры к активизации надзора за исполнением Устава сельскохозяйственной артели в районах области.

Учебный процесс на конференциях был организован так, что доклады и лекции сопровождалась практическими занятиями. Материалами для проведения занятий служили документы, взятые из практики самих прокуроров. Участники конференций с большим интересом проводили разбор справок о проверках исполнения законов, составляли проекты представлений и протестов. Прокуроры районов и городов с ин-

тересом обсуждали вопросы общенадзорной работы, делились своими мнениями о том, как повысить качество ее, что еще необходимо сделать для улучшения надзора за соблюдением законов и т. д.

По докладу прокурора области «О повышении качества общенадзорной работы и дальнейших задачах» участники конференций обменялись опытом своей практической работы по надзору за исполнением законов, по принесению протестов и представлений.

Наряду с этим участники конференций высказали ряд критических замечаний. Прокуроры критиковали отдел общего надзора прокуратуры области за то, что он слабо освещает положительную работу прокуроров по надзору за исполнением законов, за недостаточную оперативность в рецензировании докладов, представлений. Прокуроры отдельных районов указали на недостаток литературы, необходимой для осуществления надзора за исполнением законов, в частности, жаловались на отсутствие комментированного Кодекса законов о труде. Справедливые претензии на отсутствие литературы, методических пособий заявили прокуроры вновь организованных районов области.

После лекций и докладов и проведения практических занятий по темам была организована проверка знаний, полученных на конференции, а также знаний действующего законодательства.

Проверки показали, что прокуроры — участники конференций — усвоили методы проведения проверки исполнения законов в районах, какими законами следует руководствоваться при осуществлении надзора за законностью решений и распоряжений местных органов власти, за соблюдением Устава сельскохозяйственной артели, за исполнением законов о труде, за соблюдением законов об охране социалистической собственности. Прокуроры усвоили методы подготовки и составления докладов о выполнении важнейших приказов Генерального Прокурора СССР. Практические занятия по составлению протестов и представлений показали, что прокуроры правильно поняли требования, которые предъявляются к этим документам, по качеству, по содержанию, юридической обоснованности, грамотности и т. д. Проверки знаний показали и то, что прокуроры занимаются изучением действующего законодательства.

Проведенные учебно-методические конференции оказали практическую помощь прокурорам в целях лучшей организации и повышения качества работы по общему надзору, лучшего усвоения форм и методов надзорной работы.

А. Сажин

г. Молотов.

РЕШИТЕЛЬНОЙ БОРОТЬСЯ С РАСТРАТАМИ И ХИЩЕНИЯМИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Чтобы получить представление о борьбе с расхитителями социалистической собственности в Псковской области, управление Министерства юстиции изучило указанную категорию дел. Изучение этих дел показало, что отдельные руководители кооперативных и других организаций легкомысленно относились к подбору и расстановке кадров.

Боков, работая в Новосельском районном потребительском союзе, за совершенные злоупотребления был осужден к году лишения свободы. Отбыв наказание, Боков вернулся в Новосельский район и был зачислен заведующим складом Молодецкого потребительского общества. Уже через пятнадцать дней при ревизии у него была установлена недостача в 125 руб. Несмотря на поступающие в районный потребительский союз сигналы о том, что Боков пьянствует, приобретает вещи и т. д., глубокой и квалифицированной ревизии у него не производилось. Пользуясь неопытностью сельских общественников, которым поручали ревизии, Боков вместо водки предъявлял воду в бутылках и производил иные махинации, позволявшие ему маскировать растрату. Сумма растраты возросла до 1271 руб., но Боков так и не был снят с работы, а затем внезапной ревизией у него была обнаружена растрата уже в сумме 14 121 руб., только после этого Боков был снят с работы и привлечен к уголовной ответственности.

Шубина, работая в Тихвинском районе Ленинградской области, совершила растрату и была осуждена к лишению свободы. Воспользовавшись тем, что к ней применили меру пресечения в виде подписки о невыезде, она, чтобы уклониться от ареста и отбоя наказания, выехала в Новосельский район Псковской области. За отсутствием документов, удостоверяющих ее личность, милиция обязала Шубину выехать из районного центра в 24 часа. Она выехала оттуда в колхоз «Память Ильича» того же района, где вошла в доверие председателя колхоза Орро, и, спустя немного времени, по его рекомендации правление Новосельского потребительского общества приняло Шубину на работу в качестве заведующей надомной лавкой. За два месяца работы, пользуясь отсутствием ревизий, Шубина, ведя разгульный образ жизни, растратила свыше 2000 руб. кооперативных средств. В феврале 1951 года Шубина, захватив выручку за несколько дней в сумме 900 руб., скрылась, но была задержана.

Однако эти факты не насторожили руководителей Псковского областного потребительского союза и тем более Новосельского районного потребительского союза, где факты растрат и хищений продолжают иметь место.

Как же реагировали на эти и подобные факты органы суда и прокуратуры? Они не проявили должной настойчивости в борьбе с растратами и хищениями.

В работе судебных и прокурорских органов в этой области есть серьезные недостатки и ошибки.

Органы предварительного следствия нередко допускают волокиту. 15 января 1951 г. Пушкиногорское районное отделение милиции возбудило дело по обвинению Костюкович З. И., а 17 января, в соответствии со ст. 108 УПК, направило дело для дальнейшего расследования районному прокурору т. Колосову, который 20 января 1951 г. поручил народному следователю т. Еремину принять дело к производству и приступить к расследованию. Однако от районного прокурора до народного следователя дело дошло более чем через месяц — 21 февраля 1951 г. Приняв этого же числа дело к своему производству, т. Еремин в течение трех дней по существу закончил необходимые следственные действия, после чего оставил дело без движения, а 15 апреля 1951 г. вынес постановление, в котором просил прокурора области продлить ему срок следствия. Заместитель прокурора области т. Лебедев без замечаний удовлетворил просьбу т. Еремина: продлил срок следствия. После этого т. Еремин продолжает волокиту по делу без производства каких-либо следственных действий и, наконец, 30 июня выполняет требования ст. 206 УПК. Казалось бы, следовало немедленно составить обвинительное заключение и направить дело в народный суд. Однако обвинительное заключение было составлено еще через шестнадцать дней, и лишь 29 августа 1951 г. дело было направлено в народный суд.

По одной трети дел органы расследования не наложили предварительного ареста на имущество лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за растрату и хищения. Грубейшая ошибка — оставление описанного имущества на хранение самих растратчиков. Прокурор Палкинского района, возбудив дело против растратчика Смирнова, описал принадлежащее ему имущество на 16 990 руб. и тут же в акте описи отобрал у Смирнова расписку о том, что

последний обязуется хранить описанное имущество. На следующий день Смирнов был заключен под стражу и позже осужден к десяти годам заключения в исправительно-трудовых лагерях, однако, нанесенный ущерб остался невозмещенным, так как описанного имущества к моменту его изъятия не оказалось.

Имеют место факты, когда акты описи имущества составляются по истечении длительного срока после возбуждения дела или документы об описи имущества составляются крайне безграмотно.

При наличии крупных хищений и растрат по ряду дел следственные органы в отношении лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за эти преступления, избирали меру пресечения в виде подписки о невыезде и поручительства.

Суды не только не реагировали на подобные факты, но и сами не принимали мер к описи имущества растратчиков и к изменению меры пресечения в отношении лиц, оставленных на свободе.

Случаи отмены приговоров с обращением дел к рассмотрению свидетельствуют о том, что некоторые народные судьи в подготовительном заседании недостаточно изучают дела, формально подходят к разрешению вопроса о достаточности доказательств, необходимых для вынесения приговора. Мало того, несмотря на вскрытые в ходе судебного следствия существенные пробелы в исследовании доказательств по рассматриваемому делу, народные судьи находят возможным выносить приговор, вместо того чтобы обратиться к исследованию.

Дела, прекращенные народными судами и областным судом, а также оправдательные приговоры и отсутствие регулярных сообщений народных судей о фактах незаконного предания граждан суду дают основание полагать, что отдельные народные судьи не реагируют на факты незаконного предания граждан суду.

У нас в области не изжиты элементы благодушия в работе народных судов. Применение ст. ст. 51 и 53 УК к значительному числу осужденных свидетельствует о серьезном неблагополучии в этом деле. Видимо, некоторые народные судьи не вполне понимают политический смысл жесткой борьбы с расхитителями социалистической собственности.

Секретарь Клишевского сельского совета

Псковского района Завальнева в 1947—1948 гг. путем подделки подписей двух одиноких матерей получила причитающееся им пособие в сумме 800 руб., а всего растратила 1177 руб. Будучи разоблачена и привлечена к уголовной ответственности по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г., Завальнева скрылась, но в августе 1951 г. была обнаружена и предана суду по ст. 116, ч. I, УК и по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г., тогда как не было никакой необходимости предъявлять ей обвинение по ст. 116 УК, поскольку последняя в данном случае поглощалась указом. Рассматривая это дело, народный суд 2-го участка Псковского района, учитывая «давность» преступления и «малый» размер похищенного, осудил Завальневу с применением ст. 51 УК.

Заготовитель Гдовской конторы «Заготживсырье» Куркин путем подделок в квитанциях обратил в свою пользу часть денег, подлежащих выдаче сдатчикам сырья, за что и был предан суду по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. Народный суд Гдовского района оправдал Куркина по ст. 2 указа только в силу того, что он якобы присваивал деньги частных лиц, а не «Заготживсырье», тогда как последнее несет полную материальную ответственность за ущерб, нанесенный его должностными лицами при исполнении ими своих служебных обязанностей.

Работники суда и прокуратуры Псковской области должны уяснить себе, что государство, советский народ требуют от них решительной и непримиримой борьбы с ворами и жуликами, что всякая поборка вору и жулику приносит огромный ущерб нашему народному хозяйству, что святая обязанность работников юстиции неуклонно со всей строгостью применять советские законы к тем, кто посягает на священную основу нашего государства — социалистическую собственность.

Надо обеспечить такое рассмотрение дел о расхитителях и ворах, чтобы судебные процессы и приговоры судов сделались средством мобилизации общественности на охрану социалистической собственности, на борьбу за бережное отношение к государственному и общественному имуществу.

Заместитель начальника управления
МЮ РСФСР по Псковской области

К. Маркарян

УСТРАНИТЬ ПРОТИВОРЕЧИЯ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Журнал «Социалистическая законность» мало уделяет внимания анализу судебной практики Верховного суда РСФСР и Верховного суда СССР, а в их практике по одной и той же категории дел встречаются различные толкования.

Остановлюсь на одной лишь категории дел — по искам различных организаций к колхозам о сене, оставленном под сохран-

ные расписки. Дела эти возникают в связи с тем, что различные государственные организации, имея наряды на получение в колхозах сена, подлежащего сдаче государству по поставке, заключают с колхозами незаконные сделки, получая сохранные расписки на сено. В дальнейшем на основании этих расписок предъявляют иски к колхозам.

В «Судебной практике» № 3 за 1951 г. имеется определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР по иску Воротсельского металлургического завода к колхозу имени Молотова о 50 тоннах сена. Отменяя состоявшиеся решения судебных органов Карело-Финской ССР, Судебная коллегия предложила суду при новом рассмотрении дела проверить законность сделки и при установлении того обстоятельства, что сено фактически колхозом по государственной поставке не сдавалось, признать сделку сторон недействительной, как совершенной в обход закона, с последствиями, предусмотренными ст. ст. 30 и 147 ГК РСФСР.

Иную позицию занимает Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР. По протесту Прокурора РСФСР Судебной коллегией 14 сентября 1951 г. было отменено решение народного суда Пореченского района Великолукской области о взыскании с колхоза «2-я пятилетка» 20 тонн сена в пользу конторы «Мосгортранс». Обстоятельства дела аналогичны: истец предъявил иск о 20 тоннах сена, на которое колхоз выдал сохранную расписку, но которое в дальнейшем отказался передать истцу. Отменяя решение народного суда, Судебная коллегия указала, что в качестве надлежащего истца судом должен быть привлечен районный уполномоченный Министерства заготовок, который вправе требовать невыполненную

часть обязательства по поставке сена государству.

Это определение представляется спорным, так как, если надлежащим истцом является уполномоченный Министерства заготовок, то, следовательно, должен соблюдаться и установленный инструкцией НКЮ СССР от 1 февраля 1945 г. порядок рассмотрения судами дел о взыскании с колхозов недоимок по обязательным поставкам зерна, риса, картофеля, овощей и молока и приравненный к нему порядок ответственности колхозов за невыполнение обязательных поставок сена государству. Известно, что заявителем по этим делам является прокурор области, уполномоченный же Министерства заготовок обязан до передачи материалов прокурору произвести ряд действий, направленных ко взысканию недоимки. Между тем приведенное выше определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР ориентирует суд на рассмотрение дела о взыскании с колхоза недоимки по государственной поставке сена в нарушение требований инструкции от 1 февраля 1945 г.

Учитывая, что дела, затрагивающие интересы колхозов, являются многообразными и распространенными, хотелось бы, чтобы Верховный суд РСФСР и Верховный суд СССР давали более четкие указания по этим делам.

Я. Баясникова

В МИНИСТЕРСТВЕ ЮСТИЦИИ СССР

СОВЕЩАНИЕ ЗАМЕСТИТЕЛЕЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ ВЕРХОВНЫХ, КРАЕВЫХ И ОБЛАСТНЫХ СУДОВ

8—10 мая 1952 г. в Министерстве юстиции СССР состоялось совещание заместителей председателей верховных, краевых и областных судов, посвященное вопросам кассационной практики.

Совещание заслушало доклад Заместителя Министра юстиции СССР т. В. Н. Суходрева о мерах по улучшению работы областных, краевых и верховных судов по рассмотрению уголовных и гражданских дел в кассационном порядке. Доклад т. Суходрева вызвал оживленные прения. Выступавшие отмечали большое значение правильной постановки работы верховных, краевых и областных судов по рассмотрению дел в кассационном порядке, делились опытом своей работы и внесли много ценных предложений по улучшению кассационной практики.

Заместитель председателя Московского городского суда т. Остроухова указала в своем выступлении, что правильное рассмотрение дел в судах второй инстанции имеет большое политическое значение, поскольку значительная часть судебных приговоров и решений вступает в законную силу после их проверки в кассационном порядке. Одним из решающих средств улучшения всей судебной работы является повышение идейно-политического уровня и юридической квалификации судебных работников. Постановление ЦК ВКП(б) от 5 октября 1946 г. о расширении и улучшении юридического образования в стране имело исключительно важное значение в деятельности всех судебных органов, в укреплении социалистической законности. Прделана большая работа по подготовке и переподготовке кадров судебных работников.

Много способствовало улучшению работы судов второй инстанции постановление Пленума Верховного суда СССР от 1 декабря 1950 г. «Об устранении недостатков в кассационной практике областных, краевых и верховных судов по уголовным делам». Практическая работа Московского городского суда построена в соответствии с требованиями этого постановления. В городском суде качеству кассационных определений уделяется очень большое внимание. Систематическое обобщение кассационной практики помогло улучшить качество кассационных определений, содействовало повышению теоретического уровня и юридической квалификации членов суда. В результате изучения судебной практики некоторые неясные вопросы были постав-

лены перед Министерством юстиции, а отдельные вопросы обсуждались на кафедрах Московского юридического института. В 1951 году и в начале 1952 года члены суда делали сообщения на кафедрах института по вопросам судебной практики по трудовым и жилищным делам. Профессорско-преподавательский состав института принимал участие в работе городского суда по обобщению судебной практики.

В Московском городском суде много уделяется внимания организации работы оперативных совещаний. На этих совещаниях, наряду с вопросами о качестве работы судебных коллегий, отдельных составов суда и членов суда, наряду с вопросами обобщения кассационной практики, заслушивались отчеты членов суда о том, как они работают над повышением своей теоретической подготовки. Кассационная практика Московского городского суда имела большое значение в деле повышения уровня работы народных судов. С целью оказания практической помощи народным судам в их работе Московский городской суд проводит ряд мероприятий. Выделен специальный день в неделю, когда все члены суда посещают народные суды для обсуждения с судьями вопросов судебной практики, допущенных ими ошибок при рассмотрении дел, оказывая тем самым помощь судьям в глубоком изучении законов. Члены Московского городского суда активно участвуют в проводимых управлением министерства юстиции ревизиях работы народных судов, в ежемесячных кустовых совещаниях народных судей. В феврале 1952 года было проведено с участием членов городского суда совещание, посвященное улучшению качества работы народных судей, впервые избранных в декабре 1951 года. Большую помощь оказывают члены суда народным судьям при прохождении ими практики в городском суде.

Заместитель председателя Верховного суда Башкирской АССР т. Хабиров поделился опытом анализа материалов кассационной практики. В верховном суде Башкирской АССР ежемесячно подводятся итоги кассационной практики. По этим материалам верховным судом совместно с министерством юстиции республики принимаются необходимые практические меры по устранению обнаруженных при рассмотрении дел недостатков и ошибок в работе народных судов. Члены Верховного суда активно участвуют в ревизиях работы народных судов, выезжали в районы для

оказания практической помощи вновь избранным народным судьям. Все это благотворно сказалось на повышении качества работы народных судов. Деятельность верховных, краевых и областных судов по рассмотрению дел в кассационном порядке должна оцениваться, исходя из того положительного влияния, которое она оказывает на состояние работы народных судов. Министерство юстиции СССР и Министерство юстиции РСФСР должны больше осуществлять живое руководство работой областных, краевых и верховных судов. Необходимо такая организация идейно-политической работы среди судей, которая способствовала бы глубокому осознанию и правильному исполнению каждым народным судьей своего долга. Помимо оказания практической помощи народным судьям, необходимо оперативно реагировать на имеющиеся недостатки в их работе, систематически проводить с судьями семинарские занятия. Для улучшения работы судов важное значение имеет также комплектование аппарата судов хорошо подготовленными техническими работниками, секретарями суда и секретарями судебных заседаний.

Заместитель председателя Верховного суда РСФСР т. Архангельский, говоря в своем выступлении о роли судов второй инстанции в повышении уровня работы народных судов, сказал, что эти суды своими определениями, если эти определения правильны и хорошо написаны, имеют возможность повседневно направлять работу народных судов. Отсюда большая ответственность вышестоящих судов за качество кассационных определений. Однако не все еще кассационные определения отвечают предъявляемым требованиям. Задача заключается в том, чтобы использовать все меры к дальнейшему повышению качества работы областных, краевых и верховных судов по рассмотрению уголовных и гражданских дел в кассационном порядке. Этому в значительной мере должен способствовать Верховный суд РСФСР, осуществляющий надзор за судебной деятельностью всех судебных органов республики.

Заместитель председателя Верховного суда Армянской ССР т. Вартанян в своем выступлении отметил, что постановление Пленума Верховного суда СССР от 1 декабря 1951 г. значительно способствовало улучшению кассационной практики. Он указал на исключительную важность организации обмена опытом работы областных, краевых и верховных судов, изучение и распространение положительного опыта их работы. Тов. Вартанян высказался за организацию на местах специальных занятий с народными заседателями, которые временно исполняют обязанности народного судьи.

Заместитель председателя Верховного суда Татарской АССР т. Крымов в своем сообщении на совещании, что верховный суд республики проводит большую работу по обобщению

судебной практики. Это дало возможность всесторонне проанализировать работу каждого члена суда. Материалы обобщения судебной практики обсуждаются на оперативном совещании в обстановке развернутой критики и самокритики. Руководители верховного суда непосредственно лично участвуют в рассмотрении дел по кассационным жалобам и протестам. Это является лучшим средством руководства работой членов суда и контроля над правильным разрешением дел. Много уделяется также внимания в верховном суде повышению политических знаний и юридической квалификации членов суда. Тов. Крымов отметил необходимость повышения качества докладов членами суда дел, рассматриваемых по кассационным жалобам и протестам. В этом отношении имеется еще немало серьезных недостатков.

Заместитель председателя Верховного суда Туркменской ССР т. Миронов говорил о необходимости повышения требовательности к членам областных, краевых и верховных судов за качество рассмотрения дел. В Верховном суде Туркменской ССР систематически составляются обзоры работы членов областных судов. В этих обзорах дается подробное описание каждого нарушения, обнаруженного верховным судом при рассмотрении дел в кассационном порядке и в порядке надзора, и указываются те конкретные меры, которые должны быть приняты для устранения недостатков. Обзоры обсуждаются в верховном суде, а затем рассылаются в областные суды для обсуждения их на оперативных совещаниях членов суда. Положительное значение такой практики сказалось на повышении из квартала в квартал качества работы областных судов республики. На каждого вызываемого на практику в верховный суд члена областного суда составляется индивидуальный план прохождения практики с учетом допущенных им ошибок в работе.

Заместитель председателя Ставропольского краевого суда т. Галина в своем выступлении подчеркнула необходимость усиления внимания работе народных судов по рассмотрению гражданских дел. Это связано с определенными требованиями в области подготовки членов областных судов, рассматривающих гражданские дела в кассационном порядке. В Ставропольском краевом суде этому вопросу уделяется большое внимание. В 1951 году было проведено несколько десятков семинаров, которые сыграли большую роль в повышении квалификации членов суда. Краевой суд приводит большую работу с кадрами народных судей, оказывает судьям серьезную практическую помощь, строго следит за соблюдением законности в работе народных судов. Члены краевого суда систематически посещают народные суды, а также выезжают с целью оказания практической помощи в районы края. Краевой суд практикует направление народным судьям писем, в которых подробно разъяс-

нают допущенные ими ошибки, обнаруженные при рассмотрении дел в кассационном порядке. Краевой суд проявляет инициативу в вызове народных судей на практику. Члены краевого суда провели совещание с вновь избранными народными судьями по важнейшим вопросам судебной практики по гражданским делам. Все это сказалось на повышении качества работы народных судов. Положительную роль сыграло также и то, что краевой суд выносит частные определения по поводу недостатков и ошибок, отмечаемых при рассмотрении дел в кассационном порядке, и, обобщив практику вынесения частных определений, добился повышения их действенности. Члены краевого суда тщательно учитывают качество работы каждого народного суда.

Заместитель председателя Вильнюсского областного суда Литовской ССР т. Бурков поделился опытом работы областного суда с кадрами народных судей. Областной суд проводит ежемесячное обсуждение итогов кассационной практики с участием народных судей города. Это значительно помогает улучшению судебной работы, способствует повышению качества кассационных определений.

Заместитель председателя Верховного суда Латвийской ССР т. Гринберг в своем выступлении осветил вопросы анализа материалов кассационной практики, практику проведения кустовых совещаний народных судей. Он отметил необходимость усиления внимания повышению уровня рассмотрения в народных судах гражданских дел. Тов. Гринберг рассказал также о том, что в г. Риге организованы семинарские занятия с народными заседателями, исполняющими обязанности народного судьи, что имеет большое значение для улучшения работы народных судов.

Заместитель председателя Верховного суда Эстонской ССР т. Афанасьев поделился опытом работы верховного суда по рассмотрению дел в кассационном порядке и рассказал о мероприятиях, которые проводятся по повышению качества этой работы. В Верховном суде Эстонской ССР ежемесячно анализируется работа кассационной инстанции. На совещания по этим вопросам приглашаются работники Ми-

нистерства юстиции, а также и народные судьи. В отдельных случаях по согласованию с Министерством юстиции вызываются на эти совещания и те из народных судей районов, в работе которых отмечены серьезные недостатки. На совещании делаются критические замечания и по работе самого верховного суда. Принимаются меры, чтобы оперативно устранить те недостатки, которые имеют место в работе народных судов. Когда устанавливаются по материалам кассационной практики те или иные недостатки в работе народного суда, сразу же намечаются необходимые мероприятия для их устранения: направляется член верховного суда в народный суд, ставится вопрос о вызове народного судьи на практику или о вызове народного судьи на заседание коллегии министерства для обсуждения качества его работы. Члены верховного суда систематически ведут учет данных, характеризующих качество работы каждого народного суда. Работники Верховного суда Эстонской ССР выезжали в народные суды, где оказывали судьям практическую помощь. Несколько народных судей были вызваны на практику в верховный суд.

Заместитель председателя Черниговского областного суда т. Хрущенко в своем выступлении выразила пожелание, чтобы журнал «Социалистическая законность» уделял больше места освещению практики работы областных, краевых и верховных судов.

Председатель Верховного суда СССР т. А. А. Волин в своем выступлении подчеркнул значение кассационной функции как основной формы руководства нижестоящими судами и указал на то, что между работой кассационной инстанции и деятельностью народных судов существует самая непосредственная связь, что одно от другого не отделимо. Руководящие указания Пленума Верховного суда СССР по вопросам, связанным с вынесением приговора и с кассационной практикой по уголовным делам, имеющие очень важное значение, выполняются еще недостаточно. Он отметил как недостаток, что до сего времени не проведено еще надлежащего обобщения практики проведения в жизнь этих постановлений Пленума Верховного суда СССР.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Проф. Д. С. Карев *«Советское судоустройство»*. Допущено Министерством высшего образования СССР в качестве учебника для юридических высших учебных заведений. Издание второе, переработанное и дополненное. Государственное издательство юридической литературы, М., 1951, стр. 312.

С выходом в свет нового издания учебника проф. Д. С. Карева по советскому судоустройству студенты высших юридических учебных заведений получили доброкачественный, отвечающий высоким требованиям учебник по одной из важных юридических дисциплин. Автор учебника много поработал над тем, чтобы дать требовательному и пытливому советскому студенту такое учебное пособие, которое воспитывало бы в нем любовь и глубокое уважение к советскому социалистическому судебному праву и советским судебным и прокурорским учреждениям, где ему после окончания вуза придется работать.

Перед составителем учебника по судоустройству стояла весьма трудная задача: так подготовить учебник для студента первого курса, чтобы учебник смог ввести будущего юриста в область предстоящей работы, развить в нем любовь и настойчивость в изучении юридических дисциплин. Советский студент, готовящийся к сложной и ответственной работе судьи, прокурора, следователя, адвоката или нотариуса, первое представление о своей будущей специальности, как правило, получает из курса судоустройства.

От постановки изучения этого курса в значительной мере зависит представление начинающего юриста об его будущих обязанностях. Если уже на первом курсе будет дано студенту правильное представление о тех ответственных и серьезных обязанностях, которые возлагает советский закон на судей, прокуроров и следователей, то студент будет соответственно к этому и готовиться, упорно и настойчиво овладевать юридической наукой.

Учебник по советскому судоустройству проф. Д. С. Карева состоит из девяти глав и приложения, заключающего в себе материал о судоустройстве дореволюционной России. Первые три главы посвящены вопросам теории и истории советского судоустройства. В четвертой рассматривается действующая советская судебная система. В главах пятой, шестой и седьмой рассматривается устройство и основные принципы деятельности прокуратуры, адвокатуры и органов судебного управления, судебно-исполнительных и нотариальных органов. Восьмая глава заключает материал о судебном устройстве стран народной демократии. В девятой главе дается анализ и при-

водится конкретный материал о реакционных, террористических судебных органах стран империалистического, антидемократического лагеря.

Рецензируемый учебник свободен от ошибочных утверждений и существенных неточностей, которые имели место в предыдущем издании и на которые обратили внимание в своих рецензиях проф. Л. Поволоцкий (*«Советское государство и право»* 1949 г. № 10) и доц. А. Ривлин (*«Социалистическая законность»* 1950 г. № 1, стр. 47—53).

Учебник проф. Д. С. Карева, на наш взгляд, имеет ряд следующих достоинств.

1. Переработка учебника произведена автором на основе указаний о базисе и надстройке, содержащихся в работе товарища Сталина *«Марксизм и вопросы языкознания»*. Советский суд, как и другие органы советского государства, принципы организации и деятельности которых изучаются в курсе судебного устройства, рассматривается как часть надстройки над социалистическим базисом. Автор постоянно раскрывает их активную служебную роль (стр. 3, 5, 16—17), показывает роль советского суда и прокуратуры в укреплении социалистического базиса, в ликвидации пережитков капитализма в сознании людей, в упрочении советского строя (стр. стр. 26—31—131—134 и др.). Руководствуясь генеральными указаниями товарища Сталина о том, что надстройка должна постоянно играть активную роль по отношению к базису и что если она перестает играть эту активную роль, то теряет качество надстройки, автор учебника раскрывает роль советского суда, прокуратуры в социалистическом обществе, а также значение науки судоустройства.

Ввиду этого весь учебник от начала до конца проникнут идеей ориентировать своего читателя — будущего судью, прокурора, следователя — на выполнение задач, стоящих перед работниками суда, прокуратуры, следствия. Этому же посвящается и специальный параграф четвертый *«Партийность науки советского судоустройства»* (стр. 12—14). *«Партия, — пишет автор, — требует от каждого советского судьи, следователя, прокурора, адвоката, от каждого советского юриста большевистской идейности в практической работе»*. В качестве первейшего требования, предъявляемого к каждому советскому юристу, автор приводит указание товарища Сталина о том, что нам нужны люди, которые понимают и воспринимают политическую линию большевистской партии как свою собственную, которые в состоянии провести ее в жизнь, осуществлять ее на практике и которые способны отвечать за нее, защищать ее, бороться за нее.

II. Все рассматриваемые в учебнике вопросы решаются на основе марксистско-ленинского учения о государстве и праве, в духе требований, предъявляемых большевистской партией, товарищем Сталиным к органам социалистического правосудия. Это дает основание утверждать, что учебник написан на должном идейно-теоретическом уровне. Автор специально рассматривает вопрос о теоретической основе науки судебного устройства — о Сталинском учении о социалистическом государстве (стр. 14—19).

Однако первая глава учебника не лишена и существенных недостатков. В ней совершенно не рассматривается место науки судостроительства среди других юридических дисциплин. В отличие от предыдущего издания ничего не говорится о судебном праве, хотя правильное решение этого вопроса имеет серьезное значение для глубокого и всестороннего выяснения служебной роли социалистического правосудия. Признание судебного права в качестве отрасли советского права дает полную возможность для научного выяснения служебной роли и места таких научных дисциплин, как судостроительство, уголовный процесс, гражданский процесс, криминалистика. Правильное научное решение вопроса о судебном праве дает возможность для раскрытия путей и методов дальнейшего укрепления социалистического правосудия.

III. Глава вторая, посвященная выяснению задач и принципов организации советского суда (стр. 20—51), включает в себе стройное, аргументированное изложение основных вопросов социалистического правосудия. Дав понятие правосудия, автор затем переходит к выяснению демократизма советского суда и его задач. Правильно подчеркивается неразрывная связь задач советского суда с принципами его организации и деятельности. Однако не везде и не в полной мере автор раскрывает отдельные задачи социалистического правосудия и их неразрывную связь с принципами устройства и деятельности суда.

По существу остается нераскрытой воспитательная роль советского суда. Об этом говорится очень мало и в различных местах. На стр. 17 указывается, что советский суд участвует в выполнении хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной функции; на стр. 31 говорится, что советский суд не ограничивается наказанием преступников, затем приводится цитата из работы акад. А. Я. Вышинского и текст ст. 3 Закона о судостроительстве. По этим отдельным замечаниям о воспитательной роли социалистического правосудия у читателя не складывается законченного представления о том, какова роль советского суда в решении основной задачи социалистического государства внутри страны — в мирной хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работе.

Совершенно не останавливается автор и на задачах советского суда по обеспечению

точного и неуклонного исполнения советских законов (ч. 2 ст. 2 Закона о судостроительстве). А между тем в настоящее время задача по укреплению советской законности выдвигается на первый план в работе всех органов государства, и в особенности суда, призванного своей деятельностью обеспечивать точное соблюдение законов.

Неверными, на наш взгляд, являются неоднократные утверждения автора о том, что якобы Сталинская Конституция закрепляет лишь основные принципы организации суда (стр. 32—33). Это опровергается самим же автором, когда он излагает вопросы об участии народных заседателей в рассмотрении дел (стр. 34), о ведении судопроизводства на языке союзной или автономной республики или автономной области (стр. 39), а также в ряде других мест (стр. 9 и др.). Из этого изложения видно, что в Конституции СССР закреплены основные принципы устройства и деятельности суда. Было бы правильным, если бы автор говорил о конституционных принципах устройства и деятельности, советского суда, а не о принципах организации, как это сделано в учебнике.

Автор не сделал даже попытки раскрыть принцип устройства суда, закрепленный в ст. 102 Конституции СССР. Этот принцип назван в числе конституционных (стр. 33). Правда, это нельзя поставить автору в вину, так как названный вопрос не нашел еще должного исследования в нашей литературе. Нам представляется, что ст. 102 Конституции СССР закрепляет принцип подзаконности советского суда, что свое дальнейшее развитие указанный принцип нашел в ст. 5 Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик, закрепляющей в качестве принципа социалистического правосудия единый и равный для всех граждан суд. Вряд ли можно согласиться с мнением автора о том, что принцип, закрепленный в ст. 102 Конституции СССР, при таком изложении получается, что единая судебная система вытекает из ст. 5 Закона о судостроительстве, а не из ст. 102 Конституции СССР, которая в действительности устанавливает единую систему судов. Это прямо вытекает из содержания статьи. Ставя на первое место Верховный суд СССР, ст. 102 Конституции тем самым подчеркивает и единство судебной практики, необходимость единого понимания и единообразного исполнения законов всеми судами.

Следует признать ошибочным утверждение автора о том, что единая судебная система СССР исходит из административного деления страны (стр. 48). Это неверно. Единство судебной системы обуславливается требованием законности, а не административным делением. Кстати, отметим серьезную ошибку автора, допускающего утверждение, сводящее государственное устройство СССР как союзного государ-

ства, образованного на основе добровольного объединения равноправных советских социалистических республик, к простому административному делению страны (стр. 48).

IV. Большое значение для глубокого уяснения сущности и путей развития советского судостроительства имеет глава третья («Краткий очерк развития советского законодательства о суде»), заключающая в себе очень интересный и хорошо поданный материал. Глава написана, исходя из руководящего указания товарища Сталина о том, что на протяжении последних тридцати лет в нашей стране была создана социалистическая надстройка, соответствующая социалистическому базису¹.

Прочитав ее, читатель убеждается в том, что история развития советского суда представляет собою историю постоянного и всемерного укрепления социалистического правосудия. В ней с исключительной наглядностью показана роль советского суда в решении задач социалистического государства, в содействии социалистическому и коммунистическому строительству (стр. стр. 59—84—85, 87, 89, 92—95, 97—98, 104). Автор не ограничивается изложением изменений в судебном устройстве, происшедших в тот или иной исторический период развития советского государства, показывает причины и необходимость этих изменений, а также их роль в укреплении правосудия, в обеспечении успешного решения стоящих перед ним задач.

Показывая огромное значение Сталинской Конституции для дальнейшего развития и укрепления советского суда, автор отмечает, что процесс роста и укрепления социалистического государства и всех его органов нашел в ней наиболее полное выражение.

Однако, и эта глава вызывает некоторые замечания. Вряд ли можно согласиться с автором, когда он, совершенно правильно начиная главу с параграфа о сломе буржуазно-помещичьего суда в результате Великой Октябрьской социалистической революции, ничего не говорит о судебной системе, подлежащей слому. Правда, о ней говорится в приложении. Однако, это не меняет дела. При изучении параграфа первого этой третьей главы у читателя, студента первого — второго курсов, не может сложиться законченного представления о том, почему непременно следовало уничтожить старый суд. Он обязательно должен обратиться к приложению, из которого он узнает, что царский суд был эксплуататорским, антинародным не только по своим задачам, персональному составу, но также и по принципам устройства и деятельности, т. е. своим острием был обращен против рабочего класса, против трудящихся, и поэтому, придя к власти, рабочий класс не мог его использовать. Было бы более

правильным наиболее яркие сведения дать в начале главы третьей и показать, почему этот суд не мог быть сохранен пришедшим к власти рабочим классом (хотя этот вопрос и изучается студентами в курсе истории государства и права и из программы по советскому судостроительству исключен).

Второе наше замечание относится к параграфу, посвященному фазам развития советского государства.

На стр. 53—60 автор рассматривает вопрос о роли и задачах суда в первой и второй главных фазах развития советского государства. Но затем, начиная со стр. 60, роль и задачи суда рассматриваются уже вне всякой связи с учением товарища Сталина о функциях и фазах развития советского государства. Ввиду этого очевидного противоречия у читателя не складывается должного представления об истории советского суда в главных фазах развития советского государства.

Кроме того, в изложении имеются некоторые неточности. Так, на стр. 54—55 говорится об известном постановлении VI Всероссийского Чрезвычайного съезда Советов о точном соблюдении законов и приводится большая цитата из этого постановления. Однако автор почему-то ничего не говорит о ст. 5-й этого постановления, прямо относящейся к роли народного суда в борьбе с проявлением бюрократизма, в деле точного соблюдения законов.

V. В главе четвертой рассматривается судебная система СССР, союзных и автономных республик (стр. 105—130). В ней достаточно полно и всесторонне раскрываются компетенция, порядок, образование и организационное устройство каждого судебного органа.

Однако эта глава вызывает некоторые замечания. Едва ли можно согласиться с автором в том, что в параграф о понятии судебных инстанций и судебном надзоре, непосредственно относящийся к судебной системе, он включил в главу вторую (стр. 48—51). Было бы правильнее главу о судебной системе начинать с ее понятия, а также с понятия ее составных частей. Кроме того, в главе не освещается весьма важный и сложный вопрос: какое практическое выражение в судебной системе Советского Союза находит союзное устройство нашего государства. Автор пишет: «Различают общесоюзные суды и суды союзных республик» (стр. 105). Из этого следует, что различие наших судов на общесоюзные и республиканские является предметом научного спора. А между тем это установлено Законом о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик. Иными словами, не полностью раскрыто название самой главы: судебная система СССР, союзных и автономных республик. Читатель не получает законченного ответа на этот вопрос.

VI. Некоторые неточности содержатся и в изложении вопросов, относящихся к советской прокуратуре. Правильно раскры-

¹ Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 6.

вая основные задачи работы советской прокуратуры, в частности, ее борьбу за укрепление социалистической собственности, автор в ряде мест неточно передает ее конституционную обязанность.

Так в начале главы прокуратура изображается органом, осуществляющим «надзор за соблюдением законности» (стр. 131). Там же утверждается многообразие задач прокуратуры. Это неточная передача конституционной обязанности прокуратуры, призванной, как известно, осуществлять высший надзор за точным соблюдением законов всеми министерствами, подведомственными им учреждениями, всеми должностными лицами и гражданами СССР.

Прокуратура призвана осуществлять одну важнейшую государственную задачу — высший надзор за точным соблюдением законов, т. е. своей деятельностью она должна обеспечить единое понимание и единообразное исполнение советских законов на всей территории государства и во всех областях государственной, хозяйственной и культурной жизни. Можно говорить только о многообразии форм, методов выполнения этой задачи.

Автору следовало бы раскрыть сущность высшего надзора за законностью и связать это с особенностями устройства и деятельности органа, призванного, согласно Сталинской Конституции, осуществлять этот надзор. Серьезным недостатком является и то, что автор не связывает учреждения прокуратуры СССР с гениальными указаниями товарища Сталина о задачах и направлении острейшей социалистической законности во второй фазе развития советского государства нашли свое законодательное выражение в постановлении ЦИК и СНК СССР об образовании Прокуратуры СССР. Нельзя признать правильным включение в главу о прокуратуре всего материала об органах предварительного следствия. При таком расположении материала у читателя создается неправильное представление не только о задачах этих органов, но также и об их месте в системе органов государства. Неопытный читатель может подумать, что следственные органы МГБ и милиции, как и следственные органы прокуратуры, входят в ведомство последней.

Выделение материала о следственном аппарате обусловливается также и теми огромными требованиями, которые предъявляются к ним в настоящее время. Товарищ Сталин в своем докладе на XVIII съезде ВКП(б) указал на то, что в настоящее время карательные органы и разведка необходимы для выявления и наказания шпионов, убийц, вредителей, зачисляемых в нашу страну иностранными разведками, что они своим острием обращены во вне, против внешних врагов.

В рассматриваемой главе имеется и ряд неточных выражений. На стр. 150 автор допускает неточное утверждение о том, что якобы прокуратура в нашей стране организована в соответствии с административно-территориальным делением СССР. Неверно это. Как и судебная система, прокуратура в нашей стране организуется, исходя из государственного устройства СССР как союзного государства.

Глава восьмая учебника, посвященная судостроительству стран народной демократии, написана обстоятельно. Освещение всех вопросов дается, как правило, на основе новейших материалов очень убедительно и доходчиво. У прочитавшего эту главу остается правильное, законченное представление о задачах правосудия народно-демократических государств и, в особенности, об огромной роли суда в борьбе с агентами империалистического окружения. «Задача подавления сопротивления свергнутых классов внутри страны, борьба с агентами разведок империалистических государств — весьма важная задача в странах народной демократии в данное время», — пишет автор на стр. 187.

Справедливо подчеркивается огромное значение исторического опыта суда СССР для укрепления и развития правосудия стран народной демократии (стр. 185, 191).

Заслуживают быть отмеченными некоторые недостатки этой главы. Серьезные замечания вызывает параграф, посвященный судебному устройству Китайской народной республики, написанный до принятия в сентябре 1951 года ряда новых законов и поэтому содержащий устарелый материал. В момент выхода учебника из печати принято «Временное организационное положение народных судов Китайской народной республики» («Женьминьцзябао» от 5 сентября 1951 г.). Из указанных материалов следует, что в настоящее время в Китайской народной республике уже создана единая судебная система, построенная на демократических началах. Неправильным ввиду этого является утверждение автора учебника о том, что судебная организация в Китае не получила своего законодательного оформления, что «создание и укрепление местных органов юстиции в Китае еще незавершенная задача» (стр. 227), что «в настоящее время еще каких-либо правил и законов, определяющих порядок судопроизводства, не имеется» (стр. 218).

Анализ достоинств и недостатков учебника проф. Д. С. Карева показывает, что советская высшая школа получила хороший учебник. Однако требования к юридическому образованию, следовательно, и к учебникам постоянно возрастают. Отмеченные в рецензируемом учебнике недостатки указывают, что учебник содержит возможности дальнейшего его улучшения.

Кандидат юридических наук

В. Радков

ИЗ ПРАКТИКИ ПРОКУРАТУРЫ СССР ПО НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОННОСТИ

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Неправильное применение указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 ноября 1944 г.

Калошин обратился в суд с заявлением, в котором просил установить факт состояния его в фактическом браке с Кузовковой с 1934 г. по 1948 г., т. е. по день ее смерти. Народный суд 1-го участка Заводского района г. Орла признал Калошина мужем умершей Кузовковой.

По протесту прокурора Орловской области дело рассматривалось в кассационном порядке Орловским областным судом, определением которого протест об отмене определения народного суда был отклонен.

По протесту Прокурора РСФСР судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР определением от 20 апреля 1950 г. отменила определения народного суда и Орловского областного суда и дело прекратила по тем мотивам, что Калошин имел возможность оформить свои брачные отношения с Кузовковой при ее жизни, так как каких-либо причин, препятствовавших этому, по делу не установлено.

Рассмотрев это дело 31 марта 1950 г. в порядке надзора, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР нашла, что указы Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля и 10 ноября 1944 г. не преграждают возможности лицам, состоящим в фактических брачных отношениях, оформить свои отношения путем регистрации брака в органах загса, а в случае смерти одного из супругов — путем обращения в суд с заявлением о признании заявителя супругом умершего, если фактические брачные отношения возникли до издания указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. и продолжались до смерти одного из этих лиц. Судебная коллегия признала определение Верховного суда РСФСР о прекращении дела неправильным, отменила все состоявшиеся определения, обратив дело на новое рассмотрение.

Генеральный Прокурор СССР, считая определение Верховного суда СССР неправильным, опротестовал его в Пленум Верховного суда СССР.

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР, Пленум Верховного суда СССР указал, что мотивы Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР о том, что указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г., а также последующий указ от 10 ноября 1944 г. не преграждают возможности обращения в суд с заявлением о признании заявителя супругом умершего,

с которым заявитель находился до издания указа от 8 июля 1944 г. в фактических брачных отношениях, являются неправильными. Согласно ст. 19 указа от 8 июля 1944 г. только зарегистрированный брак порождает права и обязанности супругов. Фактические брачные отношения с изданием указа от 8 июля 1944 г. юридического значения не имеют и лицам, состоявшим в таких отношениях до издания указа от 8 июля 1944 г. и желающим сохранить эти отношения в дальнейшем, указ предоставил возможность оформить их путем регистрации брака в органах загса с указанием срока фактической совместной жизни. Поскольку оформление возникших до указа от 8 июля 1944 г. фактических брачных отношений в ряде случаев могло оказаться невозможным, указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 ноября 1944 г. допустил судебный порядок признания фактических брачных отношений в тех случаях, когда, вследствие смерти или пропажи без вести в период Отечественной войны одного из супругов, фактические брачные отношения не могут быть зарегистрированы согласно ст. 19 указа от 8 июля 1944 г.

Таким образом, указ от 10 ноября 1944 г. может быть применен в тех отдельных случаях, когда смерть или пропажа без вести одного из супругов произошла, хотя и после окончания Отечественной войны, но фактические брачные отношения, возникшие задолго до издания указа от 8 июля 1944 г., супруги не могли оформить в органах загса по не зависящим от них причинам.

В соответствии с этим применение указа от 10 ноября 1944 г. могло иметь место лишь при том условии, если бы по делу было установлено, что задолго до издания указа от 8 июля 1944 г. между Калошиным и Кузовковой существовали фактические брачные отношения, отвечающие по своим требованиям ст. ст. 11 и 13 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР и аналогичных кодексов других союзных республик в ранее действовавшей редакции, но Калошин не имел возможности при жизни Кузовковой оформить их согласно ст. 19 указа от 8 июля 1944 г. В этом направлении судом не было исследовано дело, и вопрос о том, по какой причине Калошин при жизни Кузовковой не оформил с ней свои отношения путем регистрации брака в органах загса, остался невыясненным. Выяснение этого вопроса имело для дела существенное значение, так как если окажется, что никаких препятствий зарегистрировать брак с Кузовковой у Калошина не было, то заявление Калошина о признании его супругом Кузовковой не подлежало удовлетворению, тем более, что по имею-

щимся в деле данным Калошин в период совместной жизни с Кузовковой состоял в зарегистрированном браке с другой женщиной, что также не проверено судом. Кроме того, как усматривается из дела, у Кузовковой имеются дети, заявившие свои права на наследство, оставшееся после Кузовковой, которые оспаривали заявление Калошина о признании его супругом умершей Кузовковой.

Согласно указаниям постановления Пленума Верховного суда СССР от 29 июля 1945 г. народный суд обязан был привлечь к участию в деле в качестве заинтересованных лиц детей умершей Кузовковой и при наличии между ними и заявителем спора о праве наследования прекратить рассмотрение дела в порядке особого производства. Народный суд не выполнил этого указания Пленума Верховного суда СССР и тем лишил заинтересованных лиц возможности вступить в дело для ограждения своих прав и законных интересов.

Пленум Верховного суда СССР исключил из определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР по этому делу мотивы в части, касающейся применения и толкования Судебной коллегией указа от 10 ноября 1944 г., обратив дело на новое рассмотрение.

Неправильный отказ в иске о расторжении брака ввиду поверхностного исследования судом обстоятельств дела

Решением Куйбышевского областного суда было отказано Столярову Д. С. в расторжении брака со Столяровой А. П. Верховный суд РСФСР оставил решение суда в силе.

По протесту Генерального Прокурора СССР дело было рассмотрено в порядке надзора Судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда СССР.

Соглашаясь с протестом Генерального Прокурора СССР, Судебная коллегия установила, что Столяровы вступили в брак в 1924 году, от этого брака у них было трое детей, двое из которых погибли на фронте Отечественной войны, и в семье осталась одна совершеннолетняя дочь. Истец Столяров считал свою жену погибшей в 1941 году, когда она находилась в поезде, обстрелянном в пути следования к месту эвакуации, о чем у него имелись сведения от лиц, сопровождавших этот поезд. Считая себя не состоящим в браке, он в 1942 году вступил в зарегистрированный брак с другой женщиной, с которой он проживает с 1942 года и имеет двух несовершеннолетних детей. Предъявляя иск в суде, Столяров указывал, что при сложившихся обстоятельствах он не может возобновить супружеских отношений с ответчицей и просил дать ему возможность воспитывать несовершеннолетних детей. Ответчица Столярова, не оспаривая этого заявления истца, указала, что она со своей дочерью до 1945 г. находилась за границей и что толь-

ко после возвращения на родину она узнала о том, что истец вступил во второй брак. Не оспаривала она также утверждения истца о том, что супружеские отношения у них не возобновились и они проживают раздельно в разных городах СССР.

Наличие указанных обстоятельств обязывало суд более глубоко разобраться в сложившихся взаимоотношениях сторон, что судом не сделано и на что не было обращено внимания Верховного суда РСФСР, который в своем определении неосновательно указал, что отношения истца к другой женщине следует рассматривать как случайную связь.

В постановлении Пленума Верховного суда СССР от 16 сентября 1949 г. о судебной практике по делам о расторжении брака указано, что при рассмотрении дел о расторжении брака суды должны исходить из основной задачи указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г.—укрепления советской семьи и брака, что временный разлад в семье и конфликты между супругами, вызванные случайными и преходящими причинами, не могут считаться достаточным основанием к расторжению брака.

Однако в тех случаях, когда, исходя из конкретных обстоятельств дела, суд придет к убеждению, что возбуждение дела о расторжении брака вызвано глубоко продуманными и обоснованными мотивами и что дальнейшее сохранение брака невозможно, суд должен расторгнуть брак.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР отменила решение Куйбышевского областного суда и определение Верховного суда РСФСР, обратив дело на новое рассмотрение.

Отмена судебного решения о признании фактических брачных отношений ввиду нарушения судом указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 ноября 1944 г.

В феврале 1948 г. Аникеева обратилась в суд с заявлением, в котором просила признать в судебном порядке, что она состояла в фактических брачных отношениях с Аникеевым М. П., который умер 17 февраля 1948 г. В заявлении Аникеева ссылалась на то, что первоначально в брак с Аникеевым она вступила в 1923 году, а в 1930 году этот брак был расторгнут, однако, несмотря на это, они продолжали находиться с Аникеевым в фактическом браке. Установление этого факта было необходимо Аникеевой для того, чтобы оформиться в правах наследства к имуществу, оставшемуся после смерти Аникеева. Дело это неоднократно рассматривалось в судебных органах и было принято к производству Московским областным судом, решением которого Аникеева была признана фактической женой Аникеева. Решение Московского областного суда было оставлено в силе. После этого Аникеева предъявила

в суде иск к Аникееву Д. (брат умершего) и к сберегательной кассе № 1569 о взыскании денег по пяти сберкнижкам на предъявителя и имущества, которым завладел Аникеев Д.

Рассмотрев это дело, народный суд 5-го участка Краснопресненского района г. Москвы постановил взыскать с Аникеева Д. в пользу истицы 13 075 руб., полученных им по вкладам Аникеева М. Остальные деньги в сумме 1000 руб., находящиеся в сберегательной кассе по вкладам Аникеева М., суд постановил выдать также истице. В остальной части иска Аникеевой было отказано. Московский городской суд оставил в силе это решение.

Генеральный Прокурор СССР, считая решение и определения, вынесенные по обоим делам, неправильными, опротестовал их в Судебную коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР.

Соглашаясь с доводами протеста, Судебная коллегия указала, что в 1930 году брак между Аникеевыми был расторгнут и после этого в брак они не вступали. Согласно указу Президиума Верховного Совета СССР от 10 ноября 1944 г. фактические брачные отношения, возникшие до издания указа от 8 июля 1944 г., могут быть установлены в судебном порядке лишь в том случае, если они не могут быть оформлены в загсе вследствие смерти или вследствие пропажи без вести на фронте одного из лиц, состоявших в таких отношениях. Иными словами, если фактические брачные отношения, существовавшие до издания указа от 8 июля 1944 г., не могли быть зарегистрированы согласно ст. 19 указа по причине, не зависящей от супругов. Между тем, как видно из дела, Аникеев умер 17 февраля 1948 г. и, следовательно, он и истица Аникеева имели возможность, если бы они действительно являлись супругами, зарегистрировать брак в установленном законом порядке. Никаких причин, препятствовавших регистрации брака между указанными лицами, по делу не установлено. При таких обстоятельствах признание Аникеевой супругой умершего Аникеева является необоснованным. В связи с этим является также неправильным решение народного суда и определение Московского областного суда об удовлетворении иска Аникеевой о признании за ней права на наследование вклада, принадлежавшего умершему Аникееву.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР отменила все решения и определения по обоим делам и дело прекратила за отсутствием у Аникеевой права на иск.

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Неправильная квалификация хищения как злоупотребления служебным положением

Народным судом Закатальского района Азербайджанской ССР 2 августа 1950 г. Саркисов по ст. 143 УК Азербайджанской

ССР осужден к пяти годам лишения свободы.

Определением Верховного суда Азербайджанской ССР от 5 сентября 1950 г. вынесенный Саркисову приговор оставлен в силе. Саркисов был привлечен к судебной ответственности по ст. 143 УК Азербайджанской ССР за то, что он, работая главным бухгалтером Закатальской районной конторы «Заготскот», присвоил 10 797 руб., из которых после проведения ревизии возместил 3284 руб.

Генеральный Прокурор СССР опротестовал приговор народного суда и определение Верховного суда Азербайджанской ССР, считая, что в действиях Саркисова имеется состав преступления, предусмотренного ст. 2 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Из материалов дела видно, что Саркисов израсходовал государственные средства на личные нужды; это обстоятельство признал в своих показаниях сам осужденный. Более того, как видно из акта ревизии, Саркисов завуалировал по бухгалтерским документам образовавшуюся недостачу денежных средств. В приговоре также констатируется, что Саркисов присвоил деньги, но, несмотря на это, суд квалифицировал его действия как злоупотребление.

Генеральный Прокурор СССР просил отменить приговор народного суда и определение Верховного суда Азербайджанской ССР и направить дело на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия для предъявления Саркисову обвинения по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г.

Верховный суд СССР 6 декабря 1951 г. протест удовлетворил (определение № 02/3071-у).

Направление на доследование дела для установления обстоятельств, не имеющих существенного значения для дела, повлекло за собой отмену определения

Определением Минского областного суда от 24 сентября 1951 г. обращено к доследованию дело по обвинению Наливаевой А. К. по ст. 197 «в» УК Белорусской ССР (ст. 110 УК РСФСР).

Протест прокурора Белорусской ССР, принесенный на это определение, 3 сентября 1951 г. Верховным судом республики отклонен.

Считая неправильным определение суда о направлении на доследование дела по обвинению Наливаевой, Генеральный Прокурор СССР по этому делу принес протест по следующим основаниям:

Наливаевой, работавшей кондуктором трамвая, предъявлено обвинение в том, что 19 апреля 1951 г. она во время движения трамвая вытолкнула из вагона гр-к Купченко Лидию и Силкину Лидию, которые в результате падения получили телесные повреждения.

Минский областной суд, а также Верховный суд Белорусской ССР считали необходимым направление этого дела на исследование для выяснения следующих обстоятельств: установить, к какому маршруту трамвая относятся проездные билеты, предъявленные гр-кой Купченко, были ли у гр-к Купченко и Силикиной проездные билеты того маршрута, по которому шел трамвай, откуда они были вытолкнуты; установить, вытолкнула ли гр-к Купченко и Силикину из вагона кондуктор Наливаева или они сами выскочили из вагона во время движения трамвая в связи с тем, что не имели билетов.

Эти мотивы являются необоснованными. То обстоятельство, что гр-ки Силикина и Купченко не по собственной инициативе выскочили из вагона, а были вытолкнуты кондуктором Наливаевой, устанавливается, помимо показаний потерпевших, свидетелями Игнатьевой, Таракановой и Романовой.

Если же свидетель Федорович давала по этому вопросу противоречивые показания, то суд имел возможность установить причины противоречий в судебном заседании, не обращая дела к исследованию.

Проверка маршрута, к которому относились проездные билеты, предъявленные гр-кой Купченко, а также того обстоятельства, имели ли Купченко и Силикина проездные билеты данного маршрута, — необходимо не вызывается: независимо от того, имели или не имели Силикина и Купченко билеты, Наливаева не вправе была выталкивать их из трамвая.

Если все же суд считал нужным это обстоятельство проверить, то суд мог, вызвав в судебное заседание эксперта, установить, к какому маршруту относятся имевшиеся у Купченко билеты.

По указанным основаниям Генеральный Прокурор СССР в протесте поставил вопрос об отмене определений Минского областного суда и Верховного суда Белорусской ССР по делу Наливаевой и о направлении этого дела на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства.

5 января 1952 г. Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда СССР протест Генерального Прокурора СССР удовлетворен (определение № 02/3859/у).

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

ОТВЕТЫ РЕДАКЦИИ НА ЗАПРОСЫ ЧИТАТЕЛЯМ

Прокуратуре Тандинского района Тувинской автономной области

1. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР не устанавливает срока, в течение которого должен быть изготовлен протокол судебного заседания. Никаких общих указаний по этому вопросу нет и от Министерства юстиции. Однако, учитывая, что стороны имеют по закону право подать замечания на протокол, а также обжаловать приговор в кассационном порядке, протокол судебного заседания должен быть изготовлен не позднее чем в трехдневный срок со дня вынесения приговора.

2. Вопрос о праве вышестоящего прокурора снять с рассмотрения кассационный протест решен не только указанием Генерального Прокурора СССР, но и постановлением Пленума Верховного суда СССР от 10 июля 1949 г. № 10/9/У.

Народному суду Народического района Житомирской области

Согласно п. «г» ст. 2 постановления Пленума Верховного суда СССР от 29 июня 1945 г. «О порядке судебного установления фактов, от которых зависит возникновение, изменение или прекращение личных или имущественных прав граждан», подведомственные судебным органам дела об установлении факта состояния в фактических брачных отношениях, если эти отношения возникли до 8 июля 1944 г. и не могут быть оформлены вследствие смерти или вследствие пропажи без вести одного из лиц, состоявших в таких отношениях. В остальных случаях такие факты не подлежат установлению судебными органами. Согласно ст. 19 указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. лица, фактически состоявшие в брачных отношениях до издания этого указа, могут оформить свои отношения путем регистрации брака в органах загса. Никакой принудительной регистрации брака закон не допускает.

Народному суду Омутинского района Тюменской области

В соответствии со ст. 20 указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. суды не должны принимать к своему рассмотрению иски об установлении отцовства. Ходатайство об усыновлении ребенка, рожденного не в зарегистрированном браке, заявленное со стороны лица, считающего

себя отцом ребенка, рассматривается исполнительным комитетом районного Совета депутатов трудящихся на общих основаниях, установленных законом. Отказ районного исполнительного комитета в усыновлении ребенка может быть обжалован в областной исполнительный комитет.

Народному суду 1-го участка г. Серпухова Московской области

Согласно ст. 337 УПК РСФСР приговор должен быть написан рукой одного из судей и подписан всеми судьями, участвовавшими в его вынесении. Этим же принципом следует руководствоваться и при изложении судебных решений по гражданским делам.

Народному суду Лазовского района Приморского края

При рассмотрении дела о расторжении брака привод ответчика в случае уклонения его от явки в суд не производится, за исключением случаев, когда суд признает его явку необходимой для разрешения вопроса о содержании и воспитании детей. Но и в этих случаях привод из отдаленной местности недопустим. При неявке ответчика дело о расторжении брака должно быть рассмотрено в соответствии с требованиями п. 10 инструкции НКЮ СССР от 27 ноября 1944 г. «О порядке рассмотрения судами дел о расторжении брака» и ст. 101-а ГПК РСФСР.

Члену областного суда г. Уральска Западно-Казахстанской области

Стороне, уплатившей взысканную с нее по решению суда сумму пошлины, согласно ст. 27 указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г., свидетельство о расторжении брака выдается органами загса независимо от уплаты другой стороной суммы пошлины, подлежащей взысканию с нее по этому решению суда.

Народному суду 1-го участка Красноперекопского района Ярославской области

Наследник, имеющий свидетельство о наследовании, но не вступивший во владение наследственной массой, может требовать наследственное имущество от других наследников в течение трехлетнего срока исковой давности.

Членам Западно-Казахстанского областного суда

Законом не запрещено рассмотрение гражданского дела по первой инстанции членом областного суда, который ранее принимал участие в рассмотрении этого же дела по кассационной жалобе на решение народного суда.

Народному суду г. Железноводска Ставропольского края

Согласно ст. 6 постановления НКТ СССР от 6 ноября 1930 г. увольнение работников, обслуживающих денежные и товарные ценности, допускается, кроме оснований, предусмотренных общим законодательством о труде, также в случае утраты администрацией доверия к данному работнику. Для увольнения по этой причине предварительного согласования с какими-либо организациями не требуется.

Управлению МЮ по Томской области

В случае избрания народного заседателя членом областного суда он в соответствии со ст. 44 УПК РСФСР не может участвовать в рассмотрении в суде второй инстанции дела, рассмотренного с его участием в суде первой инстанции. Такого же принципа следует придерживаться по гражданским делам. Самый факт рассмотрения дела под председательством этого народного заседателя во время исполнения им обязанностей народного судьи после избрания его членом областного суда не является основанием к тому, чтобы считать неправосудными приговоры или решения народного суда.

Управлению МЮ Украинской ССР по Днепропетровской области

По вопросу о порядке определения юридической природы договоров о передаче домов с условием пожизненного содержания собственника дома, а также об условиях, при которых такого рода договоры признаются действительными, имеется ряд указаний в определениях Верховного суда СССР по отдельным делам (определение по делу Думбравы — «Судебная практика Верховного суда СССР» за 1950 г. № 3, стр. 42, определение по делу Панченко — там же, 1950 г. № 5, стр. 31, определение по делу Осинцевой — там же, 1951 г. № 3, стр. 28).

Народному суду г. Ткварчели Абхазской АССР

Согласно постановлению Пленума Верховного суда СССР от 7 мая 1948 г. № 9/7/У возмещение расходов по вознаграждению представителя на основании прим. 1 к ст. 46 ГПК РСФСР должно присуждаться стороне по делу, а не ее представителю, и никакие соглашения стороны и ее представителя не могут изменить этого порядка.

Народному суду Чечерского района Гомельской области

1. Обязанность оплаты расходов по высылке повесток ответчикам и свидетелям по делам особого производства (о взыскании недоимок по налогам, поставкам государству сельскохозяйственных продуктов, по делам о лесонарушениях) не возлагается на организации, по заявлению которых возбуждено дело. Также не подлежат взысканию эти расходы по исковым делам с тех учреждений, предприятий и организаций, которые освобождаются от государственной пошлины.

2. Суд не имеет права определить в качестве дополнительной меры наказания штраф по тем статьям Уголовного кодекса, по которым штраф предусмотрен как одна из основных мер наказания.

Народному суду 1-го участка Шумерлянского района Чувашской АССР

1. В том случае, когда потерпевший получил увечье, работая на предприятии по договору подряда, при присуждении возмещения за вред следует руководствоваться ст. 414 ГК РСФСР, в которой указывается, что, если причинивший вред не является страхователем потерпевшего, последний, поскольку он в порядке социального страхования не получает полного возмещения вреда, имеет право дополнительного требования к причинившему вред. При определении размера возмещения следует руководствоваться пунктами 8, 9 и 10 постановления Пленума Верховного суда СССР от 10 мая 1943 г. «О судебной практике по искам из причинения вреда».

2. Закон предусматривает взыскание алиментов на детей до их совершеннолетия, т. е. до 18-летнего возраста. Никаких изъятий из этого правила для случаев, когда дети, не достигшие 18 лет, имеют самостоятельный заработок, законодательство не содержит.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Передовая — Постановление Пленума Верховного суда СССР о судебной практике по делам о хищениях социалистической собственности	1
А. Ренев, А. Зверев — За установление единства в судебной практике по делам о хищениях социалистической собственности	10
Д. Орлов — Против оценочной концепции вины проф. Утевского	14
А. Барышев — Судебная практика по гражданским делам о десонарушениях . .	23
Я. Яновский — Судебная практика по разрешению споров, вытекающих из применения статьи 413 ГК	29
О. Степанова — Судебное представительство колхозов	36
Г. Заварухин — Как изображаются юристы в советской драматургии	42

В ПОМОЩЬ НАРОДНОМУ СУДЬЕ И НАРОДНОМУ ЗАСЕДАТЕЛЮ

Судебное рассмотрение гражданских колхозных дел	51
---	----

ОБМЕН ОПЫТОМ

М. Аниязц — За улучшение методики и повышение эффективности ревизий работы народных судов	61
Т. Воробьева — Положительный опыт работы народных судов РСФСР	69
В. Остроухова — Работа Московского городского суда по рассмотрению дел в кассационном порядке	74
В. Майорский — Как организована работа народного суда 1-го участка г. Ступино .	76
А. Сажин — Опыт проведения конференций по общему надзору для районных прокуроров	79

НАМ ПИШУТ

К. Маркарян — Решительней бороться с растратами и хищениями социалистической собственности	80
Я. Балясникова — Устранить противоречия в судебной практике	81

В МИНИСТЕРСТВЕ ЮСТИЦИИ СССР

Совещание заместителей председателей верховных, краевых и областных судов .	83
---	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. Радьков — Проф. Д. С. Карев „Советское судоустройство“	86
--	----

ИЗ ПРАКТИКИ ПРОКУРАТУРЫ СССР ПО НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОННОСТИ

90

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ	94
---	----

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

С. И. Зайцев (и. о. редактора), С. В. Бакшеев,
С. А. Бордонов, А. Ф. Волчков, Д. Ф. Карев,
С. П. Митричев, В. С. Тадевосян.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Пушкинская, 15а. Тел. К 6-93-06
Издатель: ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, Товарищеский пер., 19. Тел. К 6-93-06

Технический редактор **Е. Н. Косарева**

А-00187. Сдано в производство 21/VI 1952 г. Подписано к печати 24/VII 1952 г. Уч.-изд. л. 10,2
Тираж 34 700 экз. Бумага 70×108/16 3 бумажных 8,22 печатных листов Заказ 1174 Цена 3 руб.

Москва, Гарднеровский пер., 1а.
13-я типография Главполиграфиздата при Совете Министров СССР.